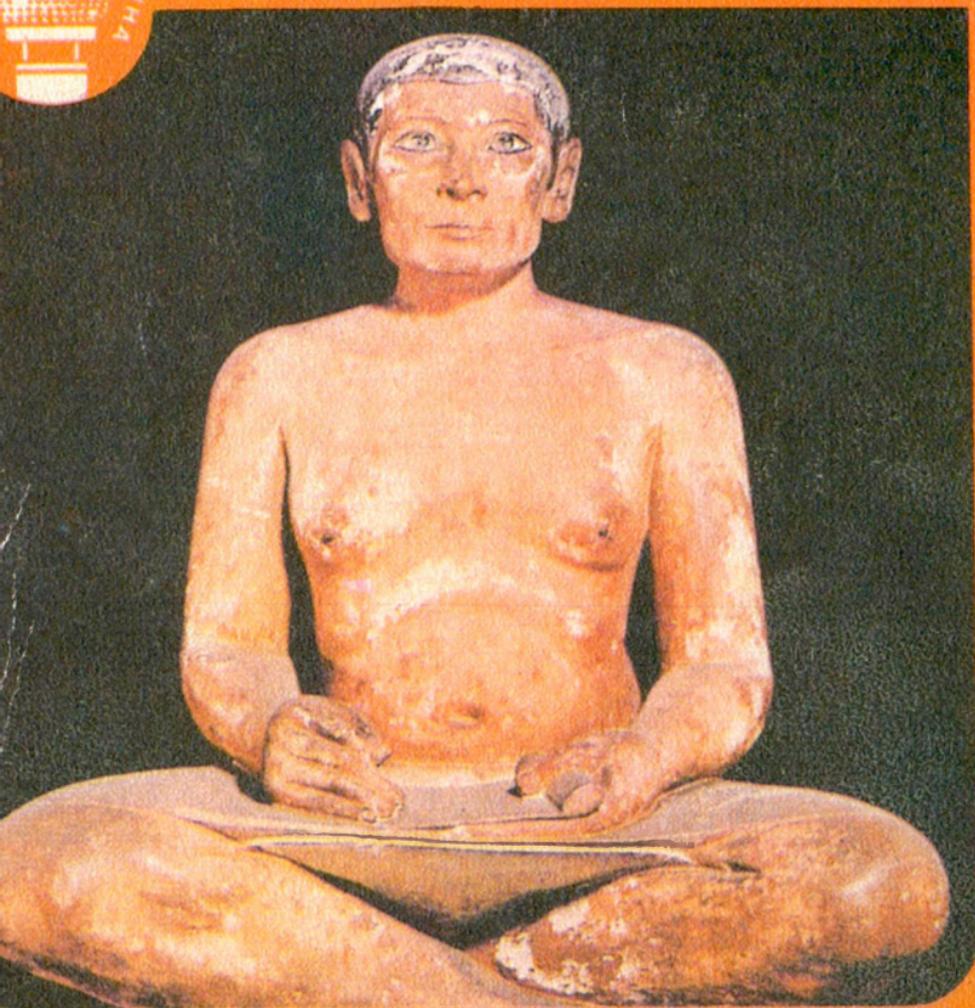

ПО СТРАНИЦАМ САМИЗДАТА

ПО СТРАНИЦАМ САМИЗДАТА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 94.3
П 41

Составители
МЯЛО К. Г., СОКОЛОВ С. В., СВЕРДЛОВ В. И.

На обложке — писец Каи, работа неизвестного
египетского скульптора, 5 династия, середина
третьего тысячелетия до н. э. Париж, Лувр.

П $\frac{4702010206-129}{078(02)-90}$ КБ—041—030—89

© Составление
Мяло К. Г.,
Соколов С. В.,
Свердлов В. И.
1990 г.

ISBN 5-235-01204-6

ОТ РЕДАКЦИИ

Приступая к изданию сборника самиздатовских текстов, мы хотели бы дать некоторые объяснения, ибо действительно такого рода издания еще внове для читателей, хотя само явление существует и существует у нас давно. Надо сказать, что во времена гласности и перестройки наша периодическая печать и средства массовой информации с лихвой перекрыли многие самиздатовские темы, и, пожалуй, единственное, что еще сдерживает отмирание этого атавизма недемократического строя, так это экономические возможности нашей полиграфии, хотя и они уже значительно шире, чем вчера: даже кооператоры находят возможности и напечатать, и бумагу достать.

И тем не менее мы пока еще только открываем самиздату дорогу к открытой печати. Для нас, как и для читателя, здесь много нового. Поэтому главный критерий в подготовке рукописи был — сохранить все в первоизданном виде, ничего не меняя (косметически исправив лишь особо скабрзные места). Остается без изменений и вся орфография, стиль оригиналов, поэтому не следует удивляться обилию в тексте прописных букв, вольному обращению с грамматикой, с падежами и вообще с русским языком. В этом тоже свой стиль самиздата. Исключительно из соображений экономии и невозможности увеличить объем книги введены сокращения в части материалов. В основу сборника положен принцип постепенного погружения в самиздат, знакомство с его основными течениями: с политическими, экологическими, религиозными, музыкальными и литературными журналами.

Размышляя над тем, как «подать» читателю весь этот «непричесанный» материал, мы пришли к выводу, что народ у нас опытный, «самый читающий в мире», а потому сам разберется, что к чему и «с чем едят этот самиздат». Вполне очевидно, что мы лишь впервые показываем явление и не претендуем на его полное и окончательное осмысление. Вполне очевидно, что редакция не разделяет и не может разделять многое из того многообразия мнений, которое представлено на страницах этой книги.

Введение

«Самиздат существовал всегда», — отметил Д. С. Лихачев, отвечая на вопрос «Меркурия» о роли самиздата в его жизни. Все мы еще со школьной скамьи знаем о ходивших в списках по России пушкинских стихах, не говоря уже о злободневной политической публицистике. И уже в самом по себе этом понятии «в списках» — схвачен наиболее характерный внешний признак самиздатской литературы: нечто, не отпечатанное типографским способом, даже по способу технического воспроизведения отличное от литературы «легальной». Ахматова запечатлела эту особенность самиздата в крылатом и давно ставшем хрестоматийным словце «догунтенберговская эпоха».

Однако, строго говоря, еще до революции, осуществленной И. Гутенбергом в книгоиздательском деле, существовало то, что можно в известном смысле назвать самиздатом, то есть литературой, издаваемой и распространяемой какой-то группой или общностью людей независимо от господствующих политических и идеологических институтов, а зачастую и в противоборстве с ними.

Свидетельством тому — апокрифические, или отреченные, книги в христианском богословии, тайные манускрипты алхимиков, рукописная традиция русских старообрядцев, то есть нечто, отрицаемое официальной культурой и нередко находящееся с ней в отношениях непримиримого антагонизма. Сочинения этого рода имели своих поклонников и адептов, нередко довольно многочисленных и готовых идти на смертельный риск соби-

рания и распространения подобной литературы, потому что она удовлетворяла какие-то их духовные и умственные запросы, не находившие удовлетворения в лоне официальной культуры.

Этому грандиозному, даже сумрачному и сопряженному с грозными испытаниями полюсу самиздата противостоит другой, интимно-бытовой: альбомная литература, домашние или ученические рукописные журналы, стенная печать и т. д. Иными словами — нечто, отнюдь не претендующее на соперничество или противоборство с официальной культурой, но являющееся как бы заметками на ее полях, спонтанным проявлением присущей человеку потребности в творческом самовыражении. Это как бы воздух культуры, та почва, на которой вырастают шедевры: в альбомы писали Пушкин и Лермонтов, с мадригалов, посвященных графине Люкот, начинал свое поэтическое творчество юный Виктор Гюго, а лицейские рукописные журналы давно стали легендой.

В сущности, можно сказать, что самиздат является вечным спутником человечества с тех пор, как оно создало письменность. И все же...

Когда это слово впервые прозвучало в нашей стране в начале 60-х годов, много смеха вызвало у нас, «в кругах», непосредственно причастных к рождению детища, известие, что кое-где на Западе оно сначала было принято просто-напросто за название какого-то нового, не вполне легального издательства. Ошибка была понятна: самиздату — такому, каким он явился тогда на свет, — аналогов в истории не было. Это явление исключительное, исполнившее какую-то огромную социальную и культурную функцию и в этой своей уникальности завершившееся с наступлением эпохи гласности.

«Долгие годы неявно существовала целая область жизни. И вот теперь мы впервые получили возможность говорить о ней вслух: — резюмирует эпоху Е. Зелинская и продолжает: — Долгие десятилетия самиздат был основой, средством и символом сопротивления сталиниз-

му, как любому виду насилия над человеческой жизнью».

Действительно, для людей, оказавшихся в 60—70-е годы в сфере распространения и влияния самиздата, он стал целой полосой в жизни.

Действительно, рождение самиздата совпало, а точнее же, явилось следствием того резкого и внезапного свертывания в 1964—1965 годах информации, касающейся сферы нашей жизни и истории, завесу над которой едва только успели приподнять «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор».

А потому он сразу же и мощно начал с суровой ноты, и в основание его лежали «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Раковый корпус» и «В круге первом» А. И. Солженицына. Затем последовали рассказы В. Шаламова, «Великий террор» Р. Конквеста, «Слепящая тьма» А. Кёстлера, «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, письма В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому и многое другое, что современному молодому читателю или тем, кто в свое время оказался за пределами влияния самиздата, сейчас известно по публикациям в толстых журналах. А затем родилась «Хроника текущих событий» — эта летопись зарождающегося диссидентства, и сегодня остающаяся на Западе олицетворением самиздата как такового, воспринимаемого прежде всего как явление политическое и, еще точнее, «диссидентски» политическое.

Однако, сколь бы резко невыраженным ни было политическое лицо самиздата, нельзя, если стремиться к всесторонней оценке его роли в нашей общественной жизни, забывать и о другом. О том, что еще тогда, когда лагерная тема оставалась ведущей, когда регулярно издавалась «Хроника» и бурно развивались связанные с ней политические процессы, диапазон самиздата постоянно и все более заметно расширялся. Именно в самиздатских публикациях многими впервые были прочитаны «Доктор Живаго» Пастернака, «Реквием» Ахма-

товой, стихи Гумилева и Мандельштама, проза Зощенко и Булгакова. И еще: Хуан де ля Крус и Мейстер Экхарт, Фрейд и Судзуки, не говоря уже о совершенно «запретной» русской философии начала века — Бердяев, Флоренский, Сергей Булгаков.

А потом все полноводнее начал становиться вначале совсем скудный ручеек литературы собственно богословской. Оригинальный штрих в общую картину вносил музыкальный самиздат — распространяемые в рукописных копиях произведения западного и советского авангарда.

Об этой стороне самиздата 60—70-х годов забывать непозволительно, потому что именно в нем бился нитевидный, готовый прерваться пульс разорванной на части, истекающей кровью культурной традиции. Он вынес огромную нагрузку собирания частей расчлененного целого, сыграл роль той «мертвой воды», которой в сказках сращивают изрубленное тело героя прежде, нежели окропить его живую водой.

Об этой его собственно культурной роли особенно уместно вспомнить в монотеме самиздата, бурно выплеснувшегося на страницы текущей периодики и временами уже пересекающего зыбкую грань, отделяющую актуальное от конъюнктурного. Естественно, сводясь только к этой теме, самиздат мог бы исчезнуть, достойно исполнив свое историческое предназначение.

Невелики, особенно после съезда, и его шансы выжить, форсируя до крика политическую публицистику. Конкурировать же с «улицей» в этом плане сейчас просто невозможно.

Однако самиздат явно не собирается сдавать позиций, число изданий непрерывно растет, и, чтобы ориентироваться в них, уже приходится пользоваться справочником-«путеводителем». И вот, погружаясь в мир самиздата конца 80-х годов, сразу же схватываешь его наиболее характерное отличие от самиздата конца 60-х. Тот родился, если говорить о литературных аналогиях, как повествование о «Сошествии во ад», сочетая на

инных страницах лирическое, интимное с пламенно-обличительным, заставляющим вспомнить «Житие» протопопа Аввакума. Этот, отнюдь не приводя на ум сравнений подобного масштаба, явно зато начинает тяготеть к существованию в качестве прессы, рождая, быть может, зачатки будущих независимых изданий.

С этой особенностью связана и невероятная пестрота современного самиздата. Если там — суровая монофония, то здесь — порою переходящая в какофонию разноголосица. За ней пока еще смутно, но уже слышен гул тех битв на форуме общественного мнения, которые все резче заявляют о себе в нашей социальной жизни. Легко ли выйти из подпольного скриптория, из катакомб на площадь? Легко ли определиться в бурном потоке событий, когда река, еще вчера казавшаяся стоячей, сегодня, гремя, устремилась к водопаду? Когда проблемы, сверхактуальные вчера, вдруг потеряли свое значение сегодня? Когда низвержение кумиров, вчера грозившее костром, сегодня стало прибыльным занятием, когда «поколение дворников и сторожей», отринув былую скезу андерграунда, поднимает знамя идеологизированной коммерции, а тем временем по улицам наших городов кое-где уже пробегает дрожь не «предчувствия», а вполне реальной, вплотную приблизившейся гражданской войны.

Об этих противоречиях новой ситуации и пытающегося освоить ее сознания мы постарались дать представление, отбирая материалы для раздела «В мире неформалов». Особое место здесь занимает материал, помещенный в рубрике «Разговор диссидента с неформалом». На взгляд составителей сборника, она очень точно намечает как раз ту грань, за которой диссидентский самиздат, сосредоточенный исключительно на лагерной тематике и проблемах правозащитного движения, превращается в современный самиздат, — способ самовыражения многочисленных неформальных движений, стремящихся, пусть еще неумело, найти новые подходы к

решению проблем переживающей острый кризис страны. Политика, историческая память, религия, экология — о чем бы ни шла речь, ясно, что сказать свое слово невозможно, не реализовав то право, которое оставалось на периферии внимания участников правозащитного движения, — право гражданина на участие в решении судеб страны.

Заключает этот раздел рубрика «Панорама», где жизнь неформалов рассматривается одновременно с нескольких точек зрения. Вероятно, особое внимание читателей привлечет очерк «Аврора» и система — экстравагантная этнолингвистическая зарисовка из жизни хиппи, не без кокетства обыгрывающая бурный интерес общества к этой стороне жизни своих блудных детей. Надеемся, однако, что не ускользнет и другое: беспощадная самоирония, которой отмечен ряд материалов и которая отчасти уравнивает пафос самовосхищения, сквозящий в других.

В сущности, этот неустойчивый баланс в микромаштабах повторяет гигантскую амплитуду качаний между не чуждым мазохистских обертонів восторгом самоотрицания и эйфорией новых начинаний, характерных для общества в целом.

В разделе «Опыты социально-политического анализа» представлены материалы из той области, с которой почти исключительно привыкли связывать самиздат предыдущего периода и где им были опубликованы такие фундаментальные сочинения, как «Технология власти» Авторханова и работы ряда западных политологов. Стало быть, надо выдержать конкуренцию, притом не только с самим собой, но также и с острой публицистикой официальной печати. Наш выбор не случайно остановился на работе Ронкина и Хахаева «О прошлом и будущем социализме». Хотя и написанная в 70-е годы, она не только не утратила актуальности, но, думается, приобрела ее. Именно сейчас, когда проблема отношений социализма с рынком оказалась в центре общественного

внимания и бурной политики. Более ничего: на мой взгляд, ни одна из публикаций на страницах официальной печати пока не сумела поставить проблему на таком уровне историко-философского анализа, показать, что, выходя далеко за пределы дилеммы «Нэп или Сталин», она вписана в контекст извечно сопутствующего человечеству выбора между «иметь» или «быть». Автор одноименной книги, известный немецко-американский психолог и социолог Э. Фромм, пишет, в частности:

«По Марксу, роскошь — такой же порок, как и нищета; цель человека *быть* многим, а не *обладать* многим». И далее: «Различие между бытием и обладанием не сводится к различию между Востоком и Западом. Это различие касается типов общества — одно ориентировано на человека, другое — вещи. Современный человек не может понять дух общества, которое не ориентировано на собственность и алчность».

Напротив, работа О. Борисова представляет самиздатский вариант столь популярной ныне рыночной интерпретации социализма.

Думается, читателя заинтересует также материал рубрики «Малоизвестные страницы истории», в частности, драматический очерк из истории уральских рабочих: официальная печать пока еще, в поисках самых глубоких корней пережитых страной катастроф, редко выходит за пределы 30-х годов — в годы 20-е и еще более ранние.

«И все, упиваясь собственной смелостью, накинулись на полуистлевший в слухах и пересудах труп Сталина...» — комментирует Р. Игнатьев в заключающем эту рубрику очерке «И сказал он, что это хорошо...». Однако справедливость требует признать, что и самиздатская периодика грешит этой «дозволенной смелостью», еще не вполне осознав, что бывшее героическим вчера легко становится официозным сегодня.

Не осталась не замеченной самиздатом болезненная тема межнациональных отношений. Она в сборнике предста-

влена работой Литвиновой, уже после появления ее в «Российских ведомостях», опубликованной журналом «Наш современник», и статьей Қокина «О чечевичной похлебке». Мы намеренно соединили в одной рубрике эти резко противостоящие друг другу — прорусскую и русофобскую — позиции, полагая, что читатель сам сумеет сравнить их аргументированность и корректность.

Что же до той области размышлений, с которой знакомит раздел «Закладка храма», то она, думается, не слишком хорошо знакома даже читателям «классического» самиздата, сосредоточенного на антисталинской теме и политических проблемах вообще. Богословский самиздат до недавнего времени распространялся в очень узком кругу, что вполне точно воспроизводило ту вынужденную разорванность церковной и общесоциальной жизни, которой отмечены 70 лет в жизни страны. В сущности, сейчас впервые после 1917 года — за исключением стоящего особняком периода Великой Отечественной войны — идет сближение между ними.

Возникновение внецерковных религиозных изданий типа «Благовеста» — точный индикатор идущего процесса. Практически во всех развитых странах подобные издания существуют и, как правило, имеют солидную репутацию. Репутации этой в немалой мере способствует то, что на своих страницах такие журналы публикуют не только богословские, но и серьезные социально-политические и культурологические исследования. Мы постарались дать представление о разнообразии материалов, публикуемых на страницах нашего религиозного самиздата, включив в рубрику как работу В. Русака об апокрифах, так и своеобразный очерк о поэзии В. Высоцкого.

Составители сборника вынуждены были пойти на ограничения, не включив в его состав материал как по нетрадиционным религиям, так и по иным, кроме православия, конфессиям. Ни размеры его, ни общий баланс материалов не позволяли сделать этого, а потому, исхо-

дя из того, что работа такого рода только начинается, а также из того, что книга выходит в Москве — историческом центре православия, мы пошли на подобное ограничение.

Особняком стоит оригинальное исследование «Отделить кладбище от государства». Работа, посвященная этой теме, мне, несмотря на мое довольно хорошее знакомство с самиздатом во всех его ипостасях, встретилась едва ли не впервые, и она заслуживает тем большего внимания, что посвящена той скорбной сфере жизни, где черты поразившего современное вообще и наше общество в особенности расчеловечения выразились едва ли не резче всего.

«Человек есть существо, погребающее своих мертвых», — полагал русский философ Н. Федоров. Английский историк А. Тойнби, со своей стороны, отмечал: «Археология неопровержимо свидетельствует, что погребальные обряды выполнялись уже неандертальским человеком... И как бы ни разнообразились затем эти обряды, все они всегда сохраняли некое общее значение. Они свидетельствовали о том, что человеческое существо обладает уже в силу самого этого факта особым достоинством и что это достоинство переживает его смерть. И что, следовательно, мертвое тело не может третироваться как падаля и просто быть выброшено подобно останкам других созданий или старому платью».

Тонкая область отношений с усопшими, особая духовная ткань, как бы окутывающая кладбище в русской и вообще европейской культуре были постоянным предметом размышлений, поэтических и художественных откровений, вылившихся в настоящие шедевры: «О, если правда, их в ночи...» Пушкина, «Над вечным покоем» Левитана, иные новеллы Эдгара По, поэзию «озерной школы»...

«...И наконец, дойду, и ветви остролиста и вереск положу на холм могильный твой», — писал Виктор Гюго в стихах, посвященных памяти своей рано погибшей до-

чери Леопольдины, и этот жест возложения цветов на могилу повторял тот обряд убиения мертвых цветами, который еще на смутном рассвете человечества совершал неандерталец.

Соответственно, грехом из грехов почиталось осквернение мертвых и разорение кладбищ, в наши дни ставшее столь заурядной приметой бытия, что на нее почти перестают обращать внимание. И даже более: каким-то особо хорошим тоном, выражением «жизнеутверждающих начал» стало почитаться устройство на месте старых ликвидируемых кладбищ развлекательных аттракционов и спортивных сооружений. Это весьма своеобразное понимание пушкинского «и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть» — свидетельство столь глубокого духовного одичания, такой глухоты к «мета»—началам человеческого бытия, что, думается, гражданским институтам и светской культуре в одиночку уже не под силу справиться с ним.

К тому же перед ними стоят чрезвычайно сложные задачи реставрации тех измерений, вне которых вообще не может разворачиваться никакое реальное бытие — времени и пространства. Структуру пространственно-временных координат, в которой существует любая цивилизация, принято именовать хронотопом, и хронотоп российской, а затем советской культуры на протяжении 70 лет пережил натиск таких разрушительных шквалов, что уподобился полуистертой, истрепанной на сгибах старой карте. Очертания на ней едва различимы, многие названия устарели, дороги, отмеченные как магистральные, превратились в ведущие в тупики тропинки — и, однако, ею нужно пользоваться.

Последние четыре года общественной жизни здесь привнесли, пожалуй, больше путаницы, чем ясности, почти окончательно доломав хронотоп советский, но не создав нового.

Пользуясь ставшим хрестоматийным образом, можно сказать, что попытки пройти к храму «не по улице Вар-

лама», а, скажем, по улице имени Бухарина, отнюдь не увенчались успехом. Скорее наоборот: очевидное в ряде случаев стремление создать новых кумиров, не останавливаясь перед фальсификацией истории, произвело прямо противоположный эффект.

У многих же, особенно у молодых, все это возбудило отвращение ко всем вообще именам, символам и вехам советской эпохи. Единственной достоверностью теперь представляется погребенный под нею культурный слой, откуда — охватившая общество страсть к возвращению старых исторических названий, охране памятников, — а также, в немалой мере, и взрыв национального самосознания. Ибо именно национальное выступает как единственная несомненная ценность там, где рухнуло общесоветское.

Материалы этого рода изобилуют на страницах самиздатской периодики, едва ли не перевешивая проблематику традиционно экологическую — и это при совершенно кричащем характере проблем охраны природы в стране! Столь резкое доминирование проблемы «времени» образует оригинальную, неповторимую черту современных неформальных движений, отличающих их как от их западных аналогов 60-х годов (где почти исключительно господствовала тема «пространства»), так и от отечественных прецедентов: «детей XX съезда» 60-х годов и диссидентства 70-х. Оно же является точным индикатором глубины кризиса, переживаемого общественным сознанием, так как именно способность существования во временной протяженности, превосходящей биологические сроки жизни отдельной особи, способность накапливания исторической памяти и духовной энергии ушедших поколений является атрибутивной чертой вида *homo sapiens*. Соответственно, утрата этой способности и уничтожение духовных накоплений прошлого ставят человечество или отдельный народ на грань видовой гибели — хотя и «такой», но

не менее реальной, нежели гибель вследствие собственно экологической катастрофы.

«Распад структур» — название антиутопии, заключающей сборник, выбрано очень точно, а потому мы сочли возможным представленные в последней главе опыты искусствоведческого, философского, поэтического творчества объединить именно под этим общим названием. Возможно, памятуя также и об известном самиздатском сборнике «Из-под глыб», сравнение с которым должны выдержать, хотя бы они того или нет, философы и писатели «новой волны».

Что до меня, то лично мне в этой части самиздатского творчества не хватает духовной напряженности, страстности исканий, которые так отличали его в предыдущие годы. И что уж совсем поразительно: практически исчез интерес к культурной традиции, в собирание которой столько сил и душевного огня вложил «классический» самиздат.

Поиск явно идет в каком-то другом направлении, в ином поле, так что налицо скорее новый разрыв с русской дореволюционной культурой, нежели ожидавшееся воскрешение ее из мертвых. Впрочем, можно говорить о явном интонационном сходстве с иными явлениями «серебряного века», с поэзией Д. Хармса и футуристов, с разрушительными выпадами предреволюционного и послереволюционного авангарда, а то и Пролеткульта.

Но коль скоро это так, то самиздат поистине совершил некое парадоксальное, фантастическое перемещение из одного измерения в другое. В этом новом измерении иступленную аввакумовскую правдивость сменяет скользкая игра со всем и в ничто, исповедь души, прошедшей по кругам ГУЛАГа, — «Танец под названием Кулак». Радикальный же антисталинизм неожиданно приводит к тем духовным истокам, которые — если только уклончиво не сводить суть явления исключительно к личности Сталина — питали самое идею диктатуры и беспощадного насилия над жизнью, над

«почвой» и «традицией» как олицетворением «контрреволюции». Неужели мы опять оказались перед извечным нашим искушением — обновления через перелом хребта?

Впрочем, не желая навязывать читателям ни своих вкусов, ни своих оценок, мы просто предлагаем их вниманию это «собрание пестрых глав». Надеемся, что такое знакомство с первой антологией самиздатовской периодики позволит общественности хотя бы отчасти сориентироваться в море «неформальных» мнений, позиций, суждений, равно как и вступить во внутренний диалог с теми из них, которые еще не получили распространения по каналам официальной гласности.

САМИЗДАТ О САМИЗДАТЕ

САМИЗДАТОВСКАЯ ПЕРИОДИКА

Лев Волохонский

Уже Петр I был вынужден издать «Указ о тех, кто взаперти пишет». Самиздат возникает вместе с письменностью и грамотностью. Он был и есть всегда и везде. Подметные грамоты, еретические трактаты, ложные указы, альбомы для стихов и т. д. у нас. Никем не финансируемые издания на Западе.

В начале «перестройки и гласности» было распространено мнение, согласно которому «гласность» — конец самиздата. Год назад многие думали, что самиздат отомрет с появлением в советской печати критики Ленина, большевиков и марксизма. Таковая критика появилась, между тем как до ее появления лишь очень небольшое количество самиздатовских изданий стояло на откровенно антимарксистских и антиленинских позициях. Самиздат — отнюдь не средство выведения пресловутых «белых пятен».

По данным ИАС, в июле 1989 года в стране вышло 323 самиздатовских издания. Из них:

принадлежащих организациям			— 208
независимых			— 115
христианских	— 36	еврейских	— 11
либерально-дем.	— 149	толстовских	— 1
пацифистских	— 4	кришнаитских	— 2
марксистских	— 54	экуменических	— 4
музыкальных	— 33	национальных	— 29
		художественно-философских	— 54
		общественно-политических	— 143
		экологических	— 8

переводов	— 2
юмористических	— 5
детских	— 2
бюллетеней организаций	— 109

(ИБ ИАС № 23, с. 3)

В июле 1988 года было всего около 100 самиздатовских журналов. В июле 1987 года около 30. В июле 1986 года около 10.

Между тем в эти годы «гласность» в советской прессе стремительно росла и развивалась, количество «белых пятен» сокращалось. Уже и Солженицына печатают. Обратной пропорциональной зависимости не получается. Напротив, количество самиздатовских журналов растет. В последнее время появляются уже и газеты. Исчезает не самиздат как таковой, но конкретные направления, темы, журналы, авторы. Некоторые перестают быть интересными, некоторые «легализуются», некоторые переориентируются на распространение исключительно в эмиграции. Многие издания издаются непосредственно авторами, которые, напечатав свои тексты, как правило, теряют интерес к издательской деятельности. В среднем самиздатовский журнал существует несколько месяцев. Однако количество возникающих изданий неизменно выше, чем количество распадающихся. Общий рост количества журналов тесно связан с увеличением числа неформальных организаций, большинство которых, едва возникнув, стремится обзавестись собственным печатным органом, издание и распространение которого часто остается ее единственным реальным конкретным делом, так что иногда организации исчезают, а журналы остаются.

В предлагаемом сборнике представлены далеко не все журналы страны, но лишь некоторые, относительно широко распространявшиеся в Москве в 1987—1988 годах.

Краткая справка о журналах сборника:

«АЛЬТЕРНАТИВА» — информационный бюллетень АОО (Ассоциация Общественных Объединений). Выходит в Свердловске с осени 1988 года. Публикует материалы о деятельности участников АОО. Объем 100 с. Периодичность не установлена, выходит по мере поступления материалов.

«БЛАГОВЕСТ» — межприходский православный альманах. Издается в Ленинграде с 1 апреля 1988 года. Объем 50—60 с. Тираж около 500 экз. Издается ежемесячно.

«ВЕСТНИК СОВЕТА ЭК» — журнал Совета ЭК (Экология Культуры). Посвящен проблемам экологии культуры вообще и деятельности групп, входящих в Совет ЭК, в частности. Объем 70—80 с. Тираж не менее 200 экз. Начал выходить в июне 1987 года. Ежемесячный. Депонируется рукописным отделом Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

«ЕКАТЕРИНБУРГ» — литературное приложение к журналу «Слово Урала». Выходит с июля 1988 года. Тираж 25—30 экз. Объем около 25 с. Периодичность не установлена (Свердловск).

ИБ ИАС (Информационный Бюллетень Информационного Агентства СМОТ) издается с марта 1988 года в Москве. Содержит краткие обзорные и статистические материалы по неформальному движению, самиздату и политзаключенным. Ежемесячный. Объем 10—15 с. Тираж свыше 350 экз. Спецвыпуски большего объема (справочники, материалы по забастовкам и т. п.).

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» (первые два номера вышли под названием «Свидетель»). Выходит с сентября 1987 года. Издание группы «Социалистические Инициативы». Содержит разнообразную информацию о событиях неформальной жизни. Объем 70 с. Тираж 100—150 экз. (Москва).

«МЕРКУРИЙ», бывший журнал «Эпицентра» — после того, как «Эпицентр» распался, стал независимым. Статьи социально-экономической, экологической, национально-религиозной и общекультурной тематики. Начал выходить в мае 1987 года. Ежемесячный. Объем 70—80 с. Тираж около 500 экз. (Ленинград).

«МИТИН ЖУРНАЛ» выходит в Ленинграде с января 1985 года один раз в два месяца. Объем около 300 с. Тираж 10 экз. Проза, поэзия, переводы, эссе. Преимущественно авангард.

«МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК» выходит с октября 1988 года. Издает Информцентр Московского НФ. Информация о деятельности НФ. Объем 15—20 с. (Москва).

«ПАРАГРАФ» — журнал очерков на политические, религиозные, нравственные темы, публикует статьи об авангардном искусстве. Выходит с августа 1988 года. Объем около 80 с. Иллюстрирован. Тираж 30 экз. (Москва).

«РОССИЙСКИЕ ВЕДОМОСТИ» — независимый, ежемесячный иллюстрированный журнал. Выходит с июля 1987 года. Объем 70—80 с. Тираж более 1000 экз.

«СЛОВО УРАЛА». Возник в апреле 1988 года в результате раскола редакции «Уральского вестника» (последний вскоре прекратил существование). Независи-

мый общественно-политический журнал. Объем 50—60 с. Тираж около 100 экз.

«СВЕТСКАЯ ХРОНИКА» — анонимный журнал, появившийся в Москве в 1988 году. Печатает фельетоны, телефонные интервью и описание смешных или дискредитирующих кого-либо из неформальных лидеров фактов. Объем до 10 с.

СОЦИД («Социальное движение») — художественно-теоретический журнал с иллюстрациями. Выходит с 1988 года один раз в два месяца. Объем 40 с. Тираж 15—20 экз. Издается силами студентов факультета журналистики МГУ (Москва).

«ТРЕТЬЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ» — авангардистский литературно-художественный журнал. Выходит в Риге с 1987 года. Редактор Александр Сержант.

«УРЛАЙТ» — молодежно-демократическое издание, опирающееся на рок-культуру. Выходит с марта 1985 года раз в два месяца. Объем 100 с. Иллюстрированный. Тираж до 200 экз. (Москва).

«ХРОНОГРАФ» выходит с апреля 1988 года. Информационный бюллетень по неформалам. Объем около двух машинописных листов. Выходит на базе кооператива «Перспектива» (Москва).

*«Меркурий»,
1988, № 16
Елена ЗЕЛИНСКАЯ*

**Из выступления на дискуссии
«Гласность и печать»
13 мая 1988 года**

...В уважаемом мною журнале «Огонек» я напоролась на замечательную фразу. «Вместе со всей страной, — пишет критик Т. Иванова, — я сейчас читаю

только третью часть романа Пастернака». Я, извините, не поверила. Не поверила, что филолог, литератор, москвичка Татьяна Иванова не читала до сих пор «Доктора Живаго». Точно так же я никогда не поверю, что есть люди, которые не читали ни самиздата, ни тамиздата, — люди, которые не участвовали в передаче из рук в руки машинописных листов, ксерокопий и так далее. Долгие годы неявно существовала целая область жизни. И вот теперь мы впервые получили возможность говорить о ней вслух.

Бог знает, какими силами общество было откинута чуть ли не к феодализму; там же, в догутенберговской эпохе, оказалась и печать. Как в средневековье, трубили на площади царские глашатаи, оглашая правительственные указы, а в монастырях скрипели перьями иноки, от руки переписывая летописи. Утешает только одно — в историю войдут и те и другие.

Сегодня мне хочется сказать о людях, которые, как сейчас принято говорить, начали с себя. О тех, кто не участвует в массовых акциях «коллективного прозрения». О тех, кому не нужно мановения августейшей руки для того, чтобы говорить правду. О тех, для кого говорить правду — свойство организма.

За то право, в котором Татьяна Иванова не призналась, — право прочитать «Доктора Живаго» до того, как он был напечатан в «Новом мире», — до сих пор сидит в мордовских лагерях ленинградец Борис Митяшин... Люди лишались работы, социального положения, заработков. Существовали в изоляции, выдерживали критику, иронию — право, так легко посмеяться над журналом с тиражом... в десять экземпляров... И тем не менее это именно те люди, которые, придя сейчас, если такая возможность будет у них, в зримую прессу, никогда не станут марионетками. Это люди, которыми нельзя будет управлять директивно. Их просто трудно уже запугать. Если редактор «Советской России» не посмел вякнуть, когда ему велели напечатать статью

Нины Андреевой, то я глубоко сомневаюсь, что так бы легко и послушно согласился на это человек, прошедший школу самиздата.

Гарант перестройки — это люди, которые ничего не боятся. Люди, которые пережили так много, что лишение заработка, премии или благожелательного взгляда начальника для них уже ничего не значат.

Я могла бы подробнее говорить о тех журналах, которые издаются в Ленинграде, о солидных литературных журналах, благодаря которым могли существовать, не эмигрируя, ленинградские поэты и писатели. Я могла бы долго рассказывать о журналах, публиковавших статьи, за которые, например, Вячеслав Долинин отсидел четыре года, — теперь бы эти статьи не приняла «Правда» как недостаточно острые. Не могу умолчать и о своем любимом детском журнале «Дим», который тоже выходил смехотворным тиражом в сорок экземпляров. Его читали, и до сих пор он служит предметом моей личной гордости.

Времена изменились, и, казалось бы, «Огонек», «Московские новости», «Известия» (на самом деле их по пальцам можно пересчитать, эти издания) — составляют несокрушимую конкуренцию журналам, которые, если что и перестраивают, так только типографскую базу. Однако самиздат не исчез. Более того, тиражи растут, появляются новые издания. В частности, вот так появился «Меркурий», редактором которого я являюсь. Так появился журнал «Вестник Совета ЭК», о котором расскажет Михаил Талалай.

Существует целая культура самиздата. Это совершенно иная школа журналистики. Иной язык. Иное мышление. Ни в одном самиздатовском журнале вы не прочтете слова «якобы», «так называемый». Это язык, свободный от ханжества, от внутренней фальши. Это иное мировоззрение — свободный, раскованный взгляд на жизнь. Это не может пропасть просто так, в никуда или спокойно перейти в журнал «Огонек».

Разнообразие направлений, политических платформ, настоящий, а не вымученный плюрализм мнений — вот что может принести традиция САМИЗДАТА в однообразный и управляемый поток официальной прессы.

Долгие десятилетия САМИЗДАТ был основой, средством и символом сопротивления сталинизму, как любому виду насилия над человеком и его духовным миром. Сегодня ему пора стать предметом исторического и литературоведческого исследования.

Независимая пресса должна прийти ему на смену и стать реальной, заметной и влиятельной частью общественной жизни.

*«Меркурий»,
1988, № 16*

«СТОЛПЫ ОТЕЧЕСТВА» — О САМИЗДАТЕ

— Роль САМИЗДАТА в вашей жизни — такой вопрос поставил корреспондент «Меркурия» перед несколькими ленинградцами, чей талант и общественная деятельность заслужили благодарное признание соотечественников.

ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич

Самиздат имеет в общественной жизни большое значение — особенно в пору неправильных ужесточений: цензурных, редакторских. Самиздат существовал всегда. С тех пор, как я умею читать, я помню самиздат. Взять, к примеру, дореволюционный — вещи, направленные против Распутина, они не могли быть выпущены официально, ходили в списках.

20-е годы. Многие стихи того же Есенина распространялись неофициальными путями.

Но в самиздате всегда было разное. И прогрессивное, острое. И вещи реакционные, антисемитские, грубо-анархические. Каждый волен выбирать что нравится. Так что мое отношение к самиздату тоже не однозначно. Что-то очень хорошо, а что-то ужасно.

Чем меньше будет давление на официальную печать, тем меньше будет самиздата. Надо, чтобы авторы, которые должны быть в каждой семье, всегда были на полках магазинов.

ПОПОВ Валерий Георгиевич, писатель

К самиздату я отношусь очень плохо. Трудно находить, зачастую очень трудно прочесть из-за качества печати. Хотелось бы, чтобы все это выходило нормальным путем.

Очень обидно, что самиздат необходим и в наши дни. Официальные органы так и не вмещают всей нужной информации, хотя вмещают много ненужного.

В основном в самиздате мы прочли все самое лучшее. Но сейчас для меня он значит меньше, поскольку интересы и вся жизнь значительно сузились — кажется, и так все знаешь, ничего нового в печати не найдешь. Дело не в способе издания, а в наличии у людей идей и духа.

КУРЕХИН Сергей, композитор

Часто читал журнал «Часы» — он был интеллектуальной отдушиной. Благодарен ему за то, что он ориентировался на живую философскую и культурную мысль. Все, что печаталось в этом журнале и приложениях к нему, было актуальнее официальных публикаций, острее. Кроме того, официальные, особенно академические, шли с большим опозданием.

На сегодня самиздат должен стать попыткой создать независимую периодику. Есть смысл в существовании огромного количества маленьких журналов, как изданий

регулярных. Со своей аудиторией, своей линией, возможностью какой-то борьбы между ними. Борьбы мнений, идей. Ведь свобода мысли — это показатель прогрессии демократизации общества.

КРИВУЛИН Виктор Борисович, поэт

У меня отношение к самиздату двойственное. Конечно, роль он играл значительную. Формировал представление о литературе. Благодаря ему стало понятно, что возможно и живое слово — в противовес тому, что публиковалось в печати официальной и на чем воспитывалась основная масса читателей. Ведь у самиздата не было и нет никакой технической базы. Способы его распространения по понятным причинам были достаточно специфичны, так что доступен он был далеко не всем. И потому возникла особая, довольно узкая среда людей, более информированных. Все же самиздат делал свое дело — большое и очень важное.

А сейчас, как мне кажется, эта роль самиздата закончилась. Он должен или отмереть, или уйти в другую деятельность. Наступает время, когда должны возникнуть независимая журналистика и издательское дело. У самиздата в этом отношении накоплен большой опыт, именно он и мог бы стать основой. Но конечно, нужна при этом и соответствующая техническая база, и другие благоприятные условия.

ГУМИЛЕВ Лев Николаевич

Тринадцатый, четырнадцатый, немного пятнадцатого века — вот здесь круг моих интересов, знаний. Я — ученый, а из моей жизни как ученого было изъято слишком много лет. После этого все мое время, и человеческое тоже, поглощено наукой.

Поэтому на ваши вопросы не могу ответить — просто не слышал, не читал, не знаю.

В ГОСТЯХ У «ХРОНОГРАФА»

Если неподвзятый человек окунется в атмосферу политических неформалов, то первое, что бросится в глаза — это декреты, манифесты, программы, перечни каких-то аббревиатур, списки мероприятий. Конечно, во все это можно вчитаться, если есть время, но сколько ни читай, все равно не прочувствуешь за ними человеческого. И — наоборот — воображение рисует политического неформала хотя и пламенным, но совершенно зачумленным от беготни человеком. А этот образ отпугивает. Я обычный, средний интеллигент, мещанин даже, то есть городской житель, читатель газет, я понимаю живую речь, из которой виден человек, в которой он доступен, но не доверяю никаким партийным программам, ни советским, ни антисоветским.

«Большая» пресса — в ложном положении, и сама это ложное положение воспроизводит. Ведь любые — даже сочувственные публикации — пишутся так, что политические объединения выглядят чем-то экзотическим, то есть чем-то вполне изолированным от народной жизни, а уж тем более от моего частного существования. Оправдывающие публикации еще больше настораживают. Журналистика с трудом съезжает с колеи: ведь можно десять-двадцать лет «открывать» советскому читателю, например, мир церкви в том плане, что священники, оказывается, тоже люди, что они не едят детей, не совращают малолетних, что у них тоже есть какие-то личные мнения по общим вопросам войны и мира, и благодаря этим «сочувственным» статьям мы так никогда и не узнаем, а что же действительно происходит в русской церкви, какая там идет живая жизнь. Это перманентное «знакомство» под рубрикой «У нас в гостях» — оно нас всех разделяет, разъединяет, не-

возможно понять, что где происходит, на кого можно положиться, чьим словам можно доверять.

Ведь и церковь, и политические неформалы, и национальные движения — это все живая жизнь, там есть разные тенденции, разные степени честности и ответственности, качественность разных сортов. Пресса, наверное, должна во все это разумно вникать — не изолировать, не консервировать в себе каждый слой социальной жизни, а наоборот — показывать, где люди доброй, а где злой воли и как людям найти общий язык.

С такими мыслями я поехал в информационный центр политических неформалов. Позвонил приятель, читатель «Параграфа», и сказал, что есть такой центр, причем всесоюзный, и туда стекаются материалы со всего Союза — все бюллетени, журналы, информационные листки. Я представлял себе что-то вроде Смольного, где все бегает с телеграфными лентами, оборванными на полуслове, зачуханные, измученные чтением призывов, манифестов.

Оказалось не так. И чаю предложили, и разговор был спокойный. На стеллажах стоит сотни две папок с нашей самиздатовской бумажной лапшой. Центр поддерживает контакт примерно со ста группами в пятидесяти городах и, как я понял, по словам Вячеслава Игрунова, ставит себе пока одну цель — дать возможность этим группам найти единомышленников. В идее центр должен рассылать своим абонентам какие-то подборки информации об общественной жизни в разных городах, знакомить с наиболее интересными самиздатовскими журналами, газетами. «Идея эта хорошая, но сложная и медленно набирает обороты» (В. Игрунов). Инфоцентр издает свой листок с веселой текущей информацией под названием «Хронограф», и, пока я расспрашивал о центре, Володя Прибыловский подобрал для нас выпуски «Хронографа» — в подарок.

Я взял полистать одну из этих папок и вдруг, как

в фокусе, очень резко увидел, что вот три человека в совершенно противоестественных условиях задались целью наладить диалог между десятками или сотнями разных групп и объединений. Объединения эти заинтересованы в центре, но — так, вообще, если бы это как-то само собой сложилось. Для них и свои-то бюллетени издавать мучительно дорого, все — нищие, а тут еще посылать куда-то. И центр этот нищий. А главное: сидя в Москве, в большой столице, куда сейчас рвутся туристы со всего мира смотреть на «перестройку», этот центр обречен на вынужденную доморощенность, убогую провинциальность — из-за полуподпольности и отсутствия техники.

И еще: непонятно, нужны ли эти группы друг другу? Нужен ли им центр? Все хотят быть услышанными, хотят выразить свое понимание вещей, но никто не хочет тратиться на организацию общего банка данных, потому что потребность в диалоге не слишком велика. Все еще длится время выкрика — но еще не наступило время диалога.

В МИРЕ НЕФОРМАЛОВ

І. ПЕРОМ ХРОНИСТА

«Левый поворот»,

1988, № 14

Информационный бюллетень № 17

...*Ярославль*. В конце декабря здесь сформировалась группа «Рабочий союз». В группу входит 15—20 человек, представителей 8 предприятий города. Есть устав. Группа выступает за самоуправление и хозрасчет. Контактный телефон: 11-03-62, Правдин Александр.

...*Ленинград*. 23 января должен был состояться суд над лидером экологической организации «Дельта» Петром Кожевниковым. За два дня до суда 4 неизвестных избили его до потери сознания. Кожевников находится в больнице г. Зеленогорска с тяжелым сотрясением мозга.

...*Новочеркасск*. 27 января, в связи с попыткой выдвинуть независимого кандидата Юрия Прокопьевича Швеца закрыт общественно-политический клуб «Собеседник», существовавший с 1981 года.

...*Москва*. 27 января в телепрограмме «Взгляд» выступал кандидат в депутаты Револьт Иванович Пименов. Он высказался против запрета на частные и кооперативные химические исследования и за деидеологизацию КГБ.

...*Рига*. 27—29 января около Юрмалы состоялся 2-й съезд т. н. партии ДС. Никаких «партийных решений», в связи с обычной для демократов грызней, есте-

ственно, принято не было. Собравшиеся нежно поздравили своего друга С. И. Григорянца с присвоением последнему «Золотого пера» и приняли несколько деклараций о солидарности с народами Прибалтики, Кавказа и Татарии.

...*Кишинев.* 15 января в Зеленем театре ЦПКО состоялся митинг, посвященный правам человека. В митинге приняло участие около 20 000 человек. Особо обсуждалось право на историческую память, родной язык и воспитание в духе национальных традиций. В частности, выступавшие требовали перевода молдавского языка с кириллицы на латынь.

...*Свердловск.* 24 января было запрещено проведение планового собрания Дискуссионной Трибуны и Мемориала, посвященного правам человека.

В январе вышли 7-й и 8-й номера журнала «Слово Урала».

...*Ленинград.* 24 января прокурор Катукова, отвечая на заявление председателя Ленинградского отд. МОПЧ Ростислава Евдокимова, в котором Евдокимов требовал возвращения незаконно изъятых у него вещей (см. ИБ ИАС № 15), разъяснила, что предметы, изъятые у Евдокимова, в том числе и телефакс, не считаются запрещенными и вопрос об их возвращении законному владельцу будет решен в течение месяца.

...*Москва.* 13 января было оформлено создание «Демократической партии». Есть программа, декларация и устав. По данным оргкомитета, партия насчитывает в Москве — 130 человек, в Гродно — 80, в Литве — 70.

...*Москва.* 28—29 прошло Учредительное собрание всесоюзного общества *Мемориал*. Учреждение состоялось. После бурных дебатов принят устав.

...*Магнитогорск*. По сообщению группы *Гимн*, здесь 5 декабря 1988 года бастовал механосборочный цех завода «Ремгорметмаш». Поводом послужил отказ администрации выплатить премию в полном объеме и плохие условия труда (зимой в цехе —5° С). Забастовка продолжалась четыре часа и закончилась после того, как директор завода Л. Преображенский пообещал выплатить премию, не трогая 13-й зарплаты, и принять меры по утеплению цеха и душевых.

...*Рязань*. 15 декабря в ДК нефтяников состоялась встреча экологов-неформалов с городскими властями. Общественность города обеспокоена сложившейся здесь тяжелой экологической ситуацией, резко ухудшившейся в результате деятельности итальянской фирмы «Кончерие Гиголо», построившей в Рязани новый кожаный завод. Взаимопонимания между властями и экологами на встрече не возникло. Присутствующие в ДК представители фирмы в дискуссии участия не приняли.

*«Левый поворот»,
1988, № 14
Александр ВЕРИН*

НФ Кострома.

ТАК ЭТО БЫЛО...

— Я выступаю с точки зрения периферийной организации. Наш город небольшой, в отличие от Ярославля, и в городе есть своя специфика. Вот я с этой точки зрения сейчас скажу. В данном случае мы идем по ложному пути. Нельзя идти по пути централизации. Мы организация зарождающаяся, а сейчас было высказано — вот здесь, с этой точки, что мы уже два месяца работаем, а там вы неверующие, вы не знаете ничего,

пропадите же вы пропадом, то есть вы там провалитесь...

Реплики: — Откуда вы это взяли?!!

— Я утрирую!

— А вы не утрируйте!!

— Дайте ему высказаться!!

— В данном случае идет борьба за власть, монополизация власти. Предложение! сейчас мы, наша организация, считаем, что НФ находится на уровне революционных марксистских кружков, которые уже были в свое время. Сейчас нужен обмен информацией — организованный, потом можно прийти к единому мнению. Ведь как раз сейчас мы работаем по каким-то единым принципам. Давно нашли эти точки соприкосновения. И, в конце концов, когда уже будет этот обмен налажен... Я не против координационных центров, я против централизации, вы понимаете? Единой организации — по крайней мере сейчас, в данном случае. Она не готова, не созрела, ее нельзя создавать и торопиться со съездом. И потом только, когда у нас созреет документ, тогда уже можно собираться...

*«Левый поворот»,
1988, № 14*

ЯРОСЛАВЛЬ

...Мы называем его царь Федор или Федор Иоаннович. Лученков построил т. н. «Федоровский гоф» на стрелке реки Волга и Подоросли — цепь светомузыкальных фонтанов. И это в то время, когда люди задыхались от нехватки жилья! 18 июня мы провели Учредительное собрание. Оно выбрало у нас НФ. В течение июня — августа у нас проходили митинги на стадионе «Шинник». Он вмещает 30 тысяч человек. Вначале мы собирались на набережной у памятника Некрасову. И гор-

ком партии, желая увести нас от мест, посещаемых туристами, предложил перейти на стадион. Там, мол, нас никто не увидит, да и найти нас на большом стадионе будет сложно. ЭТО БЫЛА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА, потому что вместо 500—700 человек на стадион стали приходиться по 5—7 тысяч (а в последнюю встречу было 7—8 тысяч). Сейчас, естественно, они пытаются нас оттуда выгнать.

У нас есть небольшая программа, с общими целями которой все согласны. Это идея общеполитического движения в виде НФ, идея о том, что он базируется на общегуманистических, человеческих ценностях. Нам предлагали формулировку: «НФ стоит на позициях марксизма-ленинизма», но мы решили расширить его базу, написав, что он стоит на общедемократических ценностях.

Что касается конкретной программы, то она вырабатывается прямо на стадионе. Вырабатывается в ходе обсуждения, предложений людей, которые выходят там прямо к микрофону. В форме записок, потому что не все успевают выступить. В форме тетрадок, которые мы пускаем по рядам с просьбой ответить, что у нас получается, а что нет, высказать критику в наш адрес. Потом ведется обработка всей этой информации, вырабатывается общая резолюция, которая включает многое из того, что было записано; она является конкретной программой по конкретным действиям. Борьба с бюрократизмом, гласность, жилье, продовольствие, и следующей у нас будет тема «Демократизация общества и реформа политической системы». Нам удалось более или менее вступить в контакт с нашими советскими партийными организациями. Мы были на приеме у первого секретаря обкома партии, председателя облисполкома.

Особенно к нам придаться нельзя, потому что мы достаем доклад М. С. Горбачева на XIX партконференции, говорим, что все наши основные положения там указаны, кроме того, указано, что при нашей однопар-

тийной системе необходим свободный диалог. Пока этот аргумент проходит. Пытались выбить собственный стенд — не позволяют. Но мы нашли лазейку через горсправку. Нам удалось пробить, и они разрешают теперь вывешивать объявления о наших митингах. Не знаю, осуществится или нет, но нам разрешили от горсправки повесить собственный стенд. Умещается 6 машинописных листков, будет стоить 21 рубль в неделю. На последнем собрании собрали 511 рублей, потом пришел человек (он занимается индивидуальной трудовой деятельностью) и от себя добавил 200 рублей.

...Я считаю, что сейчас наша главная задача — создать информационно-политическую сеть и тогда, когда мы будем связаны с другими регионами, городами, тогда провести кампанию. Нужны конкретные действия, а не обсуждения программы. Если мы будем говорить: «Халва, халва...», то во рту слаще не станет. Если будут действия, тогда будет «халва».

*«Хронограф»,
1988, № 7, 4 июля
С. МИТРОХИН*

Рождение гайд-парка

Дата 28 мая, уже славная именем Матиса Руста, войдет в историю как праздник, имя которому — разгул демократии. В этот субботний день эксцессы самодеятельной инициативы захлестнули Москву.

Пикеты

С утра у Центрального Дома художников, на Трубной площади и в МГУ кучковались пикетчики — люди глубоко небезразличные к вопросу о том, каким будет состав делегатов на предстоящей партконференции. Пу-

тем своеобразного уличного голосования они пытались «реабилитировать» «зарубленные» райкомами кандидатуры В. Коротича, Ю. Афанасьева, Ю. Карякина.

Малолюдье, царившее возле ЦДХ, не деморализовало пикет, состоявший из Д. Леонова, Г. Лозового и автора этих строк. Перейдя на другую сторону Садового кольца, мы вписали мероприятие по сбору подписей в рамки бушевавшего у входа в Парк культуры праздника пограничников. Здесь пикет простоял благополучно четыре часа и заручился подписями не одной сотни людей, среди которых было немало блюстителей границы.

Участникам пикета, обосновавшимся на Трубной площади, поначалу повезло гораздо меньше: представители местного РУВД не выразили никакого удовольствия по поводу вспыхнувшего на их территории и столь опасного очага социальной активности. У незваных активистов (А. Вайсберга, В. Фадеева, М. Морозовой и др.) были переписаны паспорта, после чего они скрепя сердце переправились на Пушкинскую площадь, где беспрепятственно функционировали до 21 часа, а в 16.20 явились изумленными свидетелями анархической демонстрации.

Знамя анархии в центре Москвы

15.55. В сквере перед Большим театром собираются всевозможные неформалы: члены объединений «Община», «Гражданское Достоинство», «Альянс», «Че Гевара», «Социальная инициатива» и др.

16.00. По призыву организаторов мероприятия (А. Исаева, А. Шубина, В. Золотарева) демонстранты деловито размещаются на ступенях Большого театра. Между колоннами, ко всеобщему соблазну (а частично и шоку), развешивается черное знамя Анархии с нашитой посередине красной звездой. На обозрение прохожих и

многочисленных операторов (и оперативников) выставлены плакаты с лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой временные правила!», «Социализм для народа, а не народ для социализма!», «Социализму — кооперативную основу!» Мы с В. Гиршфельдом держим плакат: «Долой бюрократов-чинуш из органов власти!»

Общинник Алексей Василицевский произносит краткую речь. Он называет причины, по которым присутствующим следует присоединиться к демократическому шествию, и описывает его маршрут. Подвыпивший пожилой обладатель ордена Отечественной войны, хлопнув себя по затылку, воскликнул:

— Докатились! Пираты по улицам ходят! — и присоединился к молодежи с видимым намерением явить собой живой укор демократическому разврату.

Процессия тронулась в путь, являя притихшему обывателю центральных улиц весьма колоритное зрелище.

Впереди и по бокам колонны, ракообразно птясь или неимоверно извернувшись всем телом, роятся обладатели съёмочной аппаратуры. Шествие возглавляет Андрей Исаев. Вкрадчиво вышагивая и немного пригибая голову, он сжимает в своих руках древко черной хоругви. Следом за ним, на соответствующем расстоянии от лидера 5 или 6 человек несут красное полотнище с желтыми буквами бакунинского афоризма: «Свобода без социализма — это привилегии и несправедливость, социализм без свободы — рабство и скотство».

Таковы голова и плечи колонны, предваряющие ее разношерстное и крикливо-транспарантное тело, нестройно переползающее через Пушкинскую улицу, где остановка автомобильного движения предоставляет милиции долгожданный повод для вмешательства. Могучий звукоусилитель изливает на компанию строгие слова:

— Прошу подойти организаторов мероприятия!

Требование повторяется несколько раз. Я нахожусь в середине колонны и не могу уразуметь природу неви-

димого стопора, затормозившего ее движение. Сопrotивление милицейскому нажиму приняло неожиданную и отчасти ребячливую окраску. Распоясавшиеся демонстранты запели оглушительно и на удивление слаженно!

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Растерянные блюстители стушевались. Стопор был снят, и пружина демонстрации, победоносно распрямившись, метнулась по проезду Художественного театра, распространяя вокруг себя очарование революционной эротики. На улицу Горького поворачивали, восторженно горлая:

Вихри враждебные веют
над нами...

Это уже, извините, не для меня. Как ошпаренный, выскакиваю из колонны и на несколько минут превращаюсь в стороннего наблюдателя — одного из недоуменных, как бы пришибленных левацкой выходкой московских прохожих.

Возвращаюсь в ряды авангарда, когда демонстранты начинают скандировать: «Конференции — честные выборы». Затем приступаем к своеобразному политическому бадминтону. Зычный голос назойливо выкликает (словно подбрасывая) злободневное словцо в дательном падеже: «Перестройке!..» — и изготовившиеся партнеры парируют эту подачу немудреным и односложным: «Да!!!» — «Бюрократии!..» — «Нет!!!» — «Конституции!..» — «Да!!!» — «Временным правилам!..» — «Нет!!!»

На Советской площади скорость продвижения резко замедляется и весь коллектив заходится в экстатическом повторении очередной крамолы:

— Вся власть Советам! Вся власть Советам!

На подступах к Пушкинской площади произошла какая-то незаметная перемена знамен. Вообще-то красное

знамя и до этого маячило там и сям — и вроде бы даже составляло конкуренцию черному *. Но теперь оно окончательно воцарилось во главе процессии, будучи схвачено крепкими руками А. Исаева и В. Гурболикова.

Вынырнув на Пушкинской и, как уже упоминалось, ошеломив почти до безумия стоявших там пикетчиков, революционные ряды проследовали несколько далее, а именно в тупик, образуемый перемычкой между домом Сытина и издательством «Известия». В этом местечке демонстрация организовано преобразовалась в митинг, на котором выступали Исаев, Шубин, Золотарев, Василевский, Жириновский, Фадеев, Аня Золотарева и Ася Лащивер. Выступавшие высказывали мнения о несовершенстве тезисов к партконференции, о демократии, о Рейгане и его крылышке, о политзаключенных и числе жертв сталинских репрессий, а также о целесообразности приходить сюда каждую субботу в 16.00.

Поначалу в толпу митингующих вклинился генерал милиции Мыриков, но, упреждая его намерения, манифестанты весело и бегло заскандировали: «Пе-ре-строй-ка», «пе-ре-строй-ка». Генерал удалился, предоставив им возможность безумствовать до 17.00. Наверное, и его охватило удовлетворение, когда радикальная молодежь, завершая сходку, окатила обступившую ее толпу слащавой помпезностью «Интернационала».

Уличная активность, однако, на этом не пресеклась, а претерпела метаморфозу, переродившись в топтание тусующихся групп, привлеченных риторикой неугомных полемистов.

Тусовки перед «Известиями» и около Пушкина продолжались до глубокого вечера.

---

* Когда 31 мая А. Исаеву и другим студентам-общинникам пришлось держать ответ за свои деяния перед парткомом МГПИ, где они учатся, на вопрос о черном знамени Исаев ответил, что это знамя «латиноамериканских революционных сил». Объяснение было принято.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА

В августе 1986 года Александр Сухарев (г. Оренбург) написал письмо в «Комсомольскую правду» с предложением: всем сторонникам революционных перемен начать активный обмен мнениями для поиска и объединения единомышленников. После опубликования обращения к автору пошел мощный поток писем, но очень скоро поток этот прекратился. Тем не менее уже на ноябрьские праздники к Александру приехали несколько человек из уже начавшего набирать силу общественно-политического движения. (Взгляды и судьба самого Александра — тема, требующая отдельной статьи.)

К концу 1986 года в переписке, несмотря на исчезновение писем на почте, их проверку, участвовало около 50 человек, многие из которых представляли уже существовавшие клубы. Возникло название — Заочный (или Всесоюзный) социально-политический клуб. Свою деятельность студенты, рабочие, инженеры, учителя... решили организовать таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма, следующему; тот — третьему, и так далее. В результате письмо, пройдя по цепочке адресов, превращается в рукописный журнал.

В феврале в переписке участвовало уже несколько сотен людей. На февральской (1987 г.) встрече было принято воззвание «ко всем революционным силам страны», которое разослали по всему Союзу. Цель этой кампании: те, кто считает необходимым создание политклубов при «Комсомольской правде», должны прислать эти воззвания в редакцию. В начале марта А. Сухарев

с группой членов клуба пришел с этим предложением в редакцию. Им отказали.

В начале мая в Москве собирается I-я конференция ВСПК. Принимается устав. Клуб создается на «марксистско-ленинской» основе, что, однако, не исключало тогда плюрализма мнений. Создается и редакция сборника ВСПК (машинописного).

Весной в Московском пединституте имени Ленина возникает группа бакунистов. Студенты исторического факультета обратились к богатой социалистической мысли XIX века... В России слово «анархист» давно уже стало ругательным, тем ярлыком, который бюрократия вешала на всякого проявлявшего самостоятельность. Бакунисты не скрывали своих взглядов, даже демонстративно носили красно-черные галстуки. Теперь это зрелые молодежные лидеры. Большой популярностью пользуются в Москве их семинары, лекции, в частности, об интригах Генерального Совета I Интернационала против М. А. Бакунина, об анархо-коммунизме, о деятельности Махно. Секция учащейся молодежи (20—30 человек) при объединении «Община» (так стала называться группа бакунистов) — «Альянс» — сейчас уже самостоятельно организует семинары, проводит практическую работу. Например, помогла организованно провести забастовку учащихся одной из московских средних школ.

Но тогда, весной 1987 года, все еще было впереди... Бакунистам нужна была поддержка. Тогда Клуб социальных инициатив (КСИ) и московская группа ВСПК предложили им принять участие в широкой информационной встрече социально-политических объединений в Москве. КСИ — солидное объединение (в октябре 1987 года принят в Советскую социологическую ассоциацию). Члены Клуба поддерживают связи с социалистическими и коммунистическими партиями Запада, за что Клуб иногда называют «леводиссидентским».

ВСПК (москвичи) и КСИ не смогли договориться

о месте проведения встречи: первым было удобно провести ее в Таганроге, вторым — в столице (присутствие прессы, зарубежных представителей...). (На эту встречу не было приглашено объединение «Память». Впоследствии появился пасквиль о встрече за подписью некоего Иванова — возможно, не состоящего в «Памяти», а являющегося представителем третьей силы, действующей по принципу «разделяй и властвуй». Как бы то ни было, сборник клуба «Левый поворот» настроен очень резко по отношению к «Памяти».)

II, Таганрогская встреча ВСПК, несмотря на препятствия со стороны властей (снятие делегатов с самолетов, выселение из гостиниц), прошла довольно успешно. Именно там был принят действительно плюралистический Устав клуба, оформились фракции: социал-демократическая (СДФ) и марксистско-ленинская (МЛФ).

Лидеры СДФ — Павел Смертин (Таганрог), Роман Астахов (Ленинград); лидеры МЛФ — Иван Купка (Киев) и группа активистов Москвы (впоследствии стала выпускать серьезный сборник «Рабочий путь»).

СДФ выступает за полный хозрасчет, самоуправление, многопартийную систему; цель — создание «демократического социализма». Программа-минимум — создание социал-демократической партии (сейчас фракция оформилась в Социал-демократический союз).

В МЛФ действуют два крыла. Первое представлено И. Купкой и его компанией; для них первоисточники марксизма являются своеобразной библией. Например, в дискуссии Купка приводит цитаты (номер один, номер два...) как определение; соотносит с высказываниями СДФ и, не найдя соответствия, предаёт последних анафеме.

Второе направление — группа «Рабочий путь» — не тратит столько сил на амбициозную борьбу с авторитетом А. Сухарева, как это делает Купка (Урал завален антисухаревскими опусами «эмэлов»), а разрабатывает проблемы рабочего самоуправления. Вместо принципа

выборности всех чиновников (апологетами этого были К. Маркс и В. Ленин) они выставляют принцип делегирования. (Кстати, с делегирования представителей производственных союзов — так строились профсоюзы в России — в Совет рабочих депутатов для проведения всеобщей забастовки в 1905 году и начиналась «советская демократия».) Критикуя «интеллигентские» требования выборности всех чиновников, эта группа незаметно для самой себя критикует и В. Ленина, и остальных авторитетов, возрождая старый Марксов принцип «подвергай все сомнению». В требовании делегирования группа близка к одному из краеугольных принципов «Общины» — федерализму. В итоге — долой демократический централизм, социалистов всех мастей; объединяйтесь на основе федерализма!

На встрече в Москве была предпринята попытка создать Кольцо объединенных инициатив (КОИ), объединить и социалистов и несоциалистов. Объединения не получилось. Было создано «малое кольцо» — ФСОК (Федерация социалистических общественных клубов), объединившая «Общину», «Альянс» и КСИ.

В ВСПК после «жаркого» лета был создан Совет, в который вошли «эсдэки» и «центристы» (те, кто не вошел ни в МЛФ, ни в СДФ, в том числе и «свободный философ» А. Сухарев). При поддержке москвичей Совет выпускает сборник ВСПК. В октябре, при поддержке не входящих в Совет москвичей, Нагорнюк (член Совета) принимает в клуб семинар «Демократия и гуманизм», против чего резко выступили москвичи — «эмэлы».

Тем временем статья Королькова в «Комсомольской правде» (1987, 23 октября) делает свое дело — создается Региональное информационное объединение Урала и Сибири (РИОС).

Оргкомитет ФСОК обращается в ВСПК с предложением собрать общую объединительную конференцию

(см. статью «Январская встреча неформальных объединений в Москве»).

На первом же заседании конференции ВСПК из клуба была исключена либерально-демократическая фракция (семинар «Демократия и гуманизм». Кредо ЛДФ: деидеологизация государства, то есть отделение идеологии от государства (как в свое время церковь) и сделать идеологию частным делом гражданина, а не насаждать «государственную религию». С этой целью ЛДФ выступает за пересмотр Конституции. В знак протеста против этого исключения из ВСПК выходит СДФ.

Оставшиеся «эмэлы» принимают новый Устав. В нем, помимо символов веры «эмэлов», есть и явные бюрократические извращения: вступить в ВСПК — значит, надо прежде стать кандидатом, для чего необходима рекомендация члена Совета, и т. д. Ясно, что этот Устав не работает. В знак протеста против такого устава из ВСПК вышел А. Сухарев. Своими резкими заявлениями он настроил против себя и «провинциалов», смутно представляющих конфликт вокруг ЛДФ.

В первых числах февраля СДФ и «центристы» создали Всесоюзный социально-политический блок (ВСПБ).

В мае в Москве прошла региональная встреча ФСОК. На ней московская группа ВСПК вошла во ФСОК.

*«Левый поворот»,
1988, № 14*

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

26—28 августа в г. Ленинграде состоялась межрегиональная встреча Народных фронтов и других демократических движений. Присутствовали представители 7 республик, 40 городов, 70 организаций.

1. Собравшиеся обсудили политическую обстановку в стране, сложившуюся непосредственно перед и после XIX партконференции КПСС, и проблемы народного демократического движения в поддержку революционной Перестройки. Решено организовать информационную сеть на региональной основе для обмена опытом и материалами теоретического и информационного характера.

2. На межрегиональной встрече приняты Общая Декларация, резолюция по национальному вопросу и реформе избирательной системы, обсуждался проект Программы Народного фронта, а также другие документы.

3. Собравшиеся поддержали идею организованного демократического движения (Народного фронта) в поддержку революционной перестройки.

4. Признано целесообразным вести коллективную разработку социальных, политических и экономических ориентиров для работы региональных организаций, взяв за основу проект Программы Московского Народного фронта.

5. Представители 30 инициативных организаций (список прилагается) решили создать координационную группу содействия образования Народного фронта СССР, комплектуемую путем выдвижения ее членов делегации и самовыдвижения с последующим вотумом доверия со стороны местных организаций. Часть организаций выступила против учреждения координационной группы, выступив исключительно за горизонтальные информационные связи между регионами.

6. Задача координационной группы — способствовать широкому единству действий, объединению народных инициатив, проведению совместных акций, усилению антибюрократической борьбы.

7. Координационная группа по консультации с местными организациями и в связи с развитием политической обстановки в стране собирает конференцию или Учредительный съезд Народного фронта.

ДАЕШЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ФРАКЦИЮ!

9 октября на общем собрании межклубной комсомольской группы была принята «Платформа Демократической фракции в ВЛКСМ». Был дан анализ причин хронического кризиса комсомола: окостенение его оргструктур, отсутствие гласной и конструктивной критики руководства Союза, предельное единообразие деятельности первичных к/о, преобладание территориально-производственного принципа формирования к/о, который препятствует созданию объединений молодежи по интересам. Отмечалось, что задача фракции — создать прецедент и добиваться проведения всесоюзной дискуссии о Программе ВЛКСМ, который до сих пор не имеет своей Программы, и в процессе дискуссии добиваться легализации существующих направлений в идеологии комсомола. Но самое главное — дать возможность реализовать себя тем комсомольцам, которые не участвуют в Движении общественно-политических клубов, но ищут или ждут возможности включиться в движение за необратимость перестройки.

Представитель Московского ОК ВЛКСМ Д. Следков признал необходимость коренного совершенствования демократического механизма комсомола. Однако он предложил оговорить временный статус фракции, так как «борьба между ДФ и «фракцией аппарата» ослабит комсомол».

В обсуждении Платформы принимали участие зав. сектором Черемушкинского РК ВЛКСМ Ю. Левченко и секретарь комитета комсомола Высшей комсомольской школы Ю. Раптанов, которые в целом согласились с предложенной концепцией.

ДЕЛА АРБАТСКИЕ

Ежедневно агитаторы НФ проводят агитационную работу на Арбате, которая пользуется успехом у наших добровольных слушателей. Но особенно активно агитаторы НФ работали вечером в День Конституции. Когда после дискуссии в Некрасовке на Арбат вышла группа агитаторов (около 10 человек) для проведения разъяснительной работы против двух указов «О митингах, демонстрациях...» и «Обязанностях внутренних войск...», то это была далеко не первая акция такого рода, но в День Конституции она имела особенное значение и вызвала живейший отклик людей. Как всегда, критика и обсуждение указов переплетались с вопросами о Московском Народном фронте, жаркими спорами о современных политических и экономических проблемах, о нашей 70-летней истории, о позициях других «неформальных» политических течений, особенно Демократического союза и «Памяти». Двое агитаторов для привлечения внимания публики к главной теме агитации прикрепили на грудь плакатики с надписью «Указы 504 и 505 — возвращение сталинизма?», что имело определенное положительное действие благодаря сочетанию словесной и наглядной агитации.

У всех было ощущение настоящего праздника общения, свободы мысли. Люди не хотели расходиться, а некоторых вошедших во вкус агитаторов пришлось долго уговаривать сойти с «трибуны» и отправиться домой.

НЕРУШИМЫЙ БЛОК КОММУНИСТОВ И ДЕМОКРАТОВ

Решили в обществе «Мемориал» принять участие в избирательной кампании. Дай, думают, выберем А. Адамовича. Явились двое мемориальщиков Орлов и Малиновский в Краснопресненский райисполком. Пришли и видят: сидят за столом три мужика в пиджаках — важные, солидные, словом, полномочные. И не то чтобы просто сидят, как сиживали во времена застоя, а налаживают диалог с вождем демократической партии Львом Григорьевичем Убожко.

У Л. Г. Убожко за плечами большой опыт партийной работы. Он постигал азы партийного строительства в партии нового типа (КПСС), стоял у истоков партии новейшего типа (ДС). Тип его новой Демократической Партии пока не определен. Товарищи! Вот достойный кандидат в народные депутаты СССР!..

— А какова ваша платформа? — интересуется предисполкома.

— Платформа... это... Советы. На многопартийной основе. И многоукладность экономики... ну, это, как Ленин писал.

— А разве Ленин так писал?

— Писал, и Маркс тоже.

— Ну, Маркса мы сейчас того, ревизуем... — раздумчиво произносит предисполкома.

— Нет, — настаивает на своем Убожко. — У меня все на Ленине да на Марксе основано.

— Это все хорошо, — как бы задумывается председатель, — но у нас район рабочий... Вас первым делом спросят, когда колбаса на прилавках появится.

Тут Убожко пояснил, что, поскольку он является

давним борцом за дело рабочего класса, то рабочий люд за него костями ляжет.

— А вот вы на учете в ПНД состоите... — осторожно заметил предсоввласти.

— Это неважно, — пошел в наступление Убожко. — Рой Медведев мне обещал, что статью снимут. Вот недавно французские психиатры сказали, что я нормальный. Завтра американские приедут...

На этом, казалось, все недоразумения были исчерпаны, дело за одним, исполкомовцы никак не могли взять в толк, отчего Лев Григорьевич не желает в КПСС восстановиться, ведь это ж пятно. А Убожко, в свою очередь, безуспешно пытался им втолковать, что никак не может восстанавливаться в КПСС, поскольку он свою собственную партию создал. Невзирая на это маленькое недоразумение, Советская власть пошла навстречу и предоставила товарищу Убожко Л. Г. помещение для предвыборной агитации, а также размножить объявление о встрече тов. Убожко с избирателями.

...Наконец подошла очередь мемориальщиков с их Адамовичем.

— Вот и хорошо, — потирая руки, сказал предисполкома. — Вместе с товарищем Убожко и проведете собрание. Состязательность кандидатов будет, плюрализм мнений, так сказать.

Такая перспектива почему-то мемориальщиков не устраивала.

— А нельзя ли все-таки подыскать другое помещение? — тихо произнес Орлов.

— Да что вы, ребята, у нас же цель одна! Вместе будем! — радостно закричал Убожко. Но мемориальцы были неумолимы.

— Да... — укоризненно заключил предисполкома. — Я вижу, товарищам из «Мемориала» нужно еще почувствовать демократизму у Демократической партии.

Так был заложен первый камень в фундамент нерушимого блока. Но окончательно союз оформился во

время избирательной кампании в издательстве «Мир», где самовыдвигался В. Жириновский. Здесь уже демократы пошли навстречу коммунистам: узнав, что его соперником будет В. Коротич, Жириновский снял свою кандидатуру и призвал своих сторонников голосовать за прораба и застрельщика перестройки. Таким образом, все члены Демократической партии (и Убожко и Жириновский) встретили избирательную кампанию во всеоружии.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМЫЙ БЛОК КОММУНИСТОВ И ДЕМОКРАТОВ!

Жидодепутат

*«Митин журнал»,
1987*

Редактор Дмитрий ВОЛЧЕК

II. РАЗГОВОР ДИССИДЕНТА С НЕФОРМАЛОМ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАДИМУ ЛУРЬЕ

Господин Лурье!

Мне довелось дважды прочитать Ваше выступление на встрече с сотрудниками журнала «Ленинградская панорама» — сначала в «Вестнике Совета по экологии культуры» (1987, № 4), а затем в «Меркурии» (1987, № 6). Поскольку, несмотря на сравнительно небольшой круг читателей указанных самиздатовских журналов, Ваше выступление имеет определенную общественную значимость (недаром же его публикуют дважды) и затрагивает существенные вопросы сегодняшней нашей жизни, я счел возможным обратиться к Вам с открытым письмом.

Пафос Вашего выступления, если я правильно понял, в том, что в СССР образовалась новая общественная сила — экологическое движение, которое единственно и способно стать выразителем народных чаяний, вопреки проискам диссидентов и в особенности журнала «Гласность» (последний, по Вашим словам, «выгоден только бюрократии»).

Да, Ваша правда — экологическое движение действительно стало весомой общественной силой, с которой советские чиновники вынуждены считаться. Верно и то, что это движение пользуется поддержкой значительной части интеллигенции. Что ж, тем прискорбнее отмечать в нем тенденции, выразителем которых являетесь в данном случае Вы. О чем речь? О нерешительности, о локальности — порой комичной — требований, о стремлении выстроить свои органы по уже существующей советской бюрократической схеме, о губительной тяге к компромиссам. И, наконец, об этом я и буду говорить, о желании любой ценой, в том числе и ценой прямого раскола, отгородиться от правозащитного движения.

Глубоко ошибочным кажется мне мнение, будто правозащитное движение в СССР принадлежит 70-м годам и ныне неактуально, старомодно, вредно, не находит поддержки в массах. Факты говорят обратное. Никогда еще антитоталитарные силы не были так значимы в стране, как сейчас. Некоторое ослабление репрессий за время правления Горбачева повлекло за собой возникновение множества оппозиционных групп и течений — во многих я склонен видеть зачатки будущих политических партий. Таким образом, в условиях демократизации диссидентская оппозиция не только не изживает себя, но и, напротив, расширяется как количественно, так и качественно. Об этом говорит и опыт Польши — своего рода восточно-европейской лаборатории антитоталитаризма, где оппозиционное движение «Солидарность» сформировалось в ус-

ловиях, весьма сходных с нынешним этапом перестройки.

Вы и Ваши, господин Лурье, сторонники любите говорить об «экстремизме», которым-де грешит «крайнее крыло правозащитного движения». Верно, экстремизм и демократия несовместимы, если называть экстремизмом террор, насилие, грабежи и поджоги. Но можно ли называть экстремистами тех, кто выходит на мирную демонстрацию с требованием освободить политзаключенных или соблюдать право на эмиграцию? Очевидно, такого рода акции вполне демократичны. Куда более циничной и противоестественной кажется позиция тех, кто готов жизнь положить за сохранение пусть даже выдающегося памятника архитектуры и при этом не желает замечать страданий своих соотечественников — узников совести или отказников. Тех, кто борется за охрану окружающей среды и при этом равнодушно смотрит на санкционированное властями издевательство над тысячами людей — будь то крымские татары, кришнаиты или пятидесятники.

«Нас сплотил «Англетер», — заявляют сейчас экологи-неформалы. Да, разрушение «Англетера» трудно приветствовать. Но, кажется, пора все же вспомнить о пропорциях историко-политического зрения. В конце концов, «Англетер» — это всего лишь здание, каких на свете немало, дамба, об уничтожении которой вы печетесь, — это, в конце концов, камень и песок. Кому-то эта дамба по душе, кому-то нет, большинству же до нее и вовсе нет дела. Тогда как соблюдение демократических свобод, прав человека — а ведь именно за это борются правозащитники! — касается каждого из нас, в каком бы районе Советского Союза мы ни жили, какие бы взгляды ни исповедовали. Сталинский террор затронул всех — и внутренних эмигрантов, и обывателей, ко всему безразличных, и правоверных сталинистов. Тоталитаризм не щадит никого — в том числе и тех, кто, отрещиваясь от борьбы, заявляет о своей лояль-

ности. Да, времена изменились, сейчас в стране не миллионы политзаключенных, а всего около пятисот человек, но, пока они есть, каждый из нас — и я, пишущий эти строки, и любой их читатель, и Вы сами, господин Лурье, — можете стать пятьсот первым. Пока полностью не обеспечен механизм соблюдения демократических свобод — любого из нас могут запихнуть в психушку, облыжно обвинить в уголовном преступлении, выгнать с работы — в конце концов, вульгарно избить (это средство воздействия особенно популярно в последнее время). Кстати, и «англетерцы», говорят, подверглись преследованиям: одного поспешно призывают в армию, другого выгнали из института, третьего обвинили в насильственных действиях. А прослушивание телефонов, а перлюстрация корреспонденции, как внутренней, так и международной, а давление на друзей и близких, а вздорные слухи, которые власти специально распускают, дабы дискредитировать недовольных в глазах общественности, — все это, увы, реалии сегодняшнего дня. Не замечать этого, не протестовать, да еще и публично — на встрече с американским журналистом! — порицать тех, кто замечает и протестует, — вот уж воистину недальновидное и опасное поведение.

Признаться, и мне самому долгое время импонировала позиция невмешательства в политические дела. Работа в сфере чистого искусства, пассивное утверждение идеологической незакрепленности художника казались мне идеальной платформой интеллигента в советских условиях. Однако вскоре я понял (вернее, меня заставили понять), что те, кого я не желал признать оппонентами, да и вообще старался не замечать, давно уже отвели мне место по ту сторону баррикад. Думая, что ухажу от борьбы, я поневоле оказался в ее гуще. Увы, ни занятия чистым искусством, ни актуальное следование абстрактной экологической тематике не способны уберечь нас от ненависти ответственного быдла, изна-

чально взявшего на вооружение лозунг «кто не с нами, тот против нас». Так не лучше ли определиться и быть действительно против, чем делать вид, будто никакого противостояния нет? Не пора ли вместо робкого осуждения «недемократичности» выборов в Советы прямо поставить вопрос: а нужны ли эти Советы вообще?

Вы, господин Лурье, пишете: «Разве мыслимо механически переносить к нам западную демократию? Демократия для каждого народа может быть только своей собственной». Очевидно, демократия видится Вам такой абстрактной статуей, на которую каждый волен надевать разнообразные одежды: кто ожерелье из акульих зубов нацепит, другой — сарафан, третий — джинсовую куртку... Между тем демократия была и остается абстрактным понятием лишь для создателей многочисленных советских конституций. На деле это раз и навсегда определенный кодифицированный свод гражданских прав — вещь, согласитесь, весьма конкретная. Мы не можем вытащить по своей прихоти отдельные параграфы из этого свода, полагая, что, допустим, гражданам СССР они ни к чему, — так невозможно вытащить кирпич из стены готового дома. Что такое демократия без свободы печати, например? Разумеется, не демократия вообще.

«На информационной встрече-диалоге «Общественная инициатива в перестройке», — пишете Вы, — мы избрали курс социалистического развития нашей страны при руководящей роли КПСС». Лихо звучит! А что — могли и не избрать? В последнее время все чаще стали говорить о компромиссах, на которые может или не может пойти интеллигент в отношениях с нынешней «подобревшей» властью: тема эта вновь стала модной. Думаю, что идти на компромиссы позволено только в экстремальных условиях (хотя, помнится, Пастернак все же отказался подписывать «всенародное требование» о смертном приговоре Тухачевскому). Так что теперь, в совсем уже «вегетарианские» времена, как-

то неловко читать в самиздатовском журнале такие вот строки: «...мы избрали... при руководящей роли...» Двухлицие хорошо на страницах какой-нибудь «Ленинградской правды», там за него гонорары платят, но когда автор самиздатовского журнала — недаром ведь Самиздат по традиции пишется с большой буквы, — презирая традиционную внутреннюю честность свободной печати, застывает с привычным кукишем в кармане: напишу, дескать, про «руководящую роль», а потом про то, как в Киришах детидохнут, — пусть большевики подавятся, — право, тошно становится. Кажется, такой простор — любая газета, любой журнал примут про «руководящую роль», — так нет, надо непременно в Самиздате — а что, кроме этих листков машинописи, остается нам от позорных десятилетий российской несвободы? — и здесь топтать и пачкать.

Если прежде участие в нелегальной печати было своего рода гражданским подвигом публициста, то теперь не в меру расшалившиеся «поборники перестройки» воспринимают самиздатовскую прессу как своего рода свалку собственных незрелых амбиций. В последние дни приходится сталкиваться не просто с утратой выработавшейся десятилетиями культуры Самиздата, но и с фактами поистине дикими. Довелось мне прочесть пару номеров самиздатовского журнала «В полный рост!» — двадцать пять машинописных страничек каждый номер. Авторы журнала стремятся возродить у молодежи «веру в коммунистические идеалы». Позволено будет спросить, что это за идеалы такие, если в коммунистической стране проповедовать их приходится в нелегальном журнале? Оказывается, отнюдь не ревизионистские, вполне соответствующие «генеральной линии»... Приходилось слышать и о печатном органе «юных ленинцев», самостоятельно изучающих классиков марксизма. Это ли не абсурд?! На память приходят разве что средневековые и еретики, под страхом аутодафе читающие Священное писание в переводах. Но чем

лучше самиздатовский журнал, посвященный чему угодно — от переименования улиц до спасения редких орхидей, — кроме самого, кажется, важного для самиздатчиков вопроса — о свободе печати?

В своей статье Вы, господин Лурье, выступили в защиту художника Юлия Рыбакова, одного из руководителей ТЭИИ. Известно, что в ряде недавних публикаций официальной прессы Рыбакова пытались противопоставить «честным» неформалам только потому, что он в семидесятых годах был осужден по политической статье. Вы защищаете его. Но как? Вы утверждаете, что, поскольку «общественную деятельность» Рыбаков начал «до перестройки», возникает «известное недоверие к обоснованности обвинений, возводившихся на него за тогдашнюю деятельность. Но даже если обвинения справедливы, — продолжаете Вы, — нельзя ставить на человеке крест на всю жизнь». Таким образом, «антисоветская агитация и пропаганда», в которых обвинялся Рыбаков, — есть, по-Вашему, преступление? Преследование инакомыслящих, выступавших против «социализма», — есть, по-Вашему, борьба с преступниками? Вы говорите, что на раскаявшихся не надо «ставить крест». Спасибо за великодушие. Но как быть с теми, кто не раскаялся? Обратно в лагерь?..

В заключение статьи Вы обрушиваетесь на журнал «Гласность», который, по Вашим словам, стоит на вредной и неконструктивной позиции. Честно говоря, вредным и неконструктивным кажется другое: сводить междоусобные счёты на встрече с американским журналистом (особенно если учесть, что «Гласность» переиздается в США на средства американской общественности). Но — давайте по существу. Основная задача «Гласности» — осуществлять общеизвестный контроль за соблюдением прав граждан СССР. Всех граждан — и Вас в том числе. Если «Гласность» выступает за соблюдение зафиксированной в Советской Конституции свободы печати — то это касается и Вас, ведь Вам то-

же приходится распространять свои произведения нелегально. Если «Гласность» выступает против преследования граждан СССР за их убеждения, то это тоже касается Вас — недаром ведь ретивые чиновники обвиняют «Спасение» в антисоветизме. Так в чем вы не согласны с авторами «Гласности»? Может, Вам нравится, что невинные сидят в тюрьмах и лагерях? Что здоровых людей запирают в сумасшедшие дома? Что сотни поэтов и прозаиков не могут издавать свои книги? Что миллионы верующих считаются гражданами второго сорта? Что тех, кто хочет жить в других странах, насильно удерживают в советском гражданстве и лишают элементарных прав? Что крымские татары изгнаны со своей земли? Что документы, зафиксировавшие сталинские преступления, варварски уничтожаются? Ведь именно об этом пишет «Гласность»! Так с чем Вы не согласны, господин Лурье? Неужели для Вас и Ваших соратников главная проблема общества, в котором нам суждено жить, — разрушение третьеразрядной гостиницы в Ленинграде?

Не хочется в это верить.

*«Меркурий»,
1987, № 7*

Елена ЗЕЛИНСКАЯ

«СОЧТЕМЯ СЛОВОЮ...»?

Пафос открытого письма редактора «МЖ» заключается в разоблачении «прискорбной тенденции», выразителем которой, на его взгляд, является «господин Лурье»; речь идет о «желании неформалов ценой прямого раскола отгородиться от правозащитного движения».

Можно по-разному относиться как к правозащитному, так и к новому общественному движению, невнят-

но именуемому неформальным, но надо быть слепым, чтобы не заметить, насколько разнородны эти явления, они имеют разное происхождение, разные судьбы, возраст и, соответственно, не могут не иметь несовпадающих целей и методов их достижения.

Общее у них одно — мы верим в это — желание блага нашему Отечеству. Но эту цель ставят перед собой столь разные группы и направления, что вряд ли сами правозащитники захотели бы объединиться с кем-либо только по этому признаку. Говорить о расколе между никогда не сливавшимися движениями так же некорректно, как сообщать о разводе двух людей, не только не состоявших в браке ранее, но говорящих на разных языках.

Если рассматривать дальнейшие рассуждения г. Волчека с учетом этой позиции, то направление их приобретает иной характер и сводится буквально к следующему: почему неформалы не бросают немедленно эти «третьеразрядные клоповники»*, сооружения из «песка и камня» и не выстраиваются в затылок доблестным защитникам прав человека?

Нетерпимость, с которой человек, говорящий от имени диссидентов, требует единомыслия, довольно неожиданна. Меньше всего можно было бы ожидать, что именно правозащитники откажут нам в праве самим решать, что нам защищать: крымских татар или родной город.

Я не берусь судить, окончил ли диссидентское движение в 1987 году свой тернистый путь или, напротив, вступаете в новую фазу, важно другое: в общественной жизни появился долгожданный спектр — и нельзя подменять один цвет другим, подминать один цвет другим,

---

* Поражает, с какой легкостью усваивает редактор «МЖ» термин, предложенный зампредисполкома, виновного в разрушении «Англетера».

смешивать их в единообразный, привычный глазу мутный поток.

Но нет, непримиримость борца за плюрализм простирается так далеко, что он даже не допускает возможности существования мыслей, отличных от его собственных. Только «губительной тягой к компромиссам, циничностью», на худой конец, недалёковидностью объясняет он наличие у «господина с кукишем в кармане» позиции, не сходной с позицией правозащитников, притворяясь, что не понимает — я никогда не поверю, что он в самом деле не понял: защищая «пусть даже выдающийся памятник архитектуры, снос которого трудно приветствовать», Вадим Лурье защищает право гражданина самому решать судьбу своего города; с непоколебимым мужеством борясь против строительства дамбы, Петр Кожевников защищает право человека на жизнь, самое главное право, ибо, как уже было подмечено, много ли поможет самая сверхдемократичная конституция хронически больному дебилу, которому нечего будет пить?

Каждая истина конкретна.

Составлять картотеки разрушений церковей, рассчитывать кладбища, спасти «дохнувших в Киришах детей» (самое бестактное место в письме Д. Волчека), открывать «Бродячую собаку»... работенка пыльная, не очень заметная — особенно если смотреть из Парижа, — но именно это, на наш взгляд, — и мы несколько не навязываем его ни правозащитному движению, ни Дмитрию Волчеку — именно это скорее избавит наши телефоны от прослушивания, письма — от перлюстрации, а преследуемых — от преследований.

Сколько ни кричи: «Халва, халва», — во рту слаще не станет...

Представим себе, что все требования правозащитников — глубоко справедливые и гуманные — выполнены. Выпущены на свободу политзаключенные, выведены войска из Афганистана, все желающие выехать — вы-

ехали. Что дальше? Что изменится в стране? Станут ли доброкачественными продукты? Получат ли полноценное образование наши дети? Выйдут ли из подвалов токсикоманы? Можно ли будет пить ладожскую воду? И где гарантии, что выведенные из Афганистана войска не введут завтра куда-нибудь еще, а мы не завершим этот спор в бараке? Перечень этих вопросов может продолжить любой. А вот кто даст ответы? Боюсь, что все те же «законопослушные» неформалы, а точнее — люди с неформальным мышлением, не закрепощенные ни корыстью, ни ненавистью РЕАЛИСТЫ, которые пришли в мир не судить, не сводить счеты, но созидать новые механизмы, социального развития, нащупывать и творить пути «мирного сосуществования», не только во всем мире, но и в своей стране.

«Зачем делать вид, что противостояния не существует? — спрашивает Дмитрий Волчек. — Не пора ли вместо робкого осуждения недемократичности выборов в Советы поставить вопрос: а нужны ли Советы вообще?»

Давайте поставим. Только уточним для начала: что такое Советы с демократическими выборами? А это, оказывается, тривиальный парламент. Не знаю, как г. Волчека, а меня лично с Вадимом Лурье и всем цивилизованным человечеством совершенно искренне устраивает парламентарная система, обеспеченная работоспособной конституцией.

Долгие годы наше общество жило в состоянии конфронтации между застывшим чиновничьим аппаратом и народом. Сегодня я впервые без стыда и неловкости слушаю — и готова поддержать все, что делается главой нашего правительства. Путь, который предлагает, — РЕАЛИСТИЧЕН, и потому может быть убедителен для изверившегося народа.

Впервые за долгие десятилетия нам выпал шанс прекратить эту беспощадную, оскорбляющую достоинство нации, безнравственную вражду.

Давайте остановимся первые.

Выработавшийся за долгие годы инстинкт нападения, который, как известно, лучшая защита, ожесточение, классическое разделение на своих и чужих — все то, что помогало «замечать и протестовать», сегодня может превратиться в тоннельное мышление. Одна из примет — непонимание нового общественного движения, уничтожительная ирония по поводу его законопослушности.

Нормальное свойство человека — говорить правду — должно обеспечиваться законом. Мы законопослушны: мы требуем, чтобы ПОСЛУШНЫЕ закону были все, от дворника и до члена Политбюро. Но грош цена закону, если он не подкрепляется мощным общественным мнением, опирающимся на здравый смысл, терпимость и широту взглядов.

В первой англетеровской декларации была такая строчка: «Движение — это содружество людей, стремящихся к нормальной жизни».

Нормальной, при которой наличие в Уголовном кодексе статей типа 190—1 будет так же противоестественно, как сегодня было бы противоестественным узаконенное четвертование.

Времена изменились. И тем, кто не изменился вместе с ними, еще долго будут непонятны слова и поступки тех, кто нашел в себе мужество расстаться со стереотипами.

И последнее: долгие годы нам внушали, что приверженность к одной политической доктрине — это и есть любовь к Родине. Торжествовало мнение, сужающее даже этот, казалось бы, предельно узкий взгляд, — положение, при котором эта доктрина отождествлялась с конкретным политическим деятелем...

Так неужели правозащитники, на своих личных судьбах испытавшие всю подлость этого предлога, будут вводить «новый католицизм», при котором, пере-

фразируя слова Евг. Замятина, у общественного движения будет только одно будущее — его прошлое?

Не хочется в это верить.

III. ПАНОРАМА

*«Альтернатива»,
1988, июль
Г. ВОХМЕНЦЕВА*

КОМСОМОЛ И НЕФОРМАЛЫ: ВЗГЛЯД С ДВУХ КОЛОКОЛЕН

Наверное, почти все участники пленарного заседания помнят, что при регистрации они заполняли анкеты. Этот опрос был одной из составных частей комплексного исследования (кстати, еще не законченного) роли неформальных объединений в современном обществе.

Думаю, что для членов АОО результаты исследования представляют особенный интерес. Были уже высказаны замечания и по его методике. Поэтому познакомлю с первыми результатами, правда, с двумя оговорками.

1. Не все члены объединений сдали заполненные анкеты по личным (или идейным) соображениям.

2. Анализ результатов имеет предварительный и исключительно описательный характер, выводы пока еще во многом гипотетичны.

Через бюллетень объединение молодых социологов будет знакомить членов АОО с ходом дальнейшей работы.

Итак, сейчас мы опросили 133 комсомольских работника (в аппаратах ГК, РК ВЛКСМ — секретарей и зав. отделами, секретарей первичных организаций на

правах райкомов). Это — второй эшелон комсомольской власти, обладающий довольно большими организационными и финансовыми возможностями и управляющий огромной (0,5 млн.) областной комсомольской организацией. Для этой группы опрошенных массив вполне репрезентативен. Кто они? 63% — мужчины, остальные — женщины, средний возраст — 27,6 лет, образование у 68% высшее, у 17% — среднее специальное, у 5% — незаконченное высшее, у 8% — среднее.

Сравнивать их ответы будем с мнениями членов объединений. Мы получили 89 заполненных анкет, из них * 20 — от членов любительских объединений, 20 — от творческих, 47 — от общественно-политических (включая нижнетагильский ЭКО) и 2 — от участников встречи, не указавших свое объединение. Теперь — «средний портрет» неформалов, учитывая всю условность объединения в одну компанию, например, «Отечества» и металлистов или штаба операции «Коммунары» и брейкеров, но все же: женщин — 24%, остальные мужчины, средний возраст — 28,9 лет, образование — высшее — 44%, незаконченное высшее — 17%, среднее специальное — 18%, среднее и ниже — 6%. Как видим, средние портреты отличаются — у неформалов больше мужчин, несколько ниже уровень образования.

Среди участников объединений 9% членов (кандидатов в члены) КПСС, 40% — членов ВЛКСМ, остальные — беспартийные. Партийная прослойка среди комсомольского актива (далее будем условно называть эту группу «комсомольцы» — не совсем точно — члены ВЛКСМ) есть и среди неформалов значительно выше. Зная пункт Устава ВЛКСМ, мы этот вопрос и не задавали (напомню, что в соответствии с ним уже секретарь РК ВЛКСМ может быть только членом пар-

---

* См. материал в газете «На смену!» от 27 мая 1988 года.

тии и лишь в исключительных случаях — комсомольцем).

Все наши опрошенные комсомольцы — аппаратные работники, а вот среди неформалов «каждой твари по паре»: 12% — учащихся школ и ПТУ, 11% — студентов, 18% — рабочих, 7% — служащих-неспециалистов, 25% — специалистов-гуманитариев, 20% — ИТР, 1 комсомольский работник и 1 пенсионер.

Сравним ответы этих групп.

Вот, например, их мнения о причинах возникновения неформальных объединений (в % от числа опрошенных):

	комсо- мольцы	нефор- малы
несоответствие существующих кружков и секций реальным интересам молодежи	52	36
стремление молодежи к общению с единомышленниками	41	64
невозможность для молодежи другим путем проявить свою социальную активность	27	41
желание молодежи интересно проводить свободное время	23	26
плохая организация работы с молодежью со стороны ВЛКСМ	23	41
плохая организация работы с молодежью со стороны официальных организаций* (управление культуры, Советы народных депутатов и т. д.)	47	36

---

* По сумме ответов в анкете комсомольцев варианты — школа — ИДН — управление культуры и т. д. разделены.

стремление молодежи найти социальную защиту своих интересов	18	40
недостаток информации по интересующим молодежь вопросам	18	48
повышение социальной активности молодежи в период перестройки	11	33
влияние буржуазной пропаганды	14	—

Кроме того, 30% неформалов ответили, что такие объединения существовали всегда. Как видим, разница в ответах весьма существенна. Во-первых, бросается в глаза недооценка комсомольцами социальной значимости и направленности деятельности объединений. Небольшая, но все же значимая часть комсомольцев склонна видеть истоки движения не у себя дома, а где-то на Западе. Не видит актив в основном своей вины и в том, что осуществляют социальную защиту молодежи объединения, а не комсомол. Мало осознают комсомольцы, что именно неспособность ВЛКСМ решить ряд социально значимых вопросов причина появления неформалитета. Комсомольцы больше склонны видеть эти причины вовне — в работе кружков, официальных органов и т. д.

Совпадение мнений мы видим только по двум вопросам: о значимости общения как доминирующей причины появления объединений (правда, «вес» этого показателя у неформалов больше) и о свободном времени («вес» одинаков, но у комсомольцев он по значимости на 5-м месте, а у неформалов — на 10-м), их сравнение свидетельствует о том, кто больше «всерьез» воспринимает молодежь.

А вот какова оценка работы ВЛКСМ с неформальными объединениями: ВЛКСМ стремится сотрудничать с объединениями — так думает 66% комсомольцев и 30% неформалов; ВЛКСМ стремится подчинить себе деятельность неформалов — соответственно 20 и 26%;

ВЛКСМ стремится запретить деятельность объединений — соответственно 1 и 13%. Да, явно через розовые очки комсомол видит себя в этом диалоге.

Комсомольцы оценивают как большой или средний вклад в работу с неформалами со стороны РК ВЛКСМ — 43%, ГК ВЛКСМ — 53%, ОК ВЛКСМ — 52%. О реальном же содействии со стороны тех же органов неформалы высказались так: содействие оказывает РК ВЛКСМ — 7%, ГК ВЛКСМ — 25%, ОК ВЛКСМ — 25%. Здесь опять самооценка выше оценки реальной в 2, а по РК ВЛКСМ — почти в 8 раз. Обком получил такую оценку, видимо, благодаря встрече-диалогу, часть объединений сейчас действительно работает под эгидой ГК ВЛКСМ. А вот такое большое расхождение в оценках роли райкомов показалось странным. Это еще предстоит выяснить.

Нуждаются в комментарии еще несколько моментов, связанных со сравнительным анализом опосредования. Мнение комсомольцев обусловлено сложившимися представлениями (а правильное, стереотипами). Каков же для них неформал?

Знают о существовании (названы лишь получившие более 1/10 голосов от всего массива):

металлистов	58
панков	30
брейкеров	33
рок-клуб	24
«Отечество»	22
хиппи	14
КСП	13

Как видим, представления в основном довольно смутные. Из реальных объединений — участников встречи (кроме не попавших в этот список) знают: «Сурикова-31» — 2, ЭКО — 3, «Митинг-87» — 9.

Такая неосведомленность неудивительна — ведь

лишь 25% комсомольцев о существовании неформалов знают от них самих. На первых местах как источник информации по этому вопросу центральная молодежная пресса — 72%, ЦТ и ВР — 62%, «На смену!» — 46%, лекции в политсети, в том числе комсомольской — 30%. Этот перечень делает абсолютно ясными неадекватные оценки комсомольцев — большинство из них живого неформала в глаза не видели. А наши средства массовой информации то рассказывают ужасы о люберах, то показывают «истинное лицо» (то бишь — волчью морду) членов объединений. Есть, правда, и исключения, но они очень уж редки, да и встречаются в мало читаемой комсомольским активом литературе (к примеру, в журнале «Социологические исследования») или уж очень невняты (первая публикация об августовском диалоге общественно-политических объединений в «Огоньке»). Откуда же у задерганного секретаря, например, райкома, возьмется представление, соответствующее действительности?

Значит, для того, чтобы неформалам вести диалог с комсомольскими органами (а, кажется, это было бы все-таки неплохо и для тех и для других*), надо дать объективную и по возможности полную информацию об объединениях, не только безличную (используя, например, «СМ»), но и в процессе общения друг с другом. И сейчас есть масса возможностей для этого.

Хотим ли мы этого сами — вот главный вопрос.

---

* Кому мое мнение покажется спорным, прошу высказаться в следующем номере бюллетеня.

«АВРОРА» И СИСТЕМА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА: Сей безымянный мемуар, попавший к нам, мы находим небезынттересным для любителей отечественной словесности. Для удобства его чтения, поскольку русский язык здесь весьма в странном виде предстает, мы обратились в Московский Институт Администрирования и Законов о Молодежи (МИАЗМ), где нам составили к нему примечания, заверив в их благонадежности и достоверности¹.

Выхожу я как-то из «Сайгона»*.

С прайсом* глухо, не на что и чаю попить. Аскасть* идти стремно*, кругом менты*. Со впиской* вообще полный облом*, весь пипл* бесфлэтовый* — придется до утра в парадняках тусоваться*. В прошлый винт сорвали у меня с руки любимую фенечку*, подарок одной герлы*, к которой я на трассе* прикололся* — ее фенечка мне в любой мороз руку грела. Ну, мент как всегда: сорвал — и в помойку.

Да, что и говорить... Питер, Питер... Нет в тебе места для бедного хиппи*. И стремно, и сыро, и некому руку подать... Вышел я и встал, придавленный к земле этими мыслями.

Вдруг вижу: народ с «Сайга» скипает* и всей

---

¹ Некоторое несоответствие порядка комментируемых слов в тексте и примечаниях, вероятно, еще один из «сюрпризов» самиздата. — Прим. ред.

тусовкой куда-то валит. А Маша* мне говорит: идишь?

Оказывается, они все идут найти* в кинотеатр «Аврора».

Что за сэйшн*, никто не врублен*, но все знают, что будет по кайфу*.

Ну, проходим. Первое, что я увидел, — штук десять упаковок*. Но менты, гляжу, сидят тихо, никого не трогают. Ждут, значит, сигнала.

Ну, мы пока затусовываемся внутрь и — трах! — на тебе, полный облом: билеты по два юкса* восемьдесят, да и не только по списку. Я уж хотел скипнуть, но внутри оказалась куча своего пипла, и нас быстренько препроводили по назначению, контроль и глазом моргнуть не успел.

Крыша* у меня съехала* моментально. Да там не у одного меня съехала. Там все ходили как удолбаные* к утру.

Чего там только не было и кого!

Все там были.

В общем, правда, было по кайфу. Особенно меня приколола* одна тусовка: там в углу гармошка играла, и на столике табличка: «Группа Спасения».

Я про них уже слышал и даже очень жалел, что попустил все англетеровские дела. Ну, я тогда был в крезе*.

В общем, они там паслись около своего столика — один хайрастый* — бородатый на гармонии играет, а остальные аскают. «Только здесь, — говорят, — вы можете сделать свой взнос на нужды «Группы Спасения». Как будто все только и спрашивают, где его сделать.

Сзади у них висел прикольный плакат: «Только у нас Ленгорисполком развивает учение Ленина». Как я понял, они прикалывались над фенечным постановлением и еще тем, в котором запрет без разрешения собираться на улицах, площадях и т. д. — в общем, всю-

ду, кроме кладбищ и переулков (про них там ничего не сказано).

Конечно, на эти постановления все и так плевали --- любой пионер * знает, что они противоречат Конституции, но все равно приятно. Они еще раздавали такие бумажки, там цитата, Ленин кадетов кроет: оказывается, кадеты такой же приказ издавали. Ну, в общем полный улет * с этими постановлениями.

Еще у них стояло там чего-то не то мэн *, не то герла — жуткая черная фигура, рваные черные штаны, черный зонтик, черные очки, в кармане пиджака — черная табличка: «Враг общества». Она, стало быть, изображала комплексный капремонт, на спине было написано.

И две герлы, одна совсем малолетняя, другая с наглым фейсом * — аскала вовсю — они, стало быть, жертвы этого ремонта. А мэн за столиком, звать Бомжир, орал, чтоб живо делали взносы. Он еще продавал втриморога спичечные коробки, на каждом нарисована шар-баба и надпись: «К 2000 году каждой семье — по снесенному дому». Последний коробок пошел за 30 копеек, даром, что пустой внутри.

Ну, потом у них полная шиза * пошла: продавали чулок с ноги ответственного секретаря «Группы Спасения», порванный на руинах «Англетера», тоже с аукциона, и продали-таки, причем цена поднялась где-то за юкс. Ржали все там как бешеные.

Когда продавать ничего не осталось, они стали петь. Пели про какого-то крезанутого мэна, никак ему не перекинуться было *, он и цианистым калием вмазывался *, и веняки коцал *, и пилился * — все без мазы *. И все же хэппи-энд: вписался бедняга под последний трамвай; в общем, крутой сонг.

Прайс к ним в коробку так и сыпался, ёлы-палы, вот как аскать-то надо!

Ну, это все было только начало, потом все затусовались в зал, и началось представление: вышел Пила-

тов и умыл руки. То есть он сказал, что пускай все сами выделяются как хотят. Еще бы, у дверей-то десять упаковок, небось ждали, что пипл купится и даст повод для винта. Но не тут-то было, все вели себя как порядочные. «Аукцион» играл, плясали, ну, как водится, можно было в очереди часа два постоять за двухрублевым коктейлем, если ты крезанулся вконец.

Показали фильм про моржей, жалко их, небось тоже вымирают. Мне моржи понравились, по фейсам видно — пацифисты *. Еще там выступал театр стремной моды, особенно меня покорило одно платье, тоже пацифистское, из раздроченной шинели, как сказали: платье на темы перестройки с узором из звездочек, плавно переходящих в цветочки. Одну герлу поджигали — прикид был из газет, но она так и не сгорела. Барды пели, мне особенно одна частушка понравилась: «Наш бронепоезд спрятан на Луне». Но самый прикол опять устроило «Спасение»: у них был суд на самим собой. Вышел на трибуну мрачный мэн в черной кожанке, а вместо хайратника * — противогаз, как выяснилось, это был широко известный Китаец, самый крутой из их «Спасения» тусовки.

Застремал он нас до предела, все сразу поняли, что спасать дома — дело обломное, лучше в него не соваться, если ты не мажор * с крутыми прэнтами *, которому все можно. Все он изложил про ихнюю группу, как с газетного листа, а герла за столом с графином, скатерть красная — прочла еще хуже — разоблачение от имени Шевчука — есть такой стукач приментованный *, по «Англетеру» всех людей грязью поливал. Здорово похоже было на его статейки, как он всюду проникает — ну стукач и есть стукач.

Потом опять Китаец-прокурор стремал и разоблачал, от смеха мне плохо стало.

Даже вышла герла под комсомолку, давай пищать: «Мальчики хорошие, им только не надо давать ничего делать» — ну как живая комсячная мажорка. Потом

другой бородатый стал «Группу Спасения Памяти» хвалить, мол, она «спасла память жертвы международного сионизма С. Есенина». Стало быть, он был из «Памяти», в конце стал кулаком стучать и орать: «Долой рок-культуру, ура Столыпину!» — отпад полнейший, сил не было слушать.

Еще там какие-то шизанутые защитники выступали, один — псих-культурист, а еще та герла, что аскала в виде жертвы ККР, только теперь она была в другом прикиде, под цивил*, дебильные хвостики — давай орать: «Мы Девичий фронт, бросайте свои памятники, вступайте к нам». После нее прокурор окончательно озверел, сказал, что предлагает приготовить «Спасение» к разборке без восстановления, а конец суда переносится на 9 января — там весь спектакль будет полностью. Все наши решили пойти прикайфовать еще раз на таком спектакле, да и узнать, к чему же все-таки приговорят.

Еще, между прочим, кое-кто решил идти на демонстрайшн, по приглашению всем известного Богданова. Он там отнял у «Аукциона» микрофон и давай голосить: «Приходите, мол, к нам на Казань»; за что там митинговать, я только не въехал, все равно я туда идти не собираюсь. Я с Богдановым не удринченный*, ни уторченный* не свяжусь, разве только словлю крезу с глюками* и в полный астрал* выйду. Знаю я некоторых, которые с ним связывались, теперь всюду бегают и кричат: «Дайте нам его отфейсовать* скорее». А один олдовый* мне сказал, между нами, конечно, что он работает у Галины Борисовны, есть такая герла, тоже олдовая, на Литейном тусуется. Вообще такое дело надо бы проверить, но мне в ломак*.

К 5 утра весь пипл начал расползаться. В общем, найт был клевый, что и говорить. Тем более, я уже настроился на холодный парадняк...

А тут все повернулось по-другому: в процессе групповой ловли кайфа я там стусовался с одной герлой.

Пионеркой ее не назовешь, в смысле жизни она врубається получше других. Но по тусовке она новичок, я ее и не замечал раньше. А тут в свободной творческой обстановке мы как-то сразу друг к другу прикололись. В общем, познакомился и вписался правильно, я о таком давно уж и не мечтал.

Да... Теперь мы с ней ту «авроровскую» тусовку вместе вспоминаем. В тот день пришел конец моей фрилансности *. А теперь я за нее не только все фри лавы отдам, а что угодно. И откуда-то смысл жизни появился... Так что тот найт я навсегда запомнил.

Кстати, запомнил его надолго не только я.

Все, кто купились и пошли на митинг, который Богданов устраивал, тоже вряд ли его скоро забыли. Говорят, они туда пришли в простоте душевной, только хотели в защиту не помню чего выступить, повыделываться — и на тебе: не успели ни бэ ни мэ сказать, вдруг как в старой народной сказке про Змея Горыныча: вышли из дворца злые полисы * и всех повинтили. Словили они все по 15 суток. Ну, я туда не ходил, и слава богу. Я же знал, что дело беспонтовое *, да и стремное к тому же.

Впрочем, под опытным руководством Александра Провокаторыча можно и не только поймать. Вот, например...

* * *

К сожалению, на этом записки обрываются. Попытка выяснить судьбу их автора через отделение милиции, во дворе которого они валялись, были безуспешны. С сожалением вынуждены мы смириться с этим.

Не теряя, конечно, надежду, что неизвестный молодой талант даст о себе знать, куда бы ни забросила его судьба.

Примечания

1. «САЙГОН» — злачное место, рассадник всего дурного среди молодежи, еще не закрытый из-за псевдолиберализма Куйбышевского райсовета.

2. ПРАЙС — среди худшей части советской молодежи (далее — х. ч. с. м.), которую можно увидеть на «Сайгоне» (см. выше) — продукт аска (см. ниже), то есть нетрудовые доходы.

3. АСК — постыдное явление, полностью изжитое при социализме; в странах капитализма — единственный способ пропитания (нищенство). Ст. 209, 210 УК РСФСР.

4. СТРЕМ, СТРЕМАТЬСЯ — единственное достойное занятие х. ч. с. м., то есть жалкой прозападной группировки, именующей себя Системой, а именно чувство собственной ничтожности перед карательным аппаратом самого гуманного в мире государства (далее с. г. в м. г.).

5. МЕНТЫ (также МИЛЬТОНЫ, ПОЛИСЫ, МУСОРА) — жаргонное наименование доблестных представителей героической советской милиции, расшифровываемое «ты — настоящий мужчина» (от англ. «Men»).

6. ВПИСКА — противоправное действие, выражающееся в ночевках с нарушением паспортного режима у т. наз. друзей. Ст. 198, 226 УК РСФСР.

7. ОБЛОМ — нехарактерное для достойного гражданина с. г. в м. г. состояние неудовлетворенности окружающей действительностью (неудачи).

8. ПИПЛ — нецензурное выражение (от англ. «народ»), обозначающее х. ч. с. м., не состоящую в рядах ВЛКСМ.

9. ФЛЭТ — временно ускользнувшая от внимания участкового квартира, притон, где х. ч. с. м. может испытывать разнузданное...

10. ТУСОВАТЬСЯ — коллективное противоправное

действие, точнее, бездействие, совместное местонахождение х. ч. с. м. ТУСОВКА — толпа, сборище х. ч. с. м.

11. ВИНТ — единственный достойный способ общения х. ч. с. м. с. г. в. м. г., то есть задержание и препровождение в (см. п. 12, 13).

12. УПАКОВКЕ — мобильной транспортной единице, служащей для доставки работниками милиции х. ч. с. м. в

13. МЕНТОВКУ — форпост торжества законопорядков с. г. в. м. г.

14. ХАЙР — способ демонстрации х. ч. с. м. своего презрения к правопорядку с. г. в. м. г., а именно отращивание шокирующей прически.

15. ОБХАЙРАТЬ — то есть лишить хайрастого представителя х. ч. с. м. предмета его гордости и нежных забот, согласно постановлению Ленгорисполкома.

16. ФЕНЕЧКИ — продукты временно ошибочно разрешенных художественных промыслов, противоречащие нормам морали и нравственности, которыми х. ч. с. м. украшают свой жалкий прозападный вид с целью угрозы жизни и здоровью граждан. Наиболее распространены браслеты из бисера.

17. ГЕРЛА — представительница х. ч. с. м., предположительно женского пола.

18. НА ТРАССЕ — то есть время противоречащих морали с. г. в. м. г. бродяжнических путешествий авто-стопом. Ст. 209 УК РСФСР.

19. ПРИКОЛОТЬ — вызвать повышенное внимание (от смеха до любви) у кого-либо из х. ч. с. м. своими вызывающими качествами.

20. ХИППИ — наиболее опасная часть х. ч. с. м.

21. СКИПНУТЬ, СКИПЕТЬ — избавить какое-либо место от недостойного присутствия х. ч. с. м.

22. МАСЯ — пример грубого именованья друг другом х. ч. с. м.

23. **НАЙТАТЬ** — горячо любимое х. ч. с. м. действие, то есть злостное совместное пребывание в ночное время. Ст. 198, 226 УК РСФСР.

24. **СЭЙШН** — от тусовки отличается только своей злостной направленностью в интересующую только х. ч. с. м. сторону, например рок-музыкальную, культурно-экологическую и т. д. (подлежит административной ответственности в соответствии с Временными правилами Ленгорисполкома № 376 от 18 мая 1987 года либо ст. 79 УК РСФСР).

25. **ВРУБАТЬСЯ** — несвойственные х. ч. с. м. мыслительные процессы, приводящие к осознанию чего-либо. Недаром в пресловутом «Сайгоне» самое популярное выражение «я не врубаюсь».

26. **КАЙФ** — преступное, недопустимое отсутствие у х. ч. с. м. состояния стремности и обломности.

27. **ЮКС** — оскорбительное именование х. ч. с. м. государственного казначейского билета достоинством 1 рубль.

28. **КРЫША** — голова представителя х. ч. с. м.

29. **СЪЕЗД КРЫШИ** («крыша едет») — наиболее обычное состояние х. ч. с. м., выражающееся в обломах, крзовых (см. ниже), либо болезненных ощущениях.

30. **УДОЛБАННЫЙ** — неадекватное состояние крыши у х. ч. с. м. вследствие нарушения ст. 224 УК РСФСР, например, путем

31. **ЗАКИДЫВАНИЯ КОЛЕСАМИ** — таблетками, вероятно украденными (см. кинуть),

32. **ЗАБИВАНИЯ КОСЯКОВ И ПЫХАНИЯ ТРАВЫ** — злонамеренного курения нарковеществ,

33. **ВМАЗЫВАНИЯ, ШИРЯНИЯ, ШМЫГАНИЯ** — уколов наркотическими препаратами с помощью **МАШИНЫ** — шприца и **СТРУНЫ** — иглы.

34. **КРЕЗА** — состояние перманентного съезда крыши, а также психостационар для крезанутых представителей х. ч. с. м.

35. ПИОНЕР — жертва разлагающего, тлетворного вытягивания в себя Системой ускользнувшего от бдительности с. г. в м. г. гражданина. Пионерия до 18 лет подлежит охране по ст. 210 и 120 УК РСФСР.

36. НИШТЯК, УЛЕТ, ОТПАД — обозначение х. ч. с. м. своего восторга чем-либо безнравственным и аморальным.

37. МЭН — не герла.

38. ФЭИС — лицевая сторона крыши у х. ч. с. м.

39. ШИЗА — что-либо идиотское, бредовое, даже с точки зрения х. ч. с. м.

40. КИНУТЬ — обокрасть представителя х. ч. с. м. Ст. 144 УК РСФСР не подлежит! б) КИНУТЬСЯ (от «перекинуться») — применение к себе представителем х. ч. с. м. суицидных действий, избавления от себя общества, например —

41. КОЦАТЬ ВЕНЯКИ, ПИЛИТЬСЯ — резать вены и прочие полезные для х. ч. с. м. действия.

42. Без МАЗЫ (МАЗА — возможность) — обозначение х. ч. с. м. безуспешности своих очередных противоправных действий...

43. ПАЦИФИСТЫ — самые опасные и агрессивные представители х. ч. с. м.

44. ЦВЕТОЧКИ — нашиваемые на одежду с целью угрозы жизни и здоровью граждан символы, имеющие свое логическое и временное завершение в карательных ягодках правоохранительных органов.

45. ХАЙРАТНИК — ленточка, поддерживающая крышу представителя х. ч. с. м. с целью избежания ее съезда, но бессильная его предотвратить.

46. МАЖОРЫ — достойные граждане с. г. в м. г., цвет его общества, как правило, с высшим коммерческим образованием.

47. ПРЭНТЫ — самые несчастные граждане с. г. в м. г., которым судьба уготовила тяжкий крест — быть родителями недостойных представителей х. ч. с. м.

48. **СТУКАЧ ПРИМЕНТОВАННЫЙ** — наиболее доблестный гражданин с. г. в м. г., ударник доноса, передовик кляузы, с риском для жизни совершающий подвиг разоблачения преступлений х. ч. с. м.

49. **ЦИВИЛ** — основная часть граждан с. г. в м. г., не совершающая противоправных действий, свойственных х. ч. с. м., и глубоко ее презирующая.

50. **АСТРАЛ** — как правило, **ВЫХОД В АСТРАЛ** — временное удаление х. ч. с. м. от социалистической действительности, например, с помощью наркотиков (ст. 224 УК РСФСР). В таком состоянии у х. ч. с. м. обычным явлением становятся —

51. **ГЛЮКИ** — обманы чувств, создающие разные вредные иллюзии, например, иллюзию освобождения от торжества законопорядков с. г. в м. г.

52. **ОЛДОВЫЙ** — представитель х. ч. с. м., уже не совсем молодой, с большим опытом перечисленных здесь правонарушений, например, хиппи-рецидивист.

53. **ДРИНЧ** — тяжкое последствие царского режима, а именно алкогольные напитки, употребляемые х. ч. с. м. лишь как один из видов торча.

54. **ТОРЧ** — см. Удолбанный.

55. **В ЛОМАК (ВЛОМНО, ВЛОМНОСТЬ)** — состояние, покидающее х. ч. с. м. только при совершении противоправных действий.

56. **ОТФЭЙСОВАТЬ** — дословно «измордовать». Если «менты» «фэйсуют» х. ч. с. м., это является необходимым воспитательным воздействием; если же х. ч. с. м. — граждан с. г. в м. г. — преступлением, квалифицируемым по ст. 206 и 112 УК РСФСР.

57. **БЕСПОНТОВЫЙ** — либо безнадежный, либо никуда не годный (даже с точки зрения х. ч. с. м.).

Примечания составлены при участии квалифицированных консультантов от Системы, в основном Мурки и Поручика Голицина.

...ИЗ «ВЗГЛЯДА СО СТОРОНЫ»

...ввести принцип «скользящего членства».

— По этому принципу, — пояснил он, — уже давно действует, например, наш всеобщий друг Денисюк (кстати, почему его опять нет с нами?). Он член всех групп одновременно, но должности во всех занимает разные. Вот он и есть скользящий член.

— Какой-какой член? — встрепнулся автор «Обращения». Но ответить было некому: все голосовали ЗА.

— А по нашему мнению, — заявил координатор «Союза верующих коммунистов», — следует упразднить в БДМО должность иерарха как не соответствующую демократической терминологии.

— Упразднить никак не возможно, — засуетился иерарх, — иерарха выбирает Секретариат.

— Да, да, — отозвался тугой на ухо Отец, периодически лишаемый прихода. — Патриарха выбирает епископат.

— Это у вас, православных, патриарх, а у нас — Иерарх. Мы трансконфессиональны.

— Именно, — подхватил верующий коммунист, — нам не нужны конфессии.

— Никаких концессий. Не дадим запродать Россию Западу, — проснулся Автор.

— Вас не спросили, — отрезал коммунист и продолжил: — Я не против иерархов вообще. Я против этого термина. На допросе вам с иерархом не отвертеться. А я всегда могу сказать, что мы союз граждан, верующих в коммунизм. Гибкость нужна!

Все с восторгом лишили иерарха его звания и присвоили звание координатора БДМО.

— А как же Секретариат? Вот и Денисюк — член Секретариата (почему все-таки его нет с нами?).

— Секретариат пусть остается и выбирает координатора. (Над ДнП плакат: «Свободу координаций!»)

Перешли к вопросу «Разное». У каждого наболело свое разное, и всем было охота высказать наболевшее. Член ПНТ, бывший сторож Еврейского театра, жаловался, что лидер «Склероза» нарисовал у него на спине желтую звезду, забыв, видимо, что он давно уже уволился и сторожит разрушенные памятники истории. Лидер «Склероза» жаловался, что никто не верит, будто Ленин от Бога, а все остальные коммунисты от сатаны, и поэтому не хотят вернуть в компартию членов «Склероза», которые уже точно от Бога.

— Кстати, Отец, — напомнила Генеральная Секретарь, — вы не забыли, что завтра на семинаре «Гуманный демократ» ваша лекция «Сотворение Богом мира из бульона»?

— Да, да, — радостно закивал Отец-лишенец, — я еще продекламирую там свою поэму, над которой потрудился сивым меринном.

— Ах, ах, а о чем же эта поэма? — сделал заинтересованный вид вечно простуженный поэт-информатор.

— О преимуществах американского пути развития по сравнению с ферапонтовским, а короче — о том, что все русское христианство — дрянь, так как пошло не тем путем.

— Да уж, папаша, устроил ты мне с этой поэмой, — пробурчал Редактор международного класса. — Мой лучший друг подсунил мне хвалебное предисловие к ней и тихо смылся издавать свой собственный журнал. А я попался на эту удочку и, не прочитав, опубликовал. Я ведь не успеваю проследить за всем. Тем более что к поэзии, так же как и к экономической теории Маркса, не питаю ни какого пиетета, о чем написал в своей знаменитой полной парадоксов статье.

— Нельзя питать пиетета, русский язык учить надо, — открыл глаза Автор.

— Не нужно нам русского языка! — закричал Спикер ППЖ. — Мы хоть и простые журналисты, а знаем, что западные демократии обходятся без него и процветают. А у нас, если кто и знает русский, — в фекалиях сидит. Мы будем спикать и шпрехать и тем самым приблизимся к своему западному идеалу. Между прочим, у меня предложение. Поскольку мы издаем немомверное количество журналов, предлагаю создать архив и складывать их туда.

— Я против, — запротестовал автор очень толстого журнала «Острое зрение». — Мы уже обсуждали эту проблему и выяснили, что у работников архивов не хватает напалечников для полистного просмотра дела.

— Это еще что такое? — окончательно проснулся Автор «Обращения».

— Это длинные резиновые наперстки с пупырышками, — пояснил редактор, — да и тележек для перевозки дел не хватает. А один только наш журнал сколько весит!

— Как будто на наперстках с пупырышками свет клином сошелся, — не выдержала Главная Секретарь. — Тут людей притесняют, слова сказать не дают, а им напалечники подавай. Мы должны думать о том, как эффективнее распространять свои идеи в любимом нами народе.

Координатор ОсД так и подскочил:

— А мы уже разработали ряд мероприятий в этом направлении. Например, можно использовать в зависимости от лояльности властей как концепцию звеньевого пикетирования, так и концепцию хаотического пикетирования, или различные их сочетания. Запутавшиеся власти не сумеют реагировать своевременно.

— Это находка, — поддержал Автор, — но митинги лучше.

— Самое лучшее — вещать с телеэкрана, — предложила Генсек, — для этого надо притвориться пьяным и попасть в вытрезвитель, или устроить демонстрацию в защиту кого-нибудь липового. Тогда заберут в ментовку и там можно в ответ на провокационные вопросы декларировать свои идеи. Ведь любой крестьянин понимает — то, что про нас говорят и показывают, — неправда, а то, что мы говорим, — гениально. Ура. А теперь перерыв — скоро обед принесут.

Все стихло. Над ДнП мерно покачивался плакат «Кто не с нами, тот против нас». Из соседней палаты донеслось пение «Интернационала». Это заканчивал внеочередную конференцию ФСОК.

Жидобюрократ

ОТ РЕДАКЦИИ: В посвященном московским неформалам «Взгляде со стороны» практически нет вымысла, лишь изменены названия групп и опущены названия действующих лиц, прямая речь которых почти сплошь цитаты из их писаний и высказываний. Для немосквичей, мало знакомых с деятельностью столичных неформалов, мы сочли необходимым поместить здесь небольшой комментарий.

ПНТ — партия «Демократический Союз», имела свой пресс-атташат. Для руководства ДС (уже после написания «Взгляда...») создан Центральный координационный совет (ЦКС).

БДМО — группа «Братство диалога», возглавляемая иерархом, избираемым Секретариатом (по уставу БД). Занимается сбором денег на вызовы с провинциальных отказников-неевреев.

ОсД — группа «Гражданское Достоинство». Во время демонстрации в память жертв сталинизма возложив цветы к импровизированному обелиску, по требованию милиции с достоинством забрала и цветы и обелиск.

С предложенными концепциями можно ознакомиться в «Бюллетенях» ГД.

МЫСЛИ, изложенные Отцом-лишенцем, более подробно освещены в «Поэме» Г. Якунина, опубликованной в № 7, 8 журнала «Гласность», в № 13 которого можно ознакомиться и со статьей С. Григорьянца «Три парадокса...».

ППЖ — клуб независимых журналистов, возглавляемый спикером А. Подрабинекон, куда входит и С. Григорьянц, в свою очередь, глава национальной секции Международной ассоциации журналистов.

РЕЧЬ редактора «Острого зрения» — дословная цитата из статьи А. Литовского «Архивы и перестройка» в журнале «Точка зрения» № 4.

АВТОР «Обращения» — автор знаменитого «Обращения к XIX Партконференции», ныне лидер Ленинградского отделения СД.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Генсека об использовании телевидения сформулировано на основе фильма «Гуманисты, утратившие доверие» и др.

ОПЫТЫ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

I. О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ СОЦИАЛИЗМА

*«Российские ведомости»,
1988, № 9
РОНКИН, ХАХАЕВ*

От редакции. Сегодня вопрос о социализме для нас снова жив и актуален. Везде идут споры об отношении к нему и о том, что это такое. Здесь мы помещаем давно, но в очень узком кругу циркулирующую в самиздате статью Ронкина и Хахаева и некоторые другие мнения относительно положений этой статьи.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА

В настоящее время существует тенденция опровергать социализм, понимая под этим термином государственную собственность на средства производства и монопольное положение одной партии и идеологии.

На самом деле, анализ социалистических учений, существовавших с древнейших времен, показывает, что главным в социалистической идеологии является отнюдь не это.

Возникнув впервые в Древней Греции * как реакция на развитие товарно-денежных отношений и вытекаю-

---

* Комедия Аристофана «Женщины в народном собрании» позволяет представить, насколько общезвестны были социалистические идеи (в их анархистско-уравнительной форме) в то время.

щих отсюда отчуждения и пауперизации, социалистическая идеология ставила своей целью решить проблему преодоления отчуждения и ликвидации нищеты с помощью социально-экономических преобразований.

Вопрос ликвидации нищеты в каждом отдельном случае мог иметь различные решения, и не имеющие социалистического характера, причем несоциалистические варианты оказывались более реальными, чем социальные утопии.

Проблемами же отчуждения вне социализма занимались только религии. Однако чисто мистические способы их разрешения устойчивого эффекта не давали, а попытки соединить теологию с социально-политическими реформами приводили к различным вариантам религиозного социализма.

Социально-политические мероприятия, предлагавшиеся для ликвидации отчуждения и создания общества, в котором господствовало бы всеобщее братство, на протяжении более чем двух тысячелетий предлагались самые различные и были тесно связаны с уровнем развития общества, социальным положением теоретика-утописта и т. д. Многие из того, что предлагалось, выглядит сегодня абсурдным, но для современников этого писателя не выглядело ни абсурдным, ни революционным. И наоборот, то что сегодня выглядит тривиальным, в свое время казалось абсолютно невыполнимым.

Естественно, что ранние социалистические идеологии (фактически до XIX века) видели перед собой как идеал старое патриархальное общество и именно к этому идеалу и хотели вернуться. Поэтому, несмотря на позитивный моральный характер, их социально-политические схемы были реакционны.

Ограниченные материальные и организационные возможности общества того времени не позволяли согласовать интересы личности и общества иначе, как путем подавления личности. Только машинная революция, давшая громадное увеличение производительности труда и

новые организационные и технологические возможности, сделала возможным появление позитивной социалистической идеологии, прокламирующей сочетание интересов личности и общества не насильственными и не экономическими методами, а иными — индикативными, о которых речь пойдет далее.

Однако машинная революция, породив позитивную социалистическую идеологию, отнюдь еще не сделала возможным создание реальной позитивной социалистической структуры. Это способствовало тому, что при попытках реального построения верх брала идеология реакционного социализма, что и приводило (даже в сравнительно развитых странах) к образованию тоталитарных режимов. Тем более неудивительно, что в отсталых странах такие эксперименты не могут привести ни к чему другому, как к возникновению общегосударственного концлагеря типа диктатуры Пол Пота в Камбодже.

Сегодняшняя критика социализма прежде всего отталкивается от действительности существующих тоталитарных режимов. Эти уродливые образования критиковать не трудно, и, на наш взгляд, эта проблема, актуальная еще лет 15 назад, на сегодняшний день изжила себя*.

К сожалению, некоторые авторы на этом основании отметаю всю социалистическую идеологию в целом. Впрочем, и до возникновения так называемого реального социализма в критиках социалистической идеологии недостатка не было.

К чему же сводятся обвинения против социализма?

Социализм рассматривается как разрушительное учение, ставящее своей целью уничтожение семьи, религии, государства, нации, частной собственности, введение принудительного равенства и, как следствие этого, полное подчинение человека коллективу, то есть уничтожение личности.

* Напоминаем читателю, что работа эта написана в 1978 году.

Действительно ли теоретики социализма на всем протяжении человеческой истории обнаруживали такое удручающее единодушие?

Начнем с религии. Маркс, как известно, был атеистом. Атеистами были Оуэн, Бланки, Мелье и один из древних социалистов, Эвгемер. Напротив, в утопии Платона атеизм и богохульство приравнивалось к самым тяжелым преступлениям. В утопии Т. Мора, который сам был искренним католиком, царит свобода совести, однако атеисты презираются. «Город Солнца» Кампанеллы — теократическое государство. Социалисты эпохи просвещения и XIX века (Морелли, Бабеф, Кабе, Вейтлинг и т. д.) были пантеистами. Фурье и Сен-Симон пытались создать свои собственные религиозные системы, близкие к пантеизму. Почти все социалистические теоретики этого времени (в том числе и марксисты) провозглашали свободу совести.

Особо следует сказать о религиозном социализме. В конце прошлой, в начале нашей эры возникли религиозные секты ессеев, терапевтов, назареев и т. п., проповедовавшие всеобщее единство, в том числе и имущество. Отголоски социалистического сектантства есть и в Евангелии: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа и никто из них ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (см.: Деяния 4,32. 2,44. 4,34). В дальнейшем официальная церковь отказалась от подобных экспериментов, признав социальную действительность такой, какая она есть. Но еще в начале V века епископ Константинопольский Иоанн Златоуст вздыхал о временах раннего христианства: «тогда был вырван корень всех зол... деньги они отвергли, не было холодных слов «твое» и «мое».

Реликтом социалистических идеалов раннего христианства оставались только монастыри. (Впрочем, на берегах реки Парагвай в XVII веке иезуитами был проведен еще один социальный эксперимент — основано то-

талитарное теократическое государство, которое просуществовало около 150 лет.)

Однако рядом с официальным христианством всегда существовали социалистические секты (катары, альбигойцы, вальденсы, апостолики, анабаптисты), которые пронесли идеи социализма через все средневековье. Остатки таких сект дожили и до наших дней. В России социалистические идеи существовали среди староверов-беспоповцев, а также среди молокан и духоборов.

В XIX веке в Европе возникает христианский социализм, значительно окрепший и получивший признание официальной церкви в наше время (кроме того, существуют исламский, буддийский и т. п. социализмы).

Интересно отметить, что сам термин «социализм» был введен в обращение христианским социалистом Пьером Леру, христианский социалист Баадер ввел в новейшую литературу слово «пролетариат» и, наконец, христианский социалист Шерле ввел в оборот слово «коллективизм».

Таким образом, мы видим, что отношение социалистов к религии на протяжении всей истории этой идеологии ничем не отличалось от отношения к ней современной им интеллигенции и, следовательно, не является чем-то специфическим для социализма.

Попытки нацело перестроить социальные отношения неминуемо вводили в сферу рассмотрения социалистических теоретиков и семью. И в этом отношении мы не обнаруживаем среди них единой точки зрения. Те из социалистов, которые идеал общества видели в общинах, экономически не связанных друг с другом, обычно относились к существованию семьи отрицательно. Особенно это характерно для социалистических религиозных сект. Секты, настроенные крайне эсхатологически, предполагали полное безбрачие, другие склонялись к полигамии, растворяя семью в общине, внутри которой предполагалась полная свобода половых связей. Наоборот, те, кто считал, что общество не должно замыкать-

ся в общине, кто мыслил масштабами национальной или даже мировой общности, как правило, оставляли в своих проектах парную семью, а иногда и большую патриархальную. Именно такая семья существует в утопии Т. Мора, прелюбодеяние же в ней карается смертной казнью. Менее жестоко, но столь же последовательно преследует прелюбодеяние кодекс Морелли. У этих двух авторов, а также у Кабе, развод допускается в исключительных случаях.

Исключением из общего правила стояли системы Платона и Кампанеллы, в которых половые отношения с позиций рационализма, доведенного до абсурда, сводятся к племенному делу *, полностью контролируруемому государством.

Начиная с XIX века в социалистической теории брак все чаще рассматривается как равноправный союз мужчины и женщины, созданный по свободному выбору, свободный от утилитарных расчетов и подчиненный моральному контролю со стороны общества.

Пожалуй, единственным, что было общим для всех социалистических теоретиков (но не только для них), это роль, которая отводилась общественному образованию и воспитанию детей. Большинство авторов (за исключением Мора, Вераса, Кабе) настаивало на равноправии женщин.

Таким образом, мы видим, что и по вопросу семьи социалистическая теория не представляет собой ни чего-либо единообразного, ни чего-либо исключительного.

Такое же разнообразие мнений демонстрирует социализм и по отношению к национальности. Платон мыслил свою систему в масштабах полиса. Томас Мор говорил о нации утопийцев. Кампанелла был сторонником всемирного теократического государства.

Средневековые сектанты выступали против национального разделения, ссылаясь на Евангелие

---

* Некоторые русские крепостники практиковали нечто подобное, отнюдь не будучи социалистами.

(Кол. 3, 11). Идеи космополитизма («ни Россий, ни Латвий» — Маяковский), как и идеи мирового государства, в той или иной степени сохранились в социалистическом движении и позднее, но ни те, ни другие не являются монополией социалистических утопий.

На рубеже XIX века, как следствие лозунгов французской революции, в социализм проникает представление об интернационализме, идеи о содружестве идеологическом, а затем и экономическом, всех национальностей, населяющих земной шар.

Противники социализма очень часто приводят цитату из «Коммунистического манифеста» — «Рабочие не имеют отечества», доказывая тем самым антинациональный характер учения Маркса. Попробуем, однако, продолжить цитирование: «У них (рабочих) нельзя отнять того, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя, конечно, не в буржуазном смысле... В той же ступени, в какой будет упразднена эксплуатация одного индивидуума другим, будет упразднена и эксплуатация одной нации другой. Вместе с противоположностью классов внутри нации отомрут и враждебные отношения наций друг к другу».

Одновременно с появлением интернационализма в социализм проникают и шовинистические взгляды, оформившиеся в XX веке в идеологию национал-социализма, а после второй мировой войны ставшие достоянием слаборазвитых стран.

Идеологи национал-социализма, фашизма и некоторых других «измов» считают государство, принудительно регулирующее взаимоотношения между его гражданами, основой национальной (или территориальной) общности, а служение ему — высшей целью человека. Эту теорию исповедовал еще Платон, а вслед за ним и Кампанелла. К сторонникам принудительной верховной

власти, наделенной широкими полномочиями, следует, пожалуй, отнести Вераса, Морелли, Бабефа, Сен-Симона, Кабе.

Столь же древни представления о ненужности и даже вредности внешнего принуждения, они восходят еще к Зенону и циникам. Религиозный, сектантский социализм, как правило, противопоставлял власти земной, греховной — власть небесную, истинную. «Мы так должны понимать о Христе, господине нашем, что, кроме него, над нами господина не должно быть, и сами мы ни над кем не должны господствовать и властвовать», — учили сектанты.

Философы-рационалисты нового времени по-разному подходили к вопросу о государстве. Кроме выше-названных сторонников сильного государства, большую популярность в трудах социалистов завоевала идея демократической республики.

Одновременно с этим вновь возрождаются антигосударственные, анархические тенденции. Наконец, появляются идеи революционного государства как переходной формы к безгосударственному управлению (Бланки, Маркс), которое мыслилось у ранних социал-демократов (и у некоторых анархистов) как создание органов управления, указания которых выполняются добровольно.

Уже рассматривая вопрос о государстве, мы можем видеть, что отношение к личности не может быть чертой, объединяющей социалистические учения. Действительно, наряду с анархизмом, проповедовавшим полную независимость общины от государства и личности от общины сразу же после победы нового общественного строя (Годвин, Фурье, Бакунин, Прудон, Кропоткин), в социализме существовала тенденция ее полного подчинения, всепоглощающей ли иерархической государственности, или столь же всепоглощающему равенству общины. Впрочем, в конкретных условиях абсолютный анархизм зачастую оборачивался абсолютной

тоталитарностью*. Средневековые сектанты отказывались подчиняться земным властям, признавая только подчинение человека воле Бога. Но на практике это толковалось не как подчинение собственной Совести, а как подчинение религиозной общине или ее лидерам, которые и воплощали Божественную Волю. Вполне естественно, что если подчинение государству всегда мыслилось как относительное, то Божественная Воля претендовала на абсолютное подчинение.

С проблемой свободы тесно связана проблема равенства, ибо равенство, введенное принудительно, полностью отрицает свободу, а свобода при определенных социально-экономических ситуациях разрушает равенство. Далеко не все социалисты считали равенство необходимым условием их системы. Интересно, однако, отметить, что те из идеологов, которые игнорировали равенство, как правило, игнорировали и свободу (Платон, Кампанелла, Верас, идеологи современного тоталитаризма). Другие считали равенство необходимым условием социализма. Те, для кого было ясно, что при существующих условиях равенство и свобода несовместимы, — жертвовали свободой.

Однако к моменту образования Второго Интернационала в социализме победила тенденция считать равенство и свободу одинаково необходимыми для будущего строя, «при котором исчезнет всякого рода неравенство, за исключением неравенства природных качеств, которые получают все средства к развитию» (Лафарг). «Техническое руководство и воспитательное воздействие интеллигенции станет тогда единственной формой общественного устройства» (Лабриолла).

Почему это «тогда» до сих пор не превратилось в «теперь», разговор пойдет ниже. Сейчас же отметим, что ни отношение к равенству, ни отношение к свободе не может быть родовым признаком социализма.

---

* См.: «Сорель Жорж» в БСЭ (3-е изд.).

Может быть, вопрос о социализме целиком сводится к проблеме ликвидации частной собственности?

Но государственная собственность на средства производства восходит еще к ранним (первоначальным) государствам-деспотиям, а корпоративной собственностью владела как католическая, так и православная церковь — организации, бывшие гонителями социализма почти на всем протяжении своей истории. С другой стороны, далеко не все социалисты абсолютно отрицали частную собственность. В «Государстве» Платона собственности были лишены только члены правящих сословий — философы и воины *. Крестьяне же и ремесленники оставались собственниками. В общине Морелли в личной собственности оставались орудия ремесла. Сен-Симон не отрицал даже крупной земельной и промышленной собственности, считая, что под влиянием Нового Христианства промышленники добровольно станут подчиняться решениям планирующих органов и создадут координационную систему, задачей которой будет повышение благосостояния общества. Фашистская идеология следовала в этом смысле теории Сен-Симона, заменив Новое Христианство идеей национального единства. Фурье также сохранял частную собственность в виде акций, предполагая распределение по труду, способностям и капиталу, вложенному в фаланстер.

Обобществление собственности мыслилось также по-разному. Если одни (Морелли, Бабеф, Базар, Каутский, Ленин) говорили про общегосударственную собственность, то другие (Мелье, Годвин, Оуэн, Прудон, анархосиндикалисты, Шляпников, рабочая оппозиция и др.)

---

* Судя по литературе, никто из участников событий, в том числе и имевших классическое образование, не заметил, что нэп была попыткой реализации утопии Платона. Власть в государстве принадлежала «философам и воинам» (партийным идеологам, аппарату армии и ВЧК), которые были лишены собственности, те же, кто имел право на собственность, были лишены власти. Система оказалась нестабильной.

представляли ее как собственность общины или коллектива рабочих.

И все-таки, за всем разнообразием подхода к проблеме собственности уже начинает чувствоваться нечто такое, что может дать ответ на вопрос: что же, собственно, определяет ту или иную идеологию как социалистическую.

Действительно, социалистические учения, несмотря на все перечисленные разногласия, все-таки представляют различные варианты некоего общего социально-политического движения. И не только противники социализма в полемических целях объединяют столь несходные теории в одно целое — сами авторы этих теорий чувствовали свое родство, это родство можно определить по аппарату ссылок и цитаций, по заимствованиям и опровержениям, по канонизации предтеч и общей терминологии.

В чем же заключается это родство? Что же это общее, объединяющее столь разные теории, позволяющие отнести их к различным направлениям одной идеологии?

Если остановиться на чисто формальной стороне вопроса, общее — это отрицательное отношение к торговле и товарно-денежным отношениям.

«Все, что называется торговлей, недостойно честного человека» (Платон). «Ессеи друг другу ничего не продают и друг у друга ничего не покупают» (Флавий). Среди средневековых сектантов-социалистов был очень популярен образ Христа, изгоняющего торговцев из Храма. Следует отметить, что эти сектанты — противники церковной организации — под храмом понимали всю общину верующих. «Каждый обращает свою любовь на деньги, а из этого произошли мошенничества и люди часто продают и перепродают свою веру... подчинили корысти науку и религию, забросили земледелие и ремесла, став рабами денег и богачей» (Кам-

панелла). В проекте Морелли торговля карается как тяжкое преступление.

Фурье пришел к выводу о переустройстве общества, исходя из анализа торговли и конкуренции. Оуэн выдвинул идею меновых базаров, долженствующих заменить собой товарно-денежные отношения.

Марксизм, переносивший центр тяжести из сферы обращения в сферу производства, тем не менее утверждал, что ликвидация частной собственности есть только средство для ликвидации товарного хозяйства.

В программе ВКП(б), принятой на VIII съезде (1919 г.), говорится: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным организацией в общегосударственных масштабах распределением продуктов...»

Мы могли бы привести большое количество цитат, взятых у противников социализма, говорящих о великом значении торговли и конкуренции в деле развития человечества. При этом по многим другим вопросам, касающимся роли государства, политического устройства общества, образования, религии, национализма и космополитизма они не расходятся с социалистами — в трудах апологетов торговли можно найти весь тот спектр представлений, который мы находим и у теоретиков социализма. И только отношение к товарному хозяйству проводит грань между этими представлениями*.

Чем же объяснить, что несмотря на очевидные положительные стороны торговли, всю человеческую историю пронизывает идеология, враждебная ей? Идеология, имеющая своих героев и мучеников, идеология, вербовавшая своих приверженцев среди философов и священников, государственных деятелей и недоучивших-

---

* Поскольку евреи занимали особое место в европейской торговле, антисемитские взгляды довольно характерны для идеологов социализма (см. с. 22).

ся студентов, родовитых дворян, богатых купцов и бедных простолюдинов?

Эта идеология существует и проявляется в самых разных социальных условиях развития производительных сил, в различных социально-экономических системах. Следовательно, корни этой идеологии не социально-экономические, а социально-психологические.

До возникновения товарно-денежных отношений (или там, где люди не были затронуты этими отношениями) человек всегда выступал как представитель некой общности: общины, религиозной конгрегации или нации. Свое поведение он должен был согласовывать с интересами этой группы. Король должен был пещись об интересах подданных, сеньор об интересах вассалов. Общество, государство представлялось современникам в виде тела, каждый член которого выполняет функции, нужные всему организму. За каждый член, за каждую клеточку болел весь организм.

Безусловно, далеко не все следовали этой морали. Но мораль-то существовала, и все беды мира, все человеческие неурядицы списывались на нарушителей этой морали.

Непосредственная связанность, личные отношения приводили к тому, что общество видело в человеке личность во всем многообразии ее проявлений. Выгнать из дома состарившегося раба, заболевшего слугу считалось аморальным. Господа пеклись (или должны были пещись) о душах своих подданных, об их семьях — баре женили своих мужиков, король устраивал браки своих вассалов.

На это признание человека личностью шло извне и сводилось к тому, чтобы вогнать реального человека в некую абстрактную идеальную схему, единую для данной социальной группы.

Сам же он себя личностью не считал и не имел на это ни морального, ни юридического права — он был винтиком сложной социальной машины, клеточкой об-

щественного организма. Поступки, чаяния, желания диктовались человеку его местом в обществе. Признание человека личностью не предполагало, а исключало его право на индивидуальность.

Появление товарно-денежных отношений коренным образом изменило положение, деньги де-юре и де-факто порождали новую мораль. Эта мораль предполагала, что каждый должен сам заботиться о себе и что из суммы эгоцентрических устремлений рождается благо общества в целом (см., например, Бентам).

Деньги стали барьером, разделившим людей, изменили отношения — «человек — человек» (будь то отношения господства, подчинения или взаимопомощи) на новый тип — «Человек — деньги — человек».

Что бы ни представлял собой человек, его особенности теряют свое значение в товарно-денежных отношениях, которые уравнивают несходных людей, как и несходные товары.

Но потеряв свое социальное значение, перестав быть угрозой социальной стабильности, особенное, индивидуальное освободилось от внешнего давления и получило наконец право на существование и развитие.

Товарно-денежные отношения стали той скорлупой, под защитой которой сформировался невиданный ранее птенец — личность, осознающая себя, индивидуальность*. В новых условиях человек осознал свои индивидуальные интересы (не только материальные, но и духовные), научился противопоставлять их интересам социума и бороться за них.

Немало было написано о генезисе индивидуализма, начавшемся в эпоху Возрождения, окончательно утвердившим себя с наступлением индустриального общества, поэтому мы не будем подробно останавливаться

---

* Эту роль денег как социального барьера осознали уже эссеи, предписывавшие членам своей общины не брать у отступников, изгнанных из нее, ничего иначе, как за деньги, внутри же общины денежные расчеты исключались.

на этом вопросе. Отметим обратную сторону медали — для сформировавшегося птенца скорлупа становится помехой.

Став личностью для себя, человек перестал быть личностью для общества. Для продавца покупатель — это тот, кто владеет определенной суммой денег, его личные привычки и привязанности, национальность, раса, вероисповедание, политические убеждения, возраст — все это не имеет значения, продавца интересует одно — платежеспособность. Для предпринимателя рабочий — только производитель прибавочной стоимости, для рабочего хозяин — только работодатель.

Человек, чувствуя себя как личность, тяготился путями, мешавшими ее развитию. Человек, став личностью, осознал необходимость социальных связей, ибо личность может существовать только как элемент сложной социальной системы. Отвергнув пути, человек возжаждал коммуникаций. Отвергнув опеку со стороны общества, он захотел заботы. Отчуждение от социума, сделавшее возможным возникновение индивидуальности, стало осознаваться как ущербность, мешающая ее дальнейшему развитию.

Реакцией на это отчуждение и явился социализм.

Проповедь религии или атеизма, национальной или космополитической общности, полного равенства или изоцированной иерархии, полной свободы или самодовлеющей власти, проповедь гедонизма или аскетизма, полной половой свободы или укрепление семейной морали, проповедь превращения всей собственности в государственную, кооперативную или ее уравнивательный раздел, проповедь мирной агитации или кровавого террора — все это не более, чем поиски средств для достижения одной цели — спасения личности от пустоты отчуждения, достижения гармонии индивидуального и общего.

Возникновение товарно-денежных отношений имело не только социально-психологический эффект, оно (особенно на ранней стадии) приводило к резкому обостре-

нию социальных противоречий, пауперизации и обнищанию значительных слоев населения, причем было очевидно, что нищета одних является следствием безумной погони за богатством других.

Товарно-денежные отношения приводили к яростной конкурентной борьбе, при отсутствии в то время всяких социальных гарантий для проигравших. Эти отношения противопоставляли буквально каждого каждому. Продавцы и покупатели, рабочие и работодатели конкурировали друг с другом и между собой.

Глобально перепахивая сложившуюся ранее социальную структуру, товарно-денежные отношения при своем становлении порождали массу деклассированных, особенно остро чувствующих все последствия подобной конкуренции. К этой категории относятся все, кто, потеряв свой старый социальный статус, не приобрел нового (солдаты, безработные, бродяги и т. п.) или не успел освоиться с новым социальным статусом (разорившиеся крестьяне, ремесленники, ставшие рабочими).

Всякий раз, когда в силу социальных сдвигов в обществе появлялось большое количество подобного элемента, мы видим рост социалистических настроений и массовых движений под социалистическими знаменами. Известно, что социалистические движения сопровождали всю Реформацию, совпавшую с наступлением торгово-мануфактурного капитализма, они же активизировались в начале XIX века в связи с первой промышленной революцией. Массовая безработица после первой мировой войны в Италии и Германии явилась одной из важнейших причин победы национал-социализма*.

С другой стороны, в среде интеллигенции сострадание к народным массам и протест против новой морали, порождавшей межличностное отчуждение, приводили к поискам такой социальной структуры, которая устраня-

---

* Известно, что в канун победы тоталитаризма в этих странах симпатии населения примерно поровну делились между наиболее радикальными партиями: фашистами и коммунистами.

ла бы товарно-денежные отношения, а вместе с ними и социальный хаос.

Не понимая всей сложности взаимосвязи между экономической структурой общества и его социальной структурой, они зачастую искали выход в возвращении к патриархальному обществу.

Только в середине XIX века К. Маркс сформулировал положение, согласно которому возможность и стабильность существования той или иной социальной культуры определяется достигнутым уровнем и характером производительных сил. Говоря современным языком, способ управления обществом определяется уровнем, которого достигла его технология.

Первобытное общество охотников и собирателей управлялось традициями, создававшимися методом проб и ошибок на всем протяжении образования вида homo sapiens. При стабильности условий, простоте общественной жизни и высокой степени внушаемости первобытного человека этот способ управления был вполне достаточным. Его особенностью было то, что социальные требования не воспринимались индивидуумом как нечто внешнее. В этом обществе не существовало и социальных противоречий между его членами. В силу этих особенностей первобытное общество впоследствии часто идеализировалось и представлялось как идеал, к которому следует вернуться. Но, вопреки мечтаниям Руссо, первобытный человек вовсе не был свободным, вовсе не мог выбирать способа поведения, жестко детерминированного внушенной ему традицией, гораздо более жесткой, чем палка рабовладельца. Это было внутреннее рабство, от которого не был свободен ни один член общества *.

Переход к земледелию и скотоводству (аграрная революция) привел к усложнению социальной структу-

---

* Не случайно идеализаторы первобытного общества столь же безответственно зачастую ставили в пример человечеству пчел или муравьев.

ры, изменению объекта управления. Возросшая производительность труда создала возможность получения прибавочного продукта, за счет которого мог содержаться аппарат управления, идеологии и принуждения. За счет этого прибавочного продукта, сконцентрированного в руках правящих сословий, осуществлялись меры, обеспечившие дальнейшее развитие цивилизации (сложное техническое строительство, искусство, теология, философия, наука).

Традиционных методов внушения для управления таким обществом было явно недостаточно, к тому же темп изменения традиций не мог угнаться за темпом социальных изменений.

С другой стороны, поскольку сельское хозяйство было в основном натуральным, товарно-денежные отношения не могли быть использованы для изъятия прибавочного продукта. Поэтому единственно возможным методом управления на этом этапе стал метод внеэкономического принуждения*. Несмотря на господство внеэкономического принуждения, индивидуум в аграрном обществе был более свободен, чем в традиционном, ибо принуждение носило внешний характер, и его в ряде случаев можно было обойти.

Разделение труда и рост товарно-денежных отношений, окончательно восторжествовавших с развитием промышленности и возникновением массового городского населения, привели к появлению нового способа управления — экономической детерминации. Несмотря на все его недостатки, о которых говорили социалисты, товарное хозяйство явилось оптимальным методом развития производительных сил, созданных первой промышленной революцией, оптимальным регулятором и организатором промышленной экономики. На базе то-

---

* Как исключение в некоторых изолированных областях земледельческое общество не переросло традиционного способа управления. Результатом этого явилось, однако, не идеальное общество, а стагнация и неспособность к дальнейшему развитию.

варного хозяйства был достигнут высокий жизненный уровень во всех промышленно развитых странах. Отказ от внеэкономического принуждения позволили осуществить демократические свободы (права человека) и социальные гарантии.

Но проблема отчуждения не могла быть решена на базе товарного хозяйства. Конкурентное противопоставление человека человеку, хотя в несколько смягченном виде, продолжает оставаться социальной и нравственной нормой общества и в значительной мере его движущим стимулом.

Для отказа от внеэкономического принуждения была необходима промышленная революция и создание современной индустрии, как будет показано дальше, отказ от экономического принуждения и товарно-денежных отношений станет возможным в результате второй промышленной революции и потребует решения целого комплекса социальных и технических проблем.

Без этой новой материальной базы переход к новому способу управления и организации, а тем самым и вопрос о социализме теряет всякий смысл.

Тем не менее попытки построить социализм начались почти одновременно с появлением социалистических идей.

В 132 году до нашей эры в Пергаме произошло восстание Аристоника, в ходе которого восставшие пытались реализовать программу Ямбула, изложенную им в утопическом романе «Город Солнца».

Создатели подобных программ, стремясь к ликвидации товарно-денежных отношений, подходили к этому вопросу с разных позиций.

Если в одних случаях будущее мыслилось как переход к более прогрессивным способам управления, то в других — отказ от товарных отношений означал возврат к более реакционным формам. Эти противоречия на всем протяжении развития социалистических идей прослеживаются не только между различными социали-

стическими конструкциями, но и внутри любой конструкции, созданной одним автором.

Наряду с гениальными прозрениями социалистическая теория содержала в себе достаточно реакционных идей. Эти реакционные черты объясняются прежде всего тем, что из двух задач социализма — ликвидация нищеты и ликвидация отчуждения, наиболее остро стояла первая задача. Осознавая ограниченные возможности современного им общества, ранние социалисты видели выход в ограничении потребления (аскетизм), принудительном нормировании, однообразии одежды, жилья и т. п. Для достижения этих целей мыслилось жестокое подчинение личности обществу.

Даже самые ранние социалисты предчувствовали индикативный способ управления, однако существующие условия делали маловероятным полное его торжество, так как указанные ограничения требовали от человека слишком больших жертв.

Принцип же материальной заинтересованности по понятным причинам считался неприемлемым. Отсюда та роль внеэкономического принуждения, которой отдавали дань авторы различных утопий.

Характерен в этом отношении способ, которым Томас Мор предлагает решить проблему «грязной» работы: эти функции в его «Утопии» выполняла секта альтруистов, посвятивших себя служению людям, но поскольку таковых могло оказаться недостаточно, предполагалось и существование рабов, выполнявших «грязную» работу из-под палки.

Да и само индикативное управление мыслилось скорее как внушение, чем как убеждение. А поскольку (и это было известно давно) эффективность внушения резко падает при наличии разномыслия, в истории социализма прослеживается тенденция к ограничению интеллектуальной свободы, догматизации принципов, на которых основана данная утопия, и к изоляции утопий-

цев от «нечистого» («буржуазного», как сказали бы теперь) окружения.

Противоречия между реакционным и позитивным социализмом впервые были осознаны в начале XIX века и сформулированы К. Марксом и его последователями. Для характеристики идеологии реакционного социализма Маркс ввел даже термин — «казарменный коммунизм». В полемике с русскими бланкистами Г. В. Плеханов предостерегал, указывая, что при неразвитых формах товарного производства его ликвидация может привести к тому, что захватившая власть партия «начнет искать спасения в идеалах патриархального и авторитарного коммунизма, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников производством будет заведовать социалистическая каста. Но русский народ и теперь уже слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждой на счастливый исход таких опытов над ним» («Социализм и политическая борьба»).

Подобным оптимизмом и объясняется тот факт, что в социалистической теории XIX века противоречию между двумя тенденциями социализма было уделено слишком мало внимания.

Между тем, в периоды серьезных социальных потрясений на политическую арену выходили и начинали играть наиболее активную роль те деклассированные слои, о которых говорилось ранее. Именно они наиболее легко усваивали реакционные элементы социалистических идеологий, результатом чего и явилось возникновение в XX веке различных форм тоталитарных режимов. На связь бюрократических идеалов с идеалами реакционного социализма указывал еще М. Е. Салтыков-Щедрин: «Мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливливания была возведена в довольно сложную и не изъятую идеологических ухищрений административную теорию» («История одного года»).

Следует оговориться, что хотя идеология реакционного социализма явилась одним из факторов, способствовавших возникновению тоталитаризма, последний отнюдь не есть какая-либо форма социализма (даже и реакционного), ибо целью тоталитарных режимов является удержание классовой позиции бюрократии (привилегированной прослойки), а совсем не ликвидация отчуждения, которое при тоталитаризме становится еще более острым. Придя к власти с помощью социалистической демагогии (а также демагогии, связанной с острыми национальными проблемами), тоталитарная верхушка очень быстро отказывается от всяких попыток построения социализма, ограничившись превращением частной собственности в кооперативную (или государственную), что, как указывал еще Ф. Энгельс, еще ничего не решает *. В работе «Анти-Дюринг» Энгельс писал, что признание общественной природы современных производительных сил заключается отнюдь не только в их огосударствовании, что является лишь формальным средством, а в том, что осуществится «с одной стороны, прямое общественное присвоение продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямое индивидуальное присвоение их в качестве средства к жизни и наслаждению». (Энгельс никогда не ставил знака равенства между понятиями «общество» и «государство» — «эта сила, произошедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». — «Происхождение семьи, частной собственности и государства».) Поэтому попытки отвергнуть социализм, опираясь на критику тоталитаризма, совершенно несостоятельны.

---

* Разрушив или ограничив товарно-денежные отношения, тоталитаризм отнюдь не переходит к более совершенным, а наоборот, при нем роль внеэкономического принуждения резко возрастает, что и дает основание расценивать тоталитарные перевороты как реакционные.

Несмотря на то, что в социалистических теориях была и реакционная сторона, несмотря на ошибки теоретиков социализма, в их трудах было немало догадок, открытий и озарений, ставших в настоящее время достоянием человечества.

Морально-этический идеал социализма — идеал всеобщего братства — оказал огромное влияние на историю человечества и в первую очередь на историю Европы.

Известно, какое глобальное значение для европейской истории имело христианство. А между тем социалистическая сущность раннего христианства не подлежит сомнению. Социалистические секты средневековья явились важнейшей идеологической предпосылкой реформации (роль протестантизма в Нидерландской, Английской революциях и в формировании политических принципов США хорошо известны). Известно влияние на идеологов французской революции теорий Мора, Кампанеллы, Мелье.

У колыбели современных западных профсоюзов стояли социалист Оуэн и чартистское движение, имевшее социалистический характер. Наряду с профсоюзами современное лицо индустриального мира определила социал-демократическая идеология.

Но добившись значительных успехов в деле гуманизации товарно-денежных отношений, ни либеральные буржуазные политики, ни социал-демократия не ставили своей целью преодоление товарно-денежных отношений и связанного с ним отчуждения, в результате чего термин «социализм» в их интерпретации утратил свой содержательный характер. Относительное материальное благополучие современного Запада создавало впечатление, что задача построения общества всеобщего благоденствия фактически решена и без построения социализма.

Однако события 68-го года во Франции, деятельность «красных бригад» и тому подобных организаций в Ита-

лии, Западной Германии и Японии показывают, что до всеобщего благоденствия еще очень далеко*.

Наличие большого количества озлобленных аутсайдеров, неизбежное при товарно-денежных отношениях, неравномерность мирового экономического развития, интриги тоталитарных режимов — вот те факторы, которые при всеобщем отчуждении в любой момент могут вызвать серьезные социальные потрясения, вдохновляемые идеологией реакционного социализма. Любые антисоциалистические теории оказываются бессильны перед нею, и как показывает опыт истории, зачастую сами превращаются в одну из разновидностей реакционного социализма и приводят к установлению тоталитарных режимов.

Единственной возможностью противодействовать реакционному социализму является позитивный социализм.

Со времени Маркса считалось, что главной движущей силой социализма является рабочий класс. Однако история показала, что чем более зрелым становится рабочий класс, тем более тред-юнионистски он настроен**. В этом смысле Маркузе совершенно прав, говоря, что современный рабочий класс интегрирован индустриальным обществом. Забастовочное движение ставит своей задачей лучшие условия продажи его рабочей силы, а не отмену системы купли-продажи. Кроме того, удельный вес рабочих в развитых странах неизменно падает, соответственно падает и роль рабочего класса в производстве.

Ведущей силой современной индустрии становится

---

* Реакционный характер идеологии этих организаций проявляется не только в избранных ими методах борьбы, но и в ориентации на деклассированные элементы в собственных странах и на авторитарно-патриархальные идеалы «третьего мира».

** Не случайна слабость компартий во всех развитых капитальных странах, кроме Италии и Франции, где популярность коммунистов обусловлена их заслугами в годы Соппротивления. Именно эти компартии первыми повернули к «еврокоммунизму».

фигура инженера. Современная индустрия требует огромного количества лабораторий и НИИ, создающих для нее технологию, а также большого количества преподавателей, готовящих для нее кадры. Кроме того, материальное богатство общества, усложнение общественной жизни и потребностей современного человека приводят к тому, что потребление знаний (информации) становится одним из серьезнейших аспектов человеческой жизни, что вовлекает в сферу их производства (помимо производства знаний для индустрии) значительные контингенты людей. Даже индустрия развлечений (туризм, спортивные страсти и т. п.) фактически сводится к производству и передаче новых знаний.

Экстраполируя эти тенденции на будущее, можно утверждать, что именно производство знаний станет важнейшей отраслью человеческой деятельности, а интеллигенция станет основной силой общества. Очевидно, что оптимальное регулирование производства информации должно носить иной характер, нежели регулирование промышленного производства. В отличие от прочих продуктов человеческой деятельности информация не распределяется, а распространяется (так как она не уничтожается в процессе потребления, а стоимость процесса ее размножения и материальных носителей может быть сколь угодно мала по сравнению со стоимостью и значимостью самой информации).

Информация есть первый продукт, который может распределяться и уже частично распределяется по потребности. Сеть школ, курсов, библиотек, лекториев, музеев — все это примеры нетоварного распространения информации. В отличие, скажем, от станка, который система товарно-денежных отношений (в идеале, конечно) заставляет использовать там, где он дает наибольшую прибыль, одна и та же информация может быть использована для совершенно различных целей и в разных местах.

Поэтому всякая монополия на знания экономически

нецелесообразна, вредна, а следовательно, и антигуманна. Неспособность иначе стимулировать производство технологической информации, как превращая ее в собственность производителя, серьезный экономический аргумент против тезиса о вечной и безусловной эффективности товарного хозяйства.

Поскольку получение информации труд творческий, постольку сам процесс труда и удовлетворение любознательности могут служить достаточно эффективными стимулами сами по себе. Кроме того, стимулом деятельности могут служить такие виды поощрения, как популярность, уважение, престиж. Можно привести такую аналогию: человек, нашедший самородок, стремится похвастать своей находкой, при этом самородок остается у него. Человек, сделавший открытие, демонстрируя его, тем самым передает его другим. Ему достается престиж, а общество получает открытие.

Может возникнуть вопрос: а промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг и т. п. — как будет обстоять дело там? На это можно ответить следующее: сельское хозяйство на определенном этапе носило натуральный характер, промышленность, подчиненная товарно-денежным отношениям, как только она стала основной сферой деятельности людей, подчинила этим же отношениям и сельское хозяйство (соответственно преобразовав его техническую базу и резко уменьшив количество занятых в нем людей), несмотря на то, что сельскохозяйственная продукция до сих пор остается основой существования человечества. Экстраполируя эту закономерность на будущее, можно предположить, что производство знаний, став основной сферой, подчинит своим законам и другие виды человеческой деятельности.

Таким образом, вторая научно-техническая революция делает возможным переход к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Отказ от экономического способа управления по-

ведением человека, а следовательно и от товарно-денежных отношений, означает, что на смену ему приходит новый способ регулирования — индикативный, при котором согласование деятельности достигается не путем внеэкономического или экономического принуждения, а путем добровольного следования совету или доказательству. Простейшим примером такого способа управления являются взаимоотношения врача и пациента.

Поскольку индикативный способ управления не предусматривает никаких санкций, он открывает широкий простор самоуправлению низовых коллективов и наиболее полную свободу человеческой личности.

Однако и при победе нового способа управления старый способ не исчезает совсем, а отодвигается на второй план. Так, господство экономического способа управления отнюдь не ликвидировало внеэкономического принуждения, оставив ему довольно широкую область уголовного права. Вполне вероятно, что при индикативном способе управления экономический способ будет играть определенную роль, особенно на первом этапе*.

Рассматривая экономику будущего социалистического общества, выделим две проблемы: проблему собственности и проблему плана.

Поскольку на пути к социалистическому обществу экономика будет лишь постепенно выходить из-под влияния товарно-денежных отношений, ликвидация частной собственности будет проходить тоже постепенно и неравномерно в разных секторах. Вопрос о национализации является вопросом не принципа, а экономической целесообразности. Единственно принципиальным вопросом является реальное участие трудящихся в управлении производством.

Постепенный переход к самоуправлению, возможный

---

* Победа внеэкономического принуждения также не ликвидировала внушения (традиции), но отодвинула его на второй план.

прежде всего там, где «производство» направлено на получение информации (НИИ, вузы, музеи, библиотеки и т. п.), и явится средством ликвидации отчуждения, на первых порах внутри данного предприятия.

Что касается планирования, то необходимость его ни у кого сейчас не вызывает сомнения. С самого начала строительства социализма планирующие организации должны определять развитие тех отраслей, которые непосредственно касаются общественных потребностей (здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, связи, дорожного строительства и т. п.). Производство товаров потребления еще долгое время будет оставаться в сфере товарно-денежных отношений, ввиду практической невозможности планировать их производство и необходимости конкуренции для стимуляции выпуска качественной продукции.

В этой области возможно только прогнозирование, если, конечно, общество ставит своей задачей не подгонять потребности людей под результаты жесткого плана (что возможно только в условиях жесткой государственной монополии), а, наоборот, формировать свои планы, выполняя запросы общества*.

Достоверное прогнозирование может быть осуществлено только при условии развитой кибернетизации.

Разумеется, что результаты прогнозирования должны использоваться в интересах общества, а не для достижения максимальной прибыли отдельными фирмами и предприятиями, и руководство прогнозирующими институтами должно осуществлять общество. На основании этих прогнозов могут быть выданы и рекомендации.

Поскольку выполнение рекомендаций планирующих органов (при условии их компетенции) будет обеспечивать и успех предприятия, никаких других форм воз-

---

* Социализм детерминирует производство с учетом потребностей людей. Тоталитаризм детерминирует потребление, исходя из интересов государства, в свою очередь, ориентированных на интересы правящей бюрократии.

действия не потребуется и планирование в индикативном варианте постепенно подчинит себе все производство.

Условиями осуществления индикативного управления являются:

1. Низкий уровень социальных противоречий, обеспеченный высоким уровнем развития техники и культуры. Для иллюстрации того, как уровень техники влияет на способ управления, приведем такой пример: сравним деятельность кочегара газовой котельной и кочегара примитивной угольной топки; распоряжение поднять давление пара будет воспринято ими по-разному, первому достаточно повернуть задатчик на регулирующем приборе, от второго потребуется значительное физическое напряжение. Естественно, что во втором случае необходимо, чтобы указание было подкреплено возможностью экономических или внеэкономических санкций.

При низком уровне противоречий личность будет способна к определенному самоограничению (если ей будет доказано, что это действительно интересы общества). С другой стороны, общество должно быть достаточно стабильно, чтобы частное своеволие не создавало серьезной угрозы его интересам. При таком положении дел многие болезненные вопросы сами собой отпадут: в условиях плохой звукоизоляции современных домов вопрос шума у соседей может быть решен только полицейскими методами или значительным самоограничением; при хорошей звукоизоляции необходимость самоограничения резко снижается и полицейских мер не требуется.

2. Высокая компетентность и объективность советов*.

Компетентность во многом связана с развитием ки-

---

* Такое название рекомендательному, индикативному органу мы дали, исходя из исторической аналогии. Вспомним, что органы внеэкономического принуждения на Руси именовались приказами, вспомним «Тайный Приказ».

бернетики, позволяющей просчитать многие экономические процессы, а также с развитием наук о человеке — психологии, социологии и др.

Что касается объективности, то ее гарантирует только широкая система демократического контроля, подлинная выборность, независимая пресса и опять-таки высокий культурный уровень населения.

Эти же факторы обеспечат субъективную уверенность членов общества в правильности и обоснованности даваемых рекомендаций.

По мере перехода к индикативным методам управления будет понижаться роль не только экономических факторов (они отойдут на второй план), но и роль непосредственного принуждения, а следовательно, и его механизма — государства. Власть, основанная на принудительных санкциях, уступит свое место авторитету, основанному на компетентности и нравственном достоинстве. (Отождествление общества и государства является идеологическим пережитком не капиталистических отношений, а гораздо более примитивных «азиатских», по терминологии К. Маркса.)

Таким образом мы видим, что непосредственную возможность перехода к социализму имеют страны с высоким уровнем развития техники и культуры и низким уровнем социальных противоречий. Им остается пройти лишь завершающую часть пути к социализму.

Отчуждение нельзя ликвидировать каким-нибудь декретом. Его вообще нельзя ликвидировать извне. Можно лишь создать условия, при которых отчуждение не будет навязываться внешней средой. К сожалению, такие страны составляют меньшую часть человечества. Громадное большинство людей живет в странах отсталых либо в политическом, либо в экономическом, либо и в том и в другом отношениях. (Само по себе разумеется, что все тоталитарные режимы относятся нами к категории отсталых — сколь бы ни была высока их технологическая база.)

Этим странам предстоит еще пройти тот отрезок общего пути к социализму, который в передовых странах уже пройден и который с большим основанием можно связать с деятельностью независимых профсоюзов и социал-демократии.

Рабочее движение, не сумев преодолеть систему товарно-денежных отношений, тем не менее достаточно реформировало ее и создало общество, способное перейти к социализму.

Перед социал-демократическим движением отсталых и тоталитарных стран эта задача сейчас и стоит.

Им предстоит добиться осуществления политических свобод и прав человека, поставить прессу на службу обществу, а не правящим классам, организовать мощное независимое профсоюзное движение и сделать идеологию...

*«Российские ведомости»,
1988, № 11.
П. СИДОРОВ*

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Прочитав в самиздате статью Ронкина, Хахаева «Прошлое и будущее социализма», чувствуешь себя палеонтологом, который долгое время кость за костью находил чьи-то окаменелые части, пытался сообразить, какому именно ящеру они принадлежали, и вдруг встретил животное живьем.

Действительно, простому уму трудно сообразить, почему столь различные направления политической мысли и деятельности называются социалистическими. Соответственно не понять, что такое социализм. Исторические экскурсы Ронкина и Хахаева четко выделяют видовой признак — стремление к ликвидации товарно-денежных отношений. Авторы почему-то считают, что

лучший способ избавиться от товарно-денежных отношений — развивать их и совершенствовать. Это парадокс. Реально, в обозримом промежутке человеческой истории товарно-денежные отношения отсутствуют в таких структурах, как: армия, монастырь, тюрьма, а также в закрытых учебных заведениях и некоторых религиозных обществах; кроме того — в моменты и периоды бедствий, когда нет ни денег, ни товаров.

Все эти структуры находятся в товарно-денежных отношениях с внешним миром; соответственно, чтобы отменить эти отношения, необходимо такую структуру распространить повсеместно. Кроме того, внутри этих структур все равно возникают неформальные товарно-денежные отношения. Человеческая природа берет свое.

При наличии разделения труда и отсутствии тотального поголовного бескорыстия никакие индикативные и тому подобные социализмы невозможны по определению — только административно-приказные.

И чем больше в какой-либо социалистической теории или практике допускается товарно-денежных отношений, тем дальше она от социалистического идеала.

В настоящий момент для каждого гражданина нашей страны вопрос об уяснении смысла слова «социализм» весьма актуален, поскольку лидеры государства и правящей партии говорят и пишут, что смысл устанавливаемой демократии заключается в том, что «в рамках социализма» будет можно все, а вне этих рамок ничего. При этом нет никакого разъяснения, указа или совета свыше о том, что такое социализм. Очевидно, это понятие должно заново сложиться в ходе перестройки при активном участии всего народа.

Если исходить из статьи Ронкина, Хахаева и из вышеизложенного, социализм — это отмена товарно-денежных отношений, а такая отмена достижима или административно-приказным путем, или с помощью всеобщего нравственного совершенствования. Лидеры

нашего государства говорят об отказе от администрирования и об совершенствовании товарно-денежных отношений при одновременном сохранении и усилении социализма. Означает ли это призыв ко всеобщему нравственному совершенствованию и бескорыстию? Значит ли это, что совершить любой порядочный поступок можно, а непорядочный — нельзя?

Если общество, пройдя круг извращений и социальных экспериментов, возвращается к «банальной» добродетели, это можно только приветствовать, и совершенно неважно, как все это будет называться, хотя бы даже и социализмом.

Ниже мы предлагаем читателю отрывок из статьи известного критика социализма Доры Штурман «Спор о социализме», где она высказывает несколько иное мнение по вопросу о производстве и потреблении информации.

...современная демократия представляет собой не что иное, как свободу производства, продажи, приобретения, распространения и потребления информации разного рода, производимой в качестве товарной продукции. Демократия переносит в сферу производства и потребления информации законы конкурентного товарного рынка.

*«Слово Урала»,
1988, № 3
М. БОРИСОВ*

ЧТО ДЕЛАТЬ

Причина экономического кризиса, существующего в настоящее время в нашей стране, как и любого экономического кризиса, в несоответствии производительных

сил производственным отношениям. Административно-командная система руководства экономикой исчерпала свои резервы и сильно сдерживает дальнейшее развитие экономики.

Встала задача перехода к административной независимости предприятий и полному хозрасчету. Кризис заставил партию пойти на перестройку экономики. Хотя принят ряд законов и постановлений, перестройка в экономике фактически пробуксовывает и не может сдвинуться с места.

Крупным шагом в понимании механизма торможения были статьи Нуйкина («Новый мир», 1988, № 1) и Андреева («Урал», 1988, № 1), где было показано наличие у нас в стране класса бюрократов, находящегося в антагонистических отношениях с остальным народом.

В первый момент после опубликования этих статей возникло ощущение, что надо отстранить бюрократов от рычагов власти над экономикой и перестройка пойдет. К этому моменту был принят закон о государственном предприятии, который в принципе позволял это сделать. Но почему-то и этот закон не стал работать. Рабочие не торопятся воспользоваться этим законом, не стремятся выбирать руководителей и составлять сами себе планы.

Частично в этом виновата запуганность народа, который много раз испытал на своей шкуре опасность проявления любой инициативы. Но это не основная причина.

Многие интуитивно или сознательно понимают, что если коллектив выдвинет руководителей и план, которые не встретят поддержки высокого начальства, то в условиях существования дефицита и фондового распределения его такому коллективу несдобровать. Те рубли, которые они попытаются использовать для закупки сырья и обновления оборудования, окажутся просто бумажками. И этот коллектив неизбежно попадает в рабство существующей бюрократической системе.

Необходимым условием перехода к административной

независимости предприятий является отсутствие дефицита. Предложение должно либо превышать, либо быть уравновешено со спросом. Это возможно только в условиях существования рыночных цен и рынка как такового, которые дают возможность уравновесить спрос и предложение.

Вторая крупная причина торможения перестройки — существование дополнительной пирамиды партийной власти. На любом предприятии руководящие должности занимают члены партии. В свою очередь, член КПСС согласно уставу обязан выполнять все решения партии и, следовательно, вынужден реально подчиняться партаппарату. Даже в условиях выборности руководителей партия за счет голосов первичных парторганизаций предоставит своим кандидатам весьма существенную фору по сравнению с кандидатом беспартийным. Для того чтобы партия не могла напрямую вмешиваться в экономику, нужно либо уничтожить монопольность КПСС и предоставить ей одинаковые права с другими партиями, либо КПСС должна предоставить возможность каждому члену партии поступать согласно собственным убеждениям, то есть она должна пересмотреть устав и отказаться от ленинского принципа демократического централизма. Маловероятно, чтобы КПСС отказалась от демократического централизма, поэтому существует объективная необходимость создания других партий.

Пока мы не перейдем на рыночные цены и не создадим многопартийное государство, экономический кризис будет только обостряться и приводить к снижению уровня жизни населения. Что же конкретно нужно сделать?

Развитие перестройки за последние годы показало, что существующий бюрократический аппарат смог извратить все положительные начинания и вновь принятые постановления и законы. Следовательно, необходимо полностью уничтожить существующий аппарат и создать новый на новых принципах. Этот аппарат должен суще-

ствовать на деньги от продажи достоверной статистической информации. Его доходы должны быть пропорциональны нужности, точности и оперативности этой информации. Старый аппарат — государственный комитет цен, госплан, министерства, ведомства и пр. должны быть распущены одновременно в течение нескольких дней, с предоставлением служащим выходного пособия на несколько месяцев. Мы подошли к такому состоянию в стране, когда нужно действовать решительно, не ограничиваясь полумерами.

Далее мы должны предоставить свободу развития любых видов предприятий — государственных, кооперативных и частных. Максимальными темпами производительность труда растет тогда, когда производственные отношения соответствуют производительным силам. Причем производительные силы в различных отраслях развиваются неравномерно. В то время как выплавлять сталь выгоднее всего на крупном предприятии, цветы и ягоды выгоднее всего выращивать индивидуально. Следовательно, разным областям деятельности соответствуют наиболее оптимальные производственные отношения.

Мы не должны навязывать кому-либо определенные производственные отношения. Конкуренция между предприятиями должна стихийно вытеснить все производственные отношения, которые уже устарели или до которых не доросли производительные силы, имеющиеся в данный момент в каждой области деятельности. В тот момент, когда экономика страны находится в глубоком кризисе, недопустимы какие-либо выборочные прогрессивные налоги.

В то же время недопустимо искусственное оживление предприятий, являющихся убыточными. Необходимо закрытие этих предприятий и распродажа имущества. Государство должно предоставить выходные пособия трудящимся с закрываемых предприятий и возможность им получить новую специальность в случае необходимости.

Переход к вышеприведенной экономической системе возможен только в условиях всеобщей гласности и демократизации общества. Демократия — это не пустая болтовня, а реальная власть народа или, иначе говоря, власть большинства над меньшинством при условии политической и духовной свободы меньшинства.

Резкий переход к демократии невозможен. Демократии нужно учиться, причем учиться всем вместе. Постепенно, путем проб и ошибок необходимо осваивать более демократический способ управления страной.

В настоящий момент у нас в стране назрела необходимость отмены диктатуры КПСС, которая составляет менее 10% взрослого населения. И в частности, отмены шестой статьи Конституции СССР, говорящей о руководящей и направляющей роли КПСС в жизни страны.

В стране обострился экологический кризис. В этом отношении должны быть предприняты решительные меры. Необходимо введение налогов за использование земли, ее недр, лесов, воды, воздуха, использование людских ресурсов на вредных производствах, причем не в виде штрафов, а в виде регулярных выплат. Чтобы экологические проблемы решались эффективно, эти налоги должны быть достаточно большими. Контроль за размером используемых богатств страны, установление размеров и сбор налогов должны производить местные Советы народных депутатов. При этом они напрямую будут заинтересованы в целесообразности использования природных ресурсов. Здесь мы вплотную подошли к вопросу управления государством.

Необходимо, чтобы реальная власть в центре и на местах принадлежала Советам народных депутатов. Для этого нужно распустить исполкомы и другие органы власти и сделать Советы народных депутатов постоянно действующими. Чтобы человек, избранный депутатом, полностью выполнял свои депутатские обязанности, он должен заниматься только этим. На время избрания депутаты должны освобождаться от занимаемых долж-

ностей в административных и партийных структурах. При этом необходимо предоставить право выдвижения своего кандидата в любой орган власти любой группе людей и даже отдельному человеку.

Дальнейшее развитие демократии должно быть направлено на разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, с постепенной передачей законодательной власти не каким-либо выборным органам, а непосредственно народу. С этой целью необходима организация общенародных референдумов, на которых бы все взрослое население голосовало бы за принятие или отмену важнейших законов государственной жизни.

Одновременно необходимо повысить контроль за принятием частных решений и постановлений. С этой целью необходима организация Конституционного суда, который бы отменял все постановления, противоречащие Конституции СССР, и привлекал к ответственности, в том числе и уголовной, те лица и организации, принявшие эти антиконституционные решения.

Мы должны реально начать выполнять и закреплять в законах положения о правах человека и гражданина, закрепленные в международных договорах и документах, которые ратифицированы в СССР.

*«Меркурий»,
1987, № 8
Р. ИГНАТЬЕВ*

**И СКАЗАЛ ОН,
ЧТО ЭТО ХОРОШО...**

Раньше идолу приносили кровавые жертвы. Теперь от жертв решили отказаться, а вот от Идола пока не решаются. Только имя ему меняют время от времени. Чьи портреты на демонстрациях несут, чье имя склоняют во всех газетах, во всех теле- и радиопередачах?

Чехарда портретов на все вкусы, и на всех одно и то же лицо — Михаил Сергеевич. Да что мы его, в лицо не знаем, что ли? Или, почти по Гашеку: «...каждый чех должен иметь возможность повесить дома августейшего монарха...» Но ведь у Гашека «старец-монарх» под конец пошел со скидкой...

Даже западные журналисты заразились — гласность и перестройку приписывают только Горбачеву... А остальные что? Стадо баранов? Пришел новый пастух, щелкнул по носу самым резвым, и все послушно повернули на девяносто градусов... Человека не видно — осталось только имя. Имя, превращенное в ходовой товар. Причем неважно, чье. Раньше все молились, повернувшись лицом к востоку: «О-о-о, Леонид Ильич», «О-о-о, Иосиф Виссарионович», теперь, развернувшись на 180 градусов: «О-о-о, Михаил Сергеевич». И при этом и вчера и сегодня: «О-о-о, Владимир Ильич».

Жонглирование именами, понятиями, категориями приводит к их девальвации и отнюдь не служит интересам общества. «СЛАВА КПСС», «ПЕРЕСТРОЙКА — ПРОДОЛЖЕНИЕ ОКТЯБРЯ»... Много ли дают нам слова, не подкрепленные реальным делом? Если в магазине много галош — это приводит не к поголовному огалошиванию, а к падению цен на галоши.

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» — гласит старая мудрость. Но, похоже, вторая часть этого афоризма потеряла свою актуальность. Становится не по себе, когда читаешь в газете о том, что Закон о молодежи получил поддержку Генерального секретаря КПСС, и спорить больше не о чем... Или о том, что семь ленинградских предприятий, перешедших на хозрасчет, не выполнили план по прибыли...

Понятия не отменяют, их маскируют под «новые влияния» и выдают за выражение воли общества. Был план — стал госзаказ, была подразверстка — стал продналог. Но новые культовые служители так же не любят, когда их обвиняют в попытках сохранить какие-

то старые, «наследственные» привилегии. Ко всем своим противникам моментально приклеивают ярлык «враг перестройки» или «противник гласности». Если Ельцин действительно «такой-сякой-разэтакий», то напечатайте вы его доклад на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, мы почитаем и успокоимся. А может, не успокоимся. Все-возможные заявления, что это, мол, внутреннее дело Московской парторганизации и ЦК (см., например, «Вестник МИД СССР», 1987, № 9), не спасают от волны слухов и предположений. Если речь заходит о перестановках и снятиях «на самом верху», то никакие разговоры о «келейности» событий не заменят стенографического отчета о событиях.

ОкКУЛЬТизм достиг своего апогея. «Гласность» и «перестройка», слова, а не дела, превратились в своего рода предохранительный клапан. Народу как бы кинули кусок и добавили: «Ешьте, и не забывайте, кому вы этим обязаны»...

И все, упиваясь собственной смелостью, накинулись на полуистлевший в слухах и пересудах труп Сталина: «Ну он и паразит, слава КПСС!» А очередной улыбчивый комментатор поднимет вверх палец и провозглашает: «И сказал ОН, что это хорошо!»

Не потеряли мы веру в доброго «батюшку-царя», то бишь Генсека. Именно веру. До сих пор в сознании превалирует мнение, что именно должность красит человека. Когда прекратится это бессовестное обожествление, не делающее чести ни обожествляемому, ни обожествляющему! Грань еще не переступили, как в тридцатых, но постоянное балансирование между излишним превознесением и низведением имени до кича может привести к печальному концу — или к новому культу личности, или же к беспробудному цинизму. И то, и другое означает конец нашей культуры.

II. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*«Российские ведомости»,
1988, № 19
А. МАСТЕРОВ*

РУССКИЕ РАБОЧИЕ И МАРКСИЗМ

Урал стал промышленной базой России и оставался таковым к 1918 году. Именно уральские рабочие являлись чисто русским рабочим классом, который отличался от рабочих Запада и от сформированных по их образцу заводских рабочих Центра и Юга России. Потомственные рабочие Урала не имели ничего общего с рабочим классом в марксистском понимании купли-продажи рабочей силы (тем примечательнее то, что, истребив русский уклад рабочих Урала, сегодняшние кремлевские марксисты — в поисках выхода из экономического тупика — ошупью и вслепую пришли к попыткам воспроизведения такого уклада во всех городах страны. Снявши голову — по волосам плачут!).

Рабочие выросли из крепостных крестьян, переселенных на Урал и прикрепленных к заводам. Став рабочими самого высокого мастерства и квалификации, они целиком сохранили главные черты уклада жизни русского крестьянина, а главное — земельное хозяйство. Заводскую работу исполняли мужчины, но каждая семья имела свой дом и долю в земельных угодьях заводов. Овощами и картофелем, молоком, мясом, птицей рабочие семьи обеспечивали себя сами; сено и топливо заготавливали в заводских — «своих» угодьях, и, если не считать пахоту огорода и подвоз дров, — такую работу вела женская половина семьи. За 200 лет такой жизни порядок установился прочно и был прекрасно отлажен не только в рабочей среде, но и со стороны заводской администрации (крупнейшие заводы Урала принадлежали государству, но и на частных был точно такой же

порядок). Бытовое хозяйство рабочих не было антарктическим — все зерно и промтовары были покупными, но нетрудно понять, что общественное устройство Урала очень отличалось как от капиталистического строя, так и от помещичье-барщинных мануфактур феодального строя, от которых пошла уральская промышленность в XVIII веке.

Ленин, как и все русские марксисты, ничегошеньки не ведал об этих особенностях русского рабочего класса и имел наивность считать его соответствующим марксистской схеме. Поэтому все его правительство нимало не призадумалось, отдавая приказ о распространении декрета о земле на Урал, то есть — об изъятии земельных угодий у заводов и передаче ее крестьянам (в чем крестьяне Урала и Сибири вовсе не нуждались, ибо и без декретов имели ее в избытке). Нелепые приказы являлись смертельными для рабочих уральских заводов и, прежде всего, для низкоквалифицированных и малоимущих. Впрочем, они грозили смертью всем уральским заводам со всем их хозяйством и жителями, а о низовой массе мы упомянули лишь для того, чтобы показать, что вождь пролетариев в погоне за симпатиями чернорабочего люда перепутал Запад и Питер с Уралом и потому попал пальцем в небо...

В 1917 году на Урале существовали 1115 промышленных предприятий: 200 — в Уфимской губернии, 200 — в Оренбургской и 700 — в Пермской. Поэтому для оценки рабочего движения показательны северный Урал и Прикамье, где было сосредоточено до 70% рабочих Урала.

В металлургии Урала трудилось 196 тысяч рабочих, в горнозаводской — 172 тысячи и в добывающей — 205 тысяч. На трех заводах Ижевска и Воткинска было занято 50 тысяч рабочих, то есть 10% всех рабочих Урала.

Масса уральских заводов — небольшие (500—1000 рабочих) и города вокруг них тоже были невелики,

и почти все их жители были напрямую связаны с жизнью завода. Поэтому сама инфраструктура этих городков различалась от городов Центра, являющихся фискально-административными центрами. Таким на Урале был лишь Екатеринбург, и именно потому власть партии Ленина держалась там попрочнее. Ленина и его партию Урал до революции — как и вся Россия — совсем не знал. Однако после переворота благодаря использованию былого авторитета государственной власти, гнусно-лживой демагогии и фактическому союзу всех левых партий против правых экстремисты, набранные большевиками — несмотря на свою мизерную численность, — сумели на короткое время захватить главенствующие посты в рабочих советах Урала. Но это длилось лишь до первого знакомства с их властью. Насильственная природа марксистов подобна шилу в мешке, которое не может не вылезать при первом же соприкосновении, при этом — самым жестоким и убийственным образом.

Экстремистам и бандитам, сбежавшимся за мандатами на комиссарство, эти спекуляция и шулерство удались тем легче, что рабочие советы Урала упразднили органы старой власти раньше, чем произошел переворот в Петрограде — еще в 1917 году, в сентябре. Сделали они это независимо от партии Ленина и совершенно мирно: вовсе не ради установления своей диктатуры, но на время до созыва Учредительного собрания.

Понимая огромное значение власти над промышленным Уралом, большевики сразу же начали стягивать туда самые мобильные и боеспособные силы создаваемой ими армии: отряды матросов, продотряды, «интернационалистов» из военнопленных немцев и венгров, сложила свои головы на Урале немалая часть кремлевских латышей. «Покорял» рабочий Урал лично первый главком Красной Армии Вацетис. Именно на них, а не на волю рабочих опирали свое своевластие ставленники Ленина и вовсе не ради рабочих, но — против рабочих и выборных советов.

Ещё до бегства Ленина в Москву его ставленники стали проводить «национализацию» земли и заводов Урала. Национализация заводов дала тот же результат, что и в Петрограде, а национализация земли означала изъятие ее у заводов и всех их рабочих. Притом не только леса, не только огородов, но и домов самих рабочих. Мало того — рабочим запретили даже лов рыбы в заводских прудах (непременная принадлежность всех заводов того времени). Короче — полный коммунизм, как его представляли себе Маркс с Лениным и все их подручные от Троцкого со Сталиным до последнего из чекистов с наганом в руке.

Рабочие ответили на приказы ленинских исполнителей перевыборами своих советов, со смещением ленинцев (были их единицы, и в демократическом совете они ничего практически не значили). И вот тут-то Ленин — в ипостаси своих «винтиков» — показал себя во всей красе. Смещенные ленинцы РАЗГОНЯЛИ рабочие советы (как незаконные) штыками своих бандотрядов, а рабочих-активистов стали расстреливать, как собак. На заводе в Мотовилихе за один только раз были, к примеру, расстреляны более ста рабочих. Не офицеров или генералов, не помещиков или капиталистов и даже не кулаков с подкулачниками, а самых настоящих, самых сознательных, самых лучших рабочих громадного завода — случайных людей в их числе не было, как не было «ошибки» и у коммунистов, убивших достойнейших представителей рабочего класса. Так оно и было по всему Уралу в первой половине 1918 года.

Насилия и убийства, воцарившиеся на заводах и в городах, по всему Уралу вызвали восстания рабочих против коммунистов, которые превратились к лету 1918 года в восстание всего населения Урала, изгнавшее с него самозванных владык на два года. Власть коммунистов была уничтожена на всех заводах Урала силой восставших рабочих.

Вот краткая хронология рабочих восстаний, отражающая лишь малую часть их:

- Декабрь 1917-го — Ревда, Камышлов, Ирбит
Январь — февраль — Белорецк, Михайловский, Ше-
1918-го махинский заводы, Лысьва,
Шадринск, Нижний Тагил
- Март 1918-го — Златоуст, Кизел
Апрель 1918-го — Камышлов
Май — июнь 1918-го — Полевский, Рудянский, Север-
ский, Павловский, Камбар-
ский, Шемахинский заводы,
Нижний Тагил, поселок Кол-
чедан
- Июнь 1918-го — Шемахинский, Надеждинский,
Кусинский, Саткинский, Ба-
кальский, Нижне-Сергинский,
Нязе-Петровский заводы, Ир-
бит, Златоуст, Шадринск,
Екатеринбург
- Июль — Шемахинский, Надеждинский,
Суксунский, Николо-Березан-
ский заводы, Невьянск, Пермь,
Верх-Исетский завод
- Август 1918-го — Михайловский завод, Пискор,
Сеныч, Верещагино, Очер,
Павловск, Оханск, Камбар-
ский завод, Ижевск, Воткинск

Коммунисты зверски подавляли восстания, но они поднимались вновь и вновь, что видно даже в нашем кратком перечне. Расправы производили в массе случаев отрядами, присланными из далеких губерний, но не только мобилизованные крестьяне-красноармейцы, но и целые рабочие полки очень часто разбежались или переходили на сторону восставших рабочих и крестьян Урала. Так, в августе 1918 года на сторону рабочих Ижевска и Воткинска почти целиком, организованно и вместе с командирами перешел I Петроградский полк (армия

Вусмановича, который много позже разделил с Карбышевым его участь).

Судьба полка питерских рабочих показательна не только в плане их прозрения на Урале, но и тем, что именно после его перехода Ленин и Троцкий вынуждены были бросить на рабочую народную армию Ижевска, Воткинска и Сарапула мадьяр и латышские полки, солдаты которых совсем не знали русского языка. В боях с ними полк петроградских рабочих прошел сотни километров до своей гибели.

География и число восстаний в приведенном нами списке сами по себе показывают отношение рабочих Урала к власти Ленина и его партии. И пока рабочий Урал боролся, власть Ленина стояла под вопросом. А с занятием Урала Красной Армией исход гражданской войны был решен! Эту роль рабочего Урала по сей день мало кто видит и понимает. Ее заслоняют КОМУЧами, чехами, Директориями, Колчаком, героями офицерских отрядов, полков, а то — и банд с бандитами во главе (Семенов, Унгерн, Анненков). А смертельно опасно для марксистского правительства во всей гражданской войне было прежде всего восстание РАБОЧЕГО Урала. Его они подавляли и раздавливали с самой лютой и беспредельной беспощадностью, что мы и покажем ниже. Потому Ленин и его ЦК до самой осени 1919 года все время — с настойчивостью дятлов — твердили, что главным фронтом является Восточный, то есть Урал. А стоило Красной армии стать на Урале твердо — этот истошный вопль прекратился, хотя борьба на Востоке продолжалась еще очень долго и завершилась последней, в 1922 году.

Многие усматривают главного противника коммунизма в гражданской войне в русском крестьянстве, и в этом большая доля истины. Но факты таковы, что коммунистам удалось обессилить, обмануть, подчинить своей власти общинно-индивидуальное крестьянство. Более того, они превратили его в орудие своей власти, а за-

тем — в колхозников-рабов, то есть уничтожили его (как класс — на их жаргоне).

А вот рабочих партия Ленина обмануть и расколоть не смогла. Она ПОДАВИЛА их сопротивление — это правда, но весь вопрос — навсегда или только на время?

Кое-кто скажет нам, что были ведь на Урале сторонники Ленина из числа рабочих. Да, разумеется, были. В любой социальной группе всегда есть слепцы, фанатики, подонки, которые, в сущности, чужды и враждебны тому обществу, в коем числятся...

На апрель 1918 года, когда отношение уральских рабочих к власти уже совершенно определилось, в частях, сформированных коммунистами для охраны их власти из обитателей Урала, по всему Уралу и Прикамью состояло 12 375 человек. Из них в Екатеринбурге — 3000, в Перми — 1500, в Оренбурге — 1600, в Уфе — 400, в Вятке — 127. Иначе говоря, в итоге полугодовых усилий и в условиях начавшегося повода восстаний коммунисты смогли всеми правдами и неправдами завербовать и поставить под ружье только 1 рабочего из 100.

Вот отрывок из воспоминаний коммуниста о вербовке добровольцев на одном из заводов (публикация официально-коммунистическая. СССР. 1929 г. Журнал «Пролетарская революция»):

«Наступил день митингов...

Что скажет масса? — думали мы. — Откликнется ли она на наш призыв? Будут ли добровольцы? А может, рабочие скажут: «Вон отсюда! Долой! Ни одного человека не дадим!» Неужели не поддержат фронт? Ведь РАБОЧИЕ!.. (Выделено рассказчиком-коммунистом.) Нам уже говорили, что большинство рабочих настроено враждебно к коммунистам... Но мы верить не хотели. Как же так: РАБОЧИЕ и не поддержат... Правда, для нас это не было дико, ибо мы знали по опыту в Уфе, что там большинство рабочих, в особенности железнодорожники, нас не поддержали. Все же мы думали, что

ижевцы — не уфимцы, здесь рабочие, вероятно, лучше, сознательнее».

Рабочих собрали, закрыв выходы с завода! Сигнали примерно 3 тысячи из 40 000 рабочих — у выходов из цехов, в трех местах.

«Вот она, масса... Глаза ее излучают ненависть. К кому она, ненависть, к какому из борющихся лагерей направлена? Неужели... Не может быть! (это многоточие — рассказчика).

«Революция в опасности! — гремели набатным эхом наши голоса на всех митингах — ...Контрреволюция... Реакция... Идет войной старый строй... Царский режим... Враг жесток. Он оставляет за собой реки крови и слез. Первыми жертвами будут рабочие». Наши призывы, в которых мы всячески изощрялись, стараясь сыграть хотя бы на чувстве, повисли в воздухе... Добровольцев не записалось...

С тяжелым чувством, побитыми собаками, оставляли мы Ижевск».

Коммунист-новобранец, не знающий ничего, кроме лживой болтовни прожженных демагогов, мог, понятно, изумляться, видя ненависть рабочих к себе, к партии коммунистов, к самому Ленину. Но иного и быть не могло у тех, кто уже видели себя окруженными цепями карателей, готовых убить каждого за одно слово против коммунистов и уже убивших множество их товарищей. Агитатор-коммунист из «Центра» не знал, но слушавшие его рабочие знали и видели плывущие и выкинутые на берег трупы с размозженными черепами. Рабочие Ижевска знали, что приплыли они с баржи, которая пришла из Уфы, что убитые были абсолютно невинными людьми. На барже привезли 200 заложников, взятых коммунистами в Уфе. При бегстве из восставшего города они не решились убить их возле Уфы, а о роспуске заложников у убийц-чекистов и мысли не мелькнуло. Они тащили обреченных с собою до самого Ижевска, где почувствовали себя в безопасности и нашли возможность для уже

ставшего бессмысленным убийства. Запертых в трюме людей выводили поодиночке, топорами проламывали им черепа и сбрасывали за борт. Процедура заняла всю ночь... Нетрудно понять впечатление рабочих Ижевска и Воткинска. Дурак-агитатор уже в те дни был выучен «не видеть» зверств своих собратий, русские люди НЕ МОГЛИ не видеть их и оценивали по достоинству.

Пора всем советским людям уразуметь, что ГУЛАГом со всеми его зверствами наша страна стала не при Сталине. Эта людоедская система существует, создается и непрерывно растет со дня октябрьского переворота. Его создателем является Ленин, и создан он по идейному плану Маркса. А упомянутый эпизод террора — ужасающего рабов-обывателей до полного паралича их гражданской дееспособности (для этого его и проводят) — показывает, что у кувалд для проламывания черепов умершим зэкам и у кирок полпотовцев был один предшественник и образец, и создал его Ленин.

К осени 1917 года власть коммунистов была уничтожена на всем Урале, и сделали это рабочие заводов, возглавившие восстание ВСЕХ жителей Урала. Ибо восставшие рабочие не были одиноки.

Тема крестьянских восстаний стоит за рамками нашего очерка, и мы не можем осветить даже неразрывные связи восстаний крестьян с восстаниями рабочих на Урале. Но и не коснуться их причин нельзя — это исказит и представление о борьбе рабочих с коммунистами. Мы осветим причину неминуемости массового восстания крестьян Вятской губернии против коммунистов, которое слилось с восстанием рабочих Ижевска и Воткинска и стало важным фактором борьбы на восточном фронте коммунистов.

Урожай 1917 года составил в Вятской губернии 37,6 млн. пудов зерна. Потребность этой губернии — по данным ленинского Наркомпрода! — составляла 38,6 млн. пудов. А на самом деле — 45,6. Дефицит для северной губернии с крупнейшими заводами России

вполне естественный и понятный. А о разнице цифр спорить не будем — не в ней сейчас суть, раз ясно, что губерния дать зерна не могла, и напротив — сама нуждалась в ввозе его.

А суть трагедии в том, что на губернию на 1918 год правительством была наложена продрозверстка в размере 30,5 млн. пудов, и ее «собирала» вся Регулярная продармия РСФСР под защитой главных сил Красной армии, уничтожающих всех, кто сопротивлялся сбору этой дани. Древляне, как известно, разорвали князя Игоря за произвольное превышение размера дани. Однако не будем сравнивать произвол неграмотного и полудикого князя с «волюнтаризмом» Ленина, Цурюпы и исполнителей-продармейцев с Красной армией вкупе! Даже уплатив двойную дань, древляне — надо думать — не умерли бы... А могли ли остаться в живых ВСЕ жители Вятской губернии, уплати они Ленину наложенную им дань?

На всю губернию осталось бы 7,1 млн. пудов. При 4 млн. жителей это составляет 28,4 кг зерна на одного едока, не считая прочей живности и потребностей. Едок этот должен прожить этим хлебом ГОД! В том, что коммунисты при такой норме выжить могут, — сомнений нет, но остается вопросом — на втором или первом месяце вымерла бы до самого последнего человека вся остальная губерния?

В 1917 г. в Вятской губернии проживало 3935 тыс. человек. На лето 1920 г. уцелело 3235 тыс. человек. Погибло — 700 000 человек.

Такова голая история гражданской войны в Вятской губернии в сухих цифрах. Войны! — ибо Ленину, несмотря на усилия всей продармии и армии, удалось вырвать за весь 1918 г. «только» 9 млн. пудов. По этой причине жители губернии уцелели. А почему правительство не получило намеченные 30 млн. — пояснить, видимо, не стоит: крестьяне Прикамья поголовно встали против коммунистов. В одной только Вятской губ. в

1918 г. действовало до 250 тыс. крестьянских повстанцев, которые ежемесячно уничтожали у своих деревень по тысяче прод- и красноармейцев, хотя, как правило, не имели иного оружия, кроме кос, вил да дубин. Одному Богу ведомо, сколько вятичей погибло от голода, а сколько в боях. Восстание ижевских рабочих произошло в гуще крестьянских восстаний. То же самое было и по всему Уралу. В той же народной армии Ижевска и Воткинска крестьянские полки и отряды составляли половину воинов и сражались ничуть не хуже рабочих полков.

После сказанного нетрудно увидеть, что стоит за цифрами по другим губерниям Урала, — за годы гражданской войны погибло:

в Оренбургской губернии — 32% населения;

в Башкирии — 58% башкир;

маленький народ удмуртов потерял 100 тыс. человек (18%) и т. д.

Удмуртская газета «Виль-Синь» (Елабуга) писала в 1918 г., что Ленин и его власть «поставили нас в худшие условия, чем это было даже при Николае II».

Известный коммунист Гусев (в то время — член РВС на Восточном фронте) писал позже: «Наиболее жесточенными войсками в рядах Колчака были башкиры».

Крестьянство черноземного Заволжья в большинстве стояло за «красных», но и оно не избежало той же участи. Голод 1921 года был таким же искусственным и имел ту же самую причину, что и голод 1933 г. Одержав победу — в немалой мере — штыками тех же крестьян, коммунисты в 1920 г. обложили этот регион такой же разверсткой, что и Вятскую губернию в 1918 г. И продармия под командованием Антонова-Овсеенко собрала-таки ее, не оставив крестьянам ни хлеба, ни семян! А когда наступили естественные последствия, ужаснувшие весь мир, то «объяснили» происшедшее засухой. А засушлив в этом регионе каждый второй-третий год, но НИКОГДА там не знали голода. Глобальная ложь в

те годы была миру внове, и проверить ее было невозможно, а потому она сошла за правду. К слову сказать, правда о голоде 1933 г. десятки лет игнорировалась Западом, как вымыслы белой эмиграции, и лишь в наши дни конгресс США провел расследование и убедился в том, что голод был создан действиями коммунистов, хотя до УМЫШЛЕННОСТИ их действий так, кажется, и не докопался.

Размер разверстки на Вятскую губернию не был ни ошибкой, ни следствием невежества Ленина, Цурюпы. Ленин и его ЦК вполне сознательно обрекли целую губернию на смерть. Отрезанные, не могущие и не умеющие получить хлеб от всех хлебопроизводящих регионов, имеющие за спиной озверевший от голода Петроград и звереющих по той же причине рабочих и горожан всего Центра, они видели свое спасение только в изъятии ВСЕГО продовольствия в единственном оставшемся доступным их власти отдаленном и «несущественном» для них сельскохозяйственном районе, каким и была Вятская губерния. И если Ленину было наплевать на всю Россию (ради «мировой» революции), то пожертвовать 4-мя млн. жителей одной из губерний ему было, конечно же, гораздо легче. История знает множество «великих» душегубов, но до XX века усилия всех таких реальных убийц направлялись на соседние и иные народы под флагом обеспечения «благ» своему народу. В этом плане даже Гитлер всего лишь апокалипсический продолжатель прошлого. Ленин и его преемники, угрожая истребить все человечество и не имея возможности сделать это, реально истребляют наш народ и неминуемо истребят его полностью, если не будут до этого ликвидированы сами.

* * *

К сожалению, ни внутри страны, ни нашей эмиграцией, ни иностранными исследованиями поражения на-

шего народа в борьбе с марксизмом и его государственностью не выявлен путь практического освобождения нашего народа. Недостатка в противниках людоедской и богопротивной власти нет, но нет и видения зримого и верного пути освобождения 300 млн. человек. Уже ясно, что освободиться мы можем только своими силами. Ясно и то, что Зверь будет повержен христианством. А дальше... пробуксовка, да фарисейские молебствования... Исследования, проведенные эмиграцией, — жизненно важный этап, но за единоличными исключениями — ограничены и бесперспективны. Боевое «белое» направление предало забвению эволюцию своих предтеч в ходе гражданской войны и замкнулось в упрямом «белом большевизме», отличающемся от ленинского большевизма лишь математически — электрическим знаком *. Нет глубоких обобщений даже по отдельным регионам гражданской войны.

Констатируя печальный факт отсутствия перспективных социально-политических концепций даже в освещении прошлого, автор сознает, что и сам он может дать лишь полуфабрикат в освещении борьбы уральских рабочих против власти коммунистов.

Речь идет о так называемой «Пермской катастрофе», то есть о восстании рабочих Ижевских и Воткинского заводов, которое на всю осень 1918 года приковало к себе внимание всего мозгового центра и самого Ленина,

---

* Первым, кто отождествил левых и правых экстремистов России, употребив термин «большевики», был Керенский. В своей статье «Гатчина» (см. Анин Д. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. Рим, 1977) Керенский пишет: «Последний акт борьбы революционного Временного правительства с большевиками справа и слева продолжается с 24 октября по 1 ноября 1917 г. Да, я особенно настаиваю на том, что мы боролись сразу на два фронта»... Формула Керенского однозначна: все крайние правые — большевики с противоположным политическим знаком. Не солидаризуясь с социальными взглядами Керенского, следует признать, что в его оценке «белых большевиков» значительная доля правды (прим. авт.).

но по сей день обходится и замалчивается коммунистической историографией.

Упоминания-то о «катастрофе» имеются, но вся она трактуется как военный разгром двух армий на Восточном фронте. Если учесть, что разгром множества других армий на других фронтах никогда не вызывал такого переполоха в ленинском курятнике, что они сами не раз умышленно подставляли под смертельный удар свои армии (считая их потенциально опасными) или сами уничтожали их (достаточно вспомнить об армии Григорьева, корпусе Миронова, дивизиях Щорса или Чапаева), масштаб переполоха, усилий и последующее полное молчание о сути дела (продолжающееся по сей день) представляются странными и имеющими какую-то важную причину. Однако стоит обратить внимание на эту «тайну», как становится очевидным, что перед нами секрет Полишинеля, и дело не в разгроме двух армий, а в том, что сделали это восставшие РАБОЧИЕ, и даже не это, а сам факт восстания рабочих против, с позволения сказать, рабочей власти, и в том, наконец, что восстание это могло стать началом восстания против большевиков ВСЕХ рабочих России. Это означало бы молниеносный крах всей власти Ленина, всего их марксистского государства, и этого-то перепугались и Ленин, и весь его мозговой штаб. Причина восстания была непостижима для них, разгром армий продемонстрировал неслыханную силу небольшого восстания, и они сразу поняли, что о замирении заводов не может быть и помину: либо власть рабочих (демократических советов! Вот где появились знаменитые «Советы без коммунистов», а не в Кронштадте и не в Тамбове 1921 года), либо ИХ марксистская власть.

Общеизвестно, как взволновало Ленина восстание горсти матросов Кронштадта уже в условиях победы коммунистов в гражданской войне. Поэтому легко вычислить величину страха самозванцев перед неизмеримо более опасным восстанием, да еще в самом начале граж-

данской войны, когда новая власть была слаба, как слепой щенок у бездомной суки.

Показательно и то, что тема этого восстания остается в абсолютном запрете и сегодня. Пожалуй, в большем, чем любые другие.

*«Информационный
бюллетень
по царской семье»,
1989, № 2, июнь*

**ИНТЕРВЬЮ С НАЧАЛЬНИКОМ
ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА
ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ БИЛИБИНЫМ**

18.06.89

Вопрос. В каком году решился вопрос о престолонаследии, кто был выбран и как?

Ответ. Первоначально, когда иссяк род Рюриковичей, в 1612 году был Великий Земский собор, которому было поручено найти ближайшего сородича, по принципу, заимствованному в Византии, который преобладал в Москве в XVII веке. По этому принципу близкое свойство было предпочтительнее дальнего кровного родства. И поэтому, например, Бориса Годунова не считали узурпатором, он был шурином Федора Иоанновича. А в 13-м году ближайшим сродичем был Михаил Федорович Романов, внучатый племянник царицы Анастасии, первой жены Иоанна Грозного, поэтому его призвали на престол. Некоторые говорят, что его избрали. Это не совсем верно: его призвали, как ближайшего сродича. Дальше дело меняется при Петре, и Петр издал указ с довольно печальными последствиями, по которому император мог назначить себе наследника. Мы знаем, что из-за этого указа в XVIII веке происходили дворцовые перевороты и тому подобное. Петра главным образом на это побудило то, что Алексей Петрович все его реформы похерит и что он должен был иметь возможность на-

значить такого наследника, который бы этого не сделал. Кстати, он никого не назначил, ему наследовала его жена Екатерина I по указанию Сената. Потом Павел Петрович, будущий император, которому грозило устранение все время, потому что фавориты Екатерины говорили ей с ним не ладить, решил, что если он вступит на престол, то этому всему нужно положить конец и издать определенный закон о престолонаследии, чтобы, как он выразился сам, закон указывал, кому быть императором. И он составил такой закон, еще будучи наследником. Когда Екатерина II умерла в 1796 году, никакого указа, устраняющего Павла, не было, и Павел вступил на престол. И в день своей коронации, стоя на престоле, он прочел этот акт, и велел в специальном ковчеге его хранить в алтаре Успенского собора, и разослал его всем народам. Это Основной закон, том I, который остается в силе и сейчас.

В. Каково положение Вел. Кн. Владимира Кирилловича, когда решился вопрос о его престолонаследии?

О. Его престолонаследие очень просто. В 1917 году император Николай II отрекся от престола за себя и за наследника Алексея Николаевича в пользу В. к. Михаила Александровича, очень сомнительно, что это конституционно, потому что основные законы не предвидят этого, но, во всяком случае, так было.

А в. к. Михаил Александрович сказал, что он примет престол, только если Учредительное собрание так решит, ну, потом мы знаем, что случилось, за февральской революцией последовала октябрьская, потом была гражданская война, в которой красная армия одержала над белой победу, и из императорского дома те, которые остались в России, почти все были убиты, так или иначе. А спаслись те, которые оказались в частях России под белыми тогда, когда была эвакуация из Крыма и Новороссийска, и они тогда эмигрировали в Западную Европу. А по старшинству из тех, кто остались, потомство Александра III было все убито, мужского пола:

император Николай II, его брат, его дети, они, как мы знаем, были все убиты, так что нужно перейти уже к потомству Александра II. Следующий за Александром III — его брат Владимир Александрович, который уже скончался, но у него было три сына, один из них был Кирилл Владимирович, а Владимир Кириллович уже его сын. Иными словами, Владимир Кириллович, сын Кирилла Владимировича, старшего сына Владимира Александровича, следующего брата Александра III. Тут ничего сложного нет, это самый простой ближайший наследник.

В. Нам хотелось бы очень знать о судьбе Его Высочества и его семьи, начиная с августа 1917 года.

О. Вскоре после февральской революции Кирилл Владимирович, который командовал гвардейским... экипажем (уже было служить, видите ли, невозможно), переехал в Финляндию, и там в августе 17-го года родился Владимир Кириллович. У Кирилла Владимировича уже были две дочери. Потом в Финляндии на юге стало им довольно опасно, потому что в Финляндии была короткая гражданская война между красными и белыми тоже, им удалось из Финляндии выбраться через Швецию, и в конце концов, когда война уже кончилась, они первым делом поселились в городе Кобурге в Германии, потому что мать Кирилла Владимировича, великая княгиня Виктория Феодоровна, была дочерью герцога Эдинбургского, сына королевы Виктории, который стал Великим Герцогом Кобургским. А мать ее была в.к. Мария Александровна, дочь Александра II. Так что Владимир Кириллович правнук Александра II с двух сторон, потом, побыв некоторое время в Кобурге, они переехали во Францию, в Собриак (?), который до сих пор принадлежит Вел. Князю и в котором он проводит часть года.

В. Расскажите о супружестве Вел. Князя.

О. Великий Князь женат на Великой Княгине Леониде Георгиевне, княжне Багратион-Муханской. Багратионы — это царственный дом Грузии. Вплоть до при-

соединения Грузии в состав Российской империи в 1801 году под конец царствования Павла I. Еще до того, как он узнал свою будущую жену, ее брат, князь Ираклий Багратион-Муханский, женился на испанской принцессе. И ее отец обратился тогда к Владимиру Кирилловичу, который находился тогда в Швейцарии, это было сразу же после войны, и спросил его, готов ли он признать князя Багратиона-Муханского как равный брак, царственный. На это он ответил, что, посоветовавшись со своим дядей в.к. Андреем Владимировичем, который был самый лучший знаток наследственного права, и с русскими и грузинскими историками, он пришел к выводу, что да — старшая линия князей Багратион-Муханских имеет полное право называть себя князьями Грузинскими с титулом царского высочества. И потом года через два после этого он решил жениться на Леониде Георгиевне, и, собственно, сам того не зная, он уже решил положительно вопрос о царственном положении дома Багратиони. И в этом многие его признали, кроме тех, кто враждебно к нему относятся и хотят выдвинуть любую причину, это имеет еще одну очень положительную сторону. Если, допустим, Владимиру Кирилловичу или его дочери будет суждено вступить на Российский Престол, то относительно тех новых вопросов, которые в старое время не существовали вообще либо существовали в гораздо меньшей мере, в том числе вопрос о национальностях, населяющих Российскую Империю, — символическим явится, что Владимир Кириллович, представитель исторической российской династии, вступил в брак с представительницей исторической династии другого народа Российской Империи, грузинского.

В. Как судьба Ее Высочества Вел. Кн. Марии Владимировны переплелась с судьбой внука Вильгельма II?

О. Видите ли, это случилось в 76-м году, то есть это была помолвка и свадьба, а встретилась с ним, когда была в гостях в Германии, кажется, за год или два до

этого. И Владимир Кириллович согласился на этот брак и имел основательный разговор с принцем Франц-Вильгельмом. Ему сказал, что он от него ожидает, чтобы он считал себя супругом наследницы Российского престола, к которой переходят права, потому что к тому времени все члены мужского рода с разнородными браками уже скончаются, теперь только один остался князь Василий Александрович, и он очень серьезно болен. И на это принц Франц-Вильгельм согласился, он согласился принять православную веру после долгого обучения отцом Алексием Князевым, ректором Кембриджского подворья. И тогда во время брака, который был совершен в Мадриде архиепископом Лос-Анджелесским Антонием, приехавшим для этого из Америки, он принял титул русский — Великого Князя Михаила Павловича. Все было очень хорошо. Но потом он имел какие-то притязания. Его по-человечески коробило то, что он на втором положении и т. д., стало, в общем, невозможно. Но главное то, что от этого брака произошел сын, который совершенно в руках своей матери. Отец имеет право его время от времени повидать, и это он иногда делает, но и только. Обучение, воспитание — все в руках его матери. Он сейчас посещает школу в Париже и имеет частные уроки по русскому языку, которым он очень хорошо овладел. В прошлом году вся августейшая семья поехала в Америку на празднование 1000-летия крещения Руси, и на мальчика особенно все это произвело впечатление, он причащался и прислуживал при службе. Так что с этой стороны все хорошо обеспечено, если, конечно, это случится.

В. Думает ли августейшая особа о продолжении династии? Именно в воспитании и жизни в. к. Георгия Михайловича?

О. Он воспитывается и живет со своей матерью. Когда он был моложе, он жил с ней в Собриаке, это в Бретани на северном побережье Франции, в доме, который в 20-х годах купил Кирилл Владимирович, и это была

его официальная резиденция. Школа, в которую он сначала ходил, слишком элементарная, и мальчик теперь ходит в среднюю, то есть высшей стадии, школу в Париже (кстати, они имели маленькую квартиру в Париже, она была очень мала, теперь они взяли там более крупную квартиру).

Мальчику сейчас 8 лет.

А в. к. Мария Владимировна ходила в школу в Мадриде, а потом некоторое время проводила в Оксфордском университете, где она особенно изучала вопросы, которые касались России, русской литературы и вступления в русскую историю Ключевского. Вероятно, то же самое, что-то в этом роде будет и для Георгия Михайловича. Я хотел особенно подчеркнуть, что вот эта старшая ветвь Романовых, начиная с Кирилла Владимировича, стремится особенное чувство долга воспитывать у возможного наследника, так что, если бы ему пришлось исполнить свой долг, он мог бы это сделать и был бы стопроцентно русским. И например, такой случай был еще при жизни Кирилла Владимировича: директор английской школы Вичестера, одной из лучших школ Англии, предложил взять его сына Владимира Кирилловича, либо даром, либо на льготных условиях, чтобы он обучался, был бы пансионером в этой старинной школе. Мать Владимира Кирилловича, в. к. Виктория Феодоровна, когда ее спросили, сказала: нет, не принимаю это предложение; школа прекрасная, обучение он там получит прекрасное, но он будет жить там. А он и так много говорит по-английски; он жил бы в этой школе английской и обангличился бы, а наш долг его воспитать по-русски, и так это было. Была учительница, та, которая говорила по-русски и была профессионал, она давала частные уроки, а аттестат зрелости Владимир Кириллович сдал в русской гимназии в Париже, и надо сказать, что его дочь действует совершенно так же, это первая мысль, что это долг; что если бы, скажем, пона-

добился наследник, не оказалось бы, что нужно просвещение, вслушиваться, по-русски не знает...

В. Есть ли какие-либо мысли о продолжении династии, то есть о какой-нибудь принцессе для в. к. Георгия Михайловича?

О. Видите ли, ему всего 8 лет, так что рановато... Принципиально ему нужно найти подходящую невесту, но...

В. Да, ведь раньше, в старину, об этом думали заранее?

О. Но в старину тоже, если взять браки Дома, то есть целый ряд браков, в которых принцессы были уже в зрелом возрасте... Конечно, если была бы какая-нибудь принцесса, то лет через пять..., но это еще не назревший вопрос.

В. Каково отношение в. к. Владимира Кирилловича к найденным предполагаемым останкам императорской семьи?

О. Отношение его такое. Конечно, если найдены останки, для того, чтобы признать, нужно сделать тщательное исследование.

В. Поэтому мы и создали здесь независимую комиссию. Мы взываем к западной общественности, чтобы нас поддержали и помогли в этом вопросе. Как относится к этому Владимир Кириллович и что вы со своей стороны хотите предпринять?

О. Мы были бы очень благодарны, чтобы вы сказали, что нам для вас сделать, ведь вам лучше знать...

В. Как вы смотрите на возможность восстановления монархии и какие преимущества ждут народ в результате замены тоталитарной системы правления державной монархией?

О. Как я об этом думаю? Главное, что России нужно, это арбитраж. Со стороны, независимой ни от каких национальных, экономических или социальных группировок. Единственная такая сила — это монархия. Кроме того, вот вы говорите о том, что называется «культ лич-

ности», но беда в том, что если это не Помазанник Божий, то этот «культ личности» всегда основан на гордыне и на том, чтобы задушить проявления свободных действий человека, который на это способен, потому что это является угрозой для диктатора, его личности. У Помазанника Божия это наоборот. И дело в том, что некоторые люди не признают, что термин «по Божьей милости» — это не то, что воспекает величину этого человека, а наоборот — это термин смирения. Это как бы царю говорится: «Да, ты царь, но помни, что ты только царь, по Божьей милости!».

В. На Западе прошел фильм, который сняла графиня Мадзотто, в этом фильме участвует, как указано в титрах, Николай Романов. Кто этот человек?

О. Николай Романов? А какой это фильм?

В. Это фильм о том, как Гелий Рябов нашел останки Императорского Дома. Он прошел в Италии.

О. Ах, в Италии. Тогда это значит Николай Романович, сын князя Романа Петровича, сына в.к. Петра Николаевича.

В. Он в этом фильме очень негативно отзывается о в.к. Владимире Кирилловиче.

О. Во-первых, этот брак морганистический, и он не является членом Императорского Дома, он только родственник. Он, например, в одном журнале давал интервью и сказал, что он гордится тем, что он — не претендент. Потом он пишет, что любит охотиться на кабанов. Ну и прекрасно, пусть он охотится на кабанов... Он женат на итальянке, кажется, католичке, не перешедшей в православие, дети не знают ни слова по-русски. Прекрасно, но в таком случае зачем ставить палки в колеса человеку, который считает своим долгом возглавлять Императорский Дом?..

В. Обратится ли Горбачев к политике национального примирения, что вы думаете по этому поводу?

О. Это очень трудно сказать. Это... примирение в каком смысле?

В. Дело в том, что наши цари собирали землю, собирали ее воедино, а сейчас происходит раскол Империи.

О. Как я уже сказал, наша монархия, хотя династия и русская, не зависит от указаний господствующей русской нации, она одновременно и надрусская, и надгрузинская, и надэстонская и так далее, она действует как арбитр. Теперь насчет этих национальных движений. Конечно, сейчас национальности, составляющие Российскую империю, они более национально развились. Поскольку они желают иметь свою культуру, свой язык, никто против этого ничего иметь не может. Но я, например, знал украинцев, которые говорили, что они не самостийны. Достаточно посмотреть на этнографическую карту Советского Союза, где красками отмечены национальные группы, ее населяющие. Если мы посмотрим, скажем, на Дальний Восток, и русские обозначены розовым цветом, украинцы — красным, белорусы — своим, то мы увидим, там, недалеко от Владивостока, целые острова украинцев. И этот украинец, он вовсе не хочет терять возможность участия, скажем, в развитии Дальнего Востока, что он потерял бы, если бы Украина вдруг отошла. И я заметил (теперь возьмем, например, Армению), что там могли, конечно, последовать антирусские настроения, но борьба была не армян против русских, а армян против притязаний азербайджанцев. То же самое сейчас в Узбекистане. И здесь до некоторой степени можно действовать арбитром. В данном случае Горбачев действует, но это такая роль, какая присуща именно монархии.

В. Как вы относитесь к идеям народной монархии?

О. Идея народной монархии, как она изложена у Солоневича? Сама идея народной монархии, я бы не сказал, что это самостоятельная программа. Это мысли, изложенные одним человеком, с частью которых можно согласиться, с частью — нет. Например, Солоневич в своей книге ненавидит Петра. Некоторые меры, которые тот предпринимал, действительно, можно с ними не со-

гласиться, но были другие, которые были очень великими. Так что здесь нельзя сказать, принимает Великий Князь или не принимает идеи народной монархии. Великий Князь принимает вообще идею русской монархии, и ее практическое применение всегда будет зависеть от нужд данного времени.

В. Всякая монархия конституционна, потому что она освящена Богом.

О. Да. Она конституционна потому, что имеет свои правила. Русская монархия, говорят, неограничена. Нет, она ограничена основными законами. Например, есть основной закон, что Император Всероссийский должен быть православным, и на коронации он сам лично читает Символ веры. И, скажем, абсолютна ли демократия? Демократия — это такое слово, которое можно истолковывать и направо, и налево. Но в Московской Руси были Земские соборы, которые играли большую роль, а желания народа могли быть всегда представлены.

В. Расскажите нам немного о себе, как Вы стали начальником походной Канцелярии? У Вас такая знаменитая фамилия, знаменитый отец.

О. Отец. Известный русский художник Билибин, мой отец.

В. Как Вы оказались в эмиграции?

О. В 1914 году, нет, в 1912-м. Брат мой Александр Иванович, ныне покойный, был на семь лет старше меня. В 1912 году было столетие Отечественной войны и вышел циркуляр, что те, у которых была медаль 12-го года — они были наследственные, — могут посылать прошение о льготах на Высочайшее имя. И у моего отца была, полученная прапрадедом Яковом Ивановичем Билибиным, пожертвовавшим 10 тысяч рублей на ополчение. Получил за это медную медаль на Аннинской ленте. И тогда мой отец подал прошение. Что он хотел — это образование его сыновей на казенный счет, что было дано Высочайшим распоряжением. Я тогда был слишком

молод, мне было 3 года, а мой брат был принят в 2-ю гимназию в Петербурге, потому что мой отец очень верил в классическое образование, а 2-я гимназия была одна из лучших. И зимой с 13-го на 14-й год в гимназии была эпидемия скарлатины, и мой брат заболел, она пошла на уши, ему была сделана операция, и он потерял слух. Поэтому по совету врачей решили летом 1914 года поехать в Швейцарию и там повидать одного специалиста, чтобы сделать четкий анализ. И когда мы оказались в Швейцарии, была объявлена война, возвращаться в Россию через Германию было невозможно. Поехали в Италию, где у нас были русские друзья, некоторое время были там, в 16-м году решили вернуться, и опять-таки в Париже задержались еще 4 месяца, потому что там был знаменитый специалист по ушам. В Лондон приехали в январе 17-го года, и у нас был билет через Норвегию, Швейцарию в Петроград, как он тогда назывался. И тут получили телеграмму, чтобы мы ожидали приезда знакомых, которые были назначены в посольство. И так задержались в Англии, потом произошла февральская революция, и я остался в Англии и получил здесь образование. Теперь — как я стал начальником канцелярии?

В. Да. И каков ваш титул?

О. Я просто Иван Иванович Билибин, начальник походной канцелярии Его Императорского Высочества, Вел. Князя Владимира Кирилловича, особого какого-либо другого титула у меня нет.

В. У Вас не существует титула Вашего Превосходительства?

О. Видите ли, это можно. Некоторые пишут мне: Его Превосходительству, просто потому, что это по положению подходящий мне титул, но это официально я никогда не проводил и не требовал.

В. Когда Вы стали начальником канцелярии, где Ваша Ставка базируется?

О. Я сейчас говорю с Вами из своего дома, который

находится между Лондоном и Оксом. Я живу в деревне, это километров 8 от Рединга. А резиденция Великого Князя, у него их три: это Мадрид, Собриак в Бретани, и затем, это место образования его внука — Париж. Большее свое время он проводит в Париже и Собриаке, иногда в Мадриде. Сейчас он в Мадриде, потому что у него была операция бедра, и он хотел, чтобы ее делал испанский хирург, потому что он ее делает очень удачно. И сейчас он ждет, когда хирург ему скажет, что теперь можно путешествовать свободно.

В. А в каком году Вы стали начальником канцелярии?

О. Когда умер мой предшественник, граф Вуич, это было в декабре 76-го года.

В. Вас назначил Великий князь?

О. Да. Это было как раз после свадьбы Марии Владимировны, Вуич вскоре умер. Он жил в Брюсселе, я поехал туда на похороны, а оттуда в Собриак. Так случилось, как он мне сказал: на Вас Ильина мантия упала. В общем, я тогда лучше всего знал, что делать, и некоторое время назывался исполняющим должность, а после некоторого времени я стал начальником канцелярии.

III. ФЕДЕРАЦИЯ НА РАСПУТЬЕ

«Меркурий»,

1987, № 8

Г. И. ЛИТВИНОВА,

доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Перспективы развития Союза ССР как единого многонационального государства требуют строжайшего соблюдения конституционного принципа равенства нации и устранения помех на пути интернационализации

государства и общества. Льготы и преимущества, предоставленные ранее отсталым народам для обеспечения опережающих темпов их развития, позволили в невиданно короткие исторические сроки решить важнейшую задачу в области национальных отношений — задачу фактического равенства наций. С ее решением, в основном к концу 30-х годов, надобность в льготах отпала. Их дальнейшее сохранение стало угрожать созданием нового фактического неравенства: ранее отсталые народы стали перегонять народы, оказывающие им помощь. По итогам переписи населения 1979 года среди наций, отличающихся низкими (ниже общесоюзных) показателями обеспеченности занятого населения специалистами высшей квалификации, оказались русские, белорусы и народы Прибалтики, имевшие до революции самые высокие показатели грамотности. А среди народов, имеющих наивысшие показатели, — народы Закавказья и Средней Азии, отличавшиеся до революции крайне низкими показателями грамотности (см. «Население СССР». М., 1983, с. 117). Самыми низкими эти показатели оказались в экономических районах, расположенных на территории РСФСР: Западно-Сибирском, Уральском, Волго-Вятском, Центрально-Черноземном, Поволжском. Эти районы тяжелой промышленности и топливно-энергетической значимости ныне обеспечены специалистами высшей квалификации в 3 раза ниже, чем Грузинская ССР. Вызывает сомнение национальная направленность подготовки научных кадров. В 1973 году среди научных работников СССР самую низкую квалификацию имели русские и белорусы. У них был самый низкий процент лиц, имеющих ученую степень (см.: Пучков И. С., Попов Г. А. Социально-демографическая характеристика научных кадров. М., 1976, с. 73). Тем не менее на 100 научных работников было аспирантов: среди русских — 9,7 человека; белорусов — 13,4; туркмен — 26,2; киргизов — 23,8. Эта тенденция сохраняется, усиливая новое фактическое неравенство наций.

Вымиравшие до революции казахи, киргизы, туркмены и другие народы азиатской части страны ныне отличаются самым высоким в мире естественным приростом населения, тогда как русские и украинцы, имевшие до революции самый высокий естественный прирост населения, сейчас оказались перед угрозой депопуляции (вымирания).

Во всех союзных республиках, включая РСФСР, удельный вес коренной нации в составе студентов, аспирантов, научных и руководящих работников, высших органов власти и управления выше, чем в составе населения, в то время как в составе промышленного рабочего класса он, как правило, ниже. Перепись населения 1979 года зафиксировала удивительный феномен: процент лиц с высшим образованием у таджиков, проживающих на территории своей республики, в два раза выше, чем у таджиков, проживающих в соседней Узбекской ССР, хотя там они также являются коренным населением, но как бы «второсортным» коренным для Узбекистана. В аналогичном положении оказались и некоторые другие нации.

Перепись населения 1979 года, как и перепись 1970 года, показала рост удельного веса коренной нации в большинстве республик. Это объясняется не только высоким уровнем рождаемости, но и характером миграции, усиливающимся стремлением нации жить на территории «своей» республики, так как здесь ей предоставляются льготы. Так, в Грузии и Азербайджане сократилась даже абсолютная численность армян, русских, украинцев, усиливается национальная замкнутость, национальное сцепление.

В 50-е годы доходы колхозников Узбекской ССР*

---

* Статья была написана до того, как стали известны «узбекское дело» и ферганские застенки «наследников Тимура». Насколько легче было бы у нас на душе, если бы мы знали, что все эти доходы и льготы действительно улучшали жизнь узбекских крестьян пусть даже за наш счет (*прим. ред.*).

были в 9 раз выше, чем в РСФСР, а стоимость валового сбора продуктов растениеводства за 1 трудовой день по закупочным ценам в Нечерноземной зоне оценивалась в 10 раз ниже, чем в Узбекской ССР и в 15 раз ниже, чем в Грузинской ССР (см.: Волков И. М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. — «Вопросы истории», 1970, № 6, с. 13—16). Образовавшаяся в итоге региональная (республиканская) дифференциация в условиях и оплате труда сельского населения явилась основной причиной избыточных миграционных оттоков, особенно молодежи, из сел европейской части СССР и низкой миграционной подвижности населения сел Средней Азии.

В 80-е годы на каждые 100 человек, вступающих в пенсионный возраст, в РСФСР будет приходиться только 85 человек, вступающих в трудоспособный возраст, а в Таджикской ССР — 322 (см. «Итоги Всесоюзной переписи населения». М., т. II, с. 16—17, 241—244).

Однако трудно рассчитывать, что это трудоизбыточное население уедет из родных мест в другие районы с менее благоприятными условиями, где стоимость жизни выше (дополнительные расходы на зимнюю одежду, топливо и т. п.), работать надо больше, а оплата труда — ниже.

Различия в миграционной подвижности вызвали различия в возрастной структуре сельского населения, что, в свою очередь, привело к различиям в уровне рождаемости и естественного прироста населения. До 1940 года эти различия были незначительны. В 1960 году самый низкий естественный прирост населения (в Эстонии) отличался от самого высокого (в Таджикистане) в 6 раз; в 1975 году этот разрыв увеличился до 15, а в 1981 году — до 22 раз; естественный прирост населения Латвии в 22 раза меньше, чем в Таджикистане (см. «Народное хозяйство СССР в 1970 г.». М., 1971, с. 50—51; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.». М., 1976, с. 42—43; «Население СССР». М., 1983, с. 190).

Наблюдается ускоряющийся рост удельного веса населения республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья в составе населения СССР и падение удельного веса населения славянских и Прибалтийских республик. В большинстве областей Нечерноземной зоны РСФСР сокращается абсолютная численность населения. Еще 3—4 десятилетия тому назад население всех республик Средней Азии, вместе взятых, было в четыре раза меньше, чем Украинской ССР. Сегодня это соотношение сохранилось лишь среди лиц пенсионного возраста, тогда как младшие поколения (дети и подростки) сравнялись по своей численности. Это значит, что в ближайшие полтора-два десятилетия численность населения республик Средней Азии сравняется, а затем станет быстро опережать численность населения Украины, так как среди новорожденных это превосходство уже существует. Население республик Средней Азии, недавно уступавшее по численности РСФСР более чем в 10 раз, сегодня сохраняет этот разрыв только среди пенсионеров, тогда как численность детей и подростков различается всего лишь в 2,8 раза. И все эти огромные изменения произошли при жизни одного поколения.

Целесообразно рассмотреть возможности корреляции всей политики Советского государства с учетом тенденций развития социально-демографических процессов. При этом следует иметь в виду:

1. Рост удельного веса населения республик, находящихся на дотации из общесоюзного бюджета либо дающих наименьший процент отчислений в общесоюзный бюджет, с одной стороны, и падение удельного веса населения республик, формирующих основную часть общесоюзного бюджета — с другой (см.: «Законы о бюджетах за 1924—1984 гг.») — способен усилить бюджетную принадлежность в СССР.

2. Рост удельного веса населения республик, потребляющих продукты питания, производящих их в меньшем объеме, чем удельный вес их сельского населения и па-

дение удельного веса, а также абсолютной численности сельского населения республик, производящих основную массу продуктов питания, способен усилить дефицит продовольствия, осложнить решение продовольственной программы.

3. Рост удельного веса республик с преимущественно сельскохозяйственным населением и сокращение удельного веса населения республик и наций, за счет которых формируется промышленный рабочий класс, может осложнить социально-экономическое развитие Союза ССР.

4. Падение удельного веса наций, обладающих наибольшим опытом работы в сложнейших отраслях экономики и науки, и рост удельного веса наций, в наименьшей степени обладающих таковым опытом, способны затормозить научно-технический прогресс.

5. Падение удельного веса наций, отличающихся наибольшим военно-историческим опытом, может осложнить решение военно-стратегических задач. Перепись населения 1979 года подтверждает прогнозы американских ученых о том, что с 2000 года Советская Армия станет преимущественно мусульманской (американцы рассчитывали по религиям, а не по нациям).

Сохранение до сего времени опережающих темпов социально-экономического развития нерусских народов по сравнению с русским привело к отставанию важных характеристик его социально-экономического, демографического и культурно-политического развития от большинства других народов, которым он помогал и продолжает оказывать помощь. Так, по переписи населения 1970 года обеспеченность занятого русского населения специалистами с высшим образованием как в городе, так и в селе оказалась в полтора-три раза ниже, чем у народов Средней Азии, Казахстана, Закавказья. Практически русские оказались по этому показателю на последнем месте из числа наций, имеющих союзные республики, тем не менее крупнейшие вузы РСФСР по-прежнему отдают до 25% своих мест для внеконкурсного

зачисления представителей ранее отсталых, а ныне передовых народов, усугубляя этим новое фактическое неравенство.

Законы о бюджетах по-прежнему создают наиболее льготный бюджетный режим для республик Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Помимо высокого (до 100 процентов) отчисления в бюджеты этих республик от налога с оборота — основного источника бюджетных поступлений, эти республики, как правило, получают в свой бюджет все 100% подоходного налога с населения, тогда как РСФСР никогда не получала более 50%, не говоря уже о том, что эта республика никогда не пользовалась дотациями из общесоюзного бюджета, играя решающую роль в формировании общесоюзного бюджета.

Хотя в РСФСР самая высокая нагрузка посевных площадей на 1 занятого колхозника и самое большое количество отработанных в году человеко-дней, доходы колхозников здесь сравнительно низкие, почти в 2 раза ниже, чем в Таджикской ССР, где земельная нагрузка пашни на одного колхозника в 8 раз ниже, чем в РСФСР (см.: «Народное хозяйство СССР в 1982 г.». М., 1983). Низкие доходы сельского населения РСФСР, особенно Нечерноземья, следствие низкой рентабельности ее колхозов и совхозов. Отрицательная совокупная рентабельность сельского хозяйства РСФСР объясняется прежде всего политикой закупочных и розничных цен. Через эту политику осуществляется основное перераспределение национального дохода, создаваемого в республике, регионе. Закупочные цены на одну из основных производимых в РСФСР сельскохозяйственных культур — картофель не восполняют даже затрат на его производство. В хозяйствах Нечерноземья себестоимость центнера картофеля составляет 9 руб. 61 коп., а сдают его государству по 6 руб. 6 коп. (с учетом скидок на крахмал, нестандартность и т. д.). Таким образом, чем больше хозяйство произведет картофеля, тем выше убыт-

ки. Убыточно также производство льна и другой производимой на территории РСФСР сельхозпродукции. Вместе с тем цены на хлопок, рис, чай, цитрусовые и другие производимые в южных республиках культуры дают возможность их производителям получать достаточно высокие доходы. Достаточно такого сравнения. Производство картофеля и цитрусовых требует почти одинаковых затрат труда, поэтому и цены на них во всем мире почти одинаковы либо различаются в два-три раза, и только в СССР это различие 20—35-кратное: картофель стоит в 20 раз (по сравнению с апельсинами) или в 35 раз (по сравнению с лимонами) дешевле, чем цитрусовые. Налоговая политика по-прежнему остается наименее благоприятной для РСФСР.

Несмотря на то, что РСФСР производит более половины мясомолочной продукции, население ее областей обеспечено этой продукцией наихудшим образом, давно и постоянно испытывает дефицит оной, тогда как другие республики находятся в лучшем положении.

Плохая обеспеченность русских областей продуктами питания вынуждает их население ездить за продуктами в соседние области Украины, Белоруссии, Прибалтики, где снабжение лучше. Эти наезды вызывают у местного населения антирусские настроения.

РСФСР отличается наихудшим развитием инфраструктуры. Здесь выше, чем в других республиках, процент семей, не имеющих отдельных квартир, живущих в общежитиях. Между тем жилищная обеспеченность РСФСР должна быть не хуже, а лучше, чем в других регионах, уже в силу того, что более трети ее территории расположено в суровых климатических зонах. Россия плохо обеспечена дорогами. По протяженности дорог с твердым покрытием на квадратный километр территории она занимает среди республик последнее место, незначительно опережая лишь Туркменскую ССР, 85% территории которой — пустыня! (см.: «Народное хозяйство СССР в 1982 г.», с. 311).

У русского народа существенно ограничены возможности реализации политических прав по сравнению с нерусскими народами. Так, составляя в 1980 году более половины взрослого населения страны и более 60% промышленного рабочего класса, русские составили всего лишь 26% депутатов Верховных Советов союзных республик, 35% — депутатов Верховных Советов автономных республик и 45% депутатов местных Советов (см.: «Итоги выборов в Советы»).

Таким образом, русские представлены в высших органах власти в два раза ниже, чем в промышленном рабочем классе, что противоречит положению о ведущей роли промышленного рабочего класса.

Не лучше обстоит дело и с национальной историей, наукой и культурой. РСФСР — единственная из республик, не имеющая своей Академии наук. Демографическая ситуация Средней Азии, где проживает около 10% населения СССР, изучается в четырех республиканских академиях наук, тогда как ситуация в вымирающей Нечерноземной зоне РСФСР, объединяющей четверть населения СССР, — ни в одном академическом институте. Институты Академии наук СССР, естественно, республиканской и региональной тематикой не занимаются. РСФСР ныне единственная из республик (включая автономные), не имеющая своей опубликованной истории.

Военные подвиги каждого из Героев Советского Союза — киргизов отражены в республиканской научной и художественной литературе, воспеты в музыкальных произведениях, кино, живописи. Ведь маленькая Киргизия имеет Академию наук с ее гуманитарными институтами, включая Институт истории, и киностудию, и союзы писателей, композиторов, художников и т. д. А вот о подвигах 260 Героев Советского Союза — уроженцев Смоленской области и всех 8000 Героев Советского Союза русских известно гораздо меньше. Наши далекие потомки, если они вздумают изучать историю второй мировой войны только по нашим республикан-

ским изданиям, будут удивляться: почему не воевали с фашизмом многочисленные в ту далекую эпоху русские, тем более что война шла на их территории? А если воевали, то почему не оставили в научной литературе никаких следов? Среди десятков томов научных исторических книг, в том числе и сборников документов, посвященных роли того или иного народа в разгроме немецко-фашистских войск, нет ни одной, посвященной роли русского народа. В любой республике, исключая РСФСР, в школах дети учат историю СССР и историю своего родного края, республики. Это воспитывает любовь к родному краю, к своему народу, к своей партии. В русских школах учат только историю СССР.

По переписи 1979 года по числу лиц с высшим образованием на душу занятого населения русские оказались среди народов РСФСР на 16-м месте у горожан и на 19-м месте у сельских жителей, уступая в полтора-два раза даже бесписьменным в недавнем времени народам — бурятам, якутам, чукчам.

Искусственно заторможенные темпы социально-экономического и культурно-политического развития русского народа привели к тревожным демографическим результатам: у русских произошло самое резкое падение рождаемости (при оценке уровня рождаемости у русского населения следует делать поправку на его механический прирост за счет ассимиляции. До 98% детей, рожденных в смешанных с русскими браках, особенно в русско-татарских и русско-еврейских семьях, называют себя русскими. Этот механический прирост существенно улучшает демографические характеристики русских и ухудшает их у евреев, татар и других народов, имеющих отрицательное ассимиляционное сальдо). Нация оказалась перед угрозой депопуляции. Уровень рождаемости у русских уже давно не обеспечивает простого воспроизводства населения. Все большее количество семей ограничивается одним ребенком. Демографическая деградация русского народа выражается и в том, что продолжи-

тельность жизни мужчин в русских селах многих областей (Архангельской, Калининской, Новгородской, Псковской и др.) упала до 54—57 лет и составляет на 5—7 лет ниже, чем по сельской местности СССР в целом. Пагубное влияние на здоровье русской нации оказывает тот факт, что русские женщины составляют большинство лиц, занятых на физических, неквалифицированных, вредных для женского организма работах, а это негативно влияет на здоровье их детей. Малочисленность детей в русских селах приводит к закрытию школ либо к малочисленности учеников — 10—15 учеников на школу. В таких школах 1—2 учителя ведут все предметы. Оканчивающие такие школы ученики оказываются в худших стартовых условиях, что тормозит возможности их дальнейшего социального движения по сравнению с детьми других республик.

Экономическая, социально-демографическая и национальная политика Советского государства должна строго подчиняться конституционному принципу равенства наций, равенства не только их прав, но и возможности реализации этих прав для представителя любой, в том числе русской, нации во всех сферах материальной и духовной жизни общества.

По каждому из изложенных здесь положений может быть представлена развернутая аргументация и фактический материал.

*«Московский вестник»,
1988, № 2
Е. ДЕРГУНОВ*

НАСТУПАЕТ НАРОДНЫЙ ФРОНТ

В октябре 1988 года состоялись республиканские учредительные съезды Народных Фронтов Эстонии, Латвии и Литвы. Наиболее представительным и собравшим

наибольшее число гостей из СССР и зарубежных стран был съезд в Таллинне 1—2 октября. Около 2,5 тысячи делегатов, 500 гостей, 500 журналистов, включая зарубежных. Одновременно с респектабельным приемом гостей эстонские «фронтвики» предусмотрели 3 октября Всесоюзный семинар на тему «Перспективы развития движения Народного фронта в СССР». В этом семинаре приняли участие представители всех регионов СССР, где Движение Народного фронта получило заметное распространение. Если предыдущие встречи народофронтовцев СССР проходили «подпольно» (без официального разрешения властей), то семинар в Таллинне проходил в роскошном Дворце культуры профсоюзов. «Мы чувствовали себя, как российские социал-демократы на II съезде в Лондоне», — сказал один из участников семинара в Таллинне.

8—9 октября состоялся Учредительный съезд Народного фронта Латвии, а 22—23 октября — съезд Саюдиса, так называется литовское движение за перестройку.

Что общего можно отметить в движении Народного фронта Эстонии, Латвии и Литвы? Прежде всего — массовость, сплоченность и активность прибалтийцев в решимости отбросить прогнившее прошлое и проводить радикальные экономические и политические реформы. Не может не вызвать одобрения и даже зависти, особенно у российских патриотов, гордый патриотизм и национальное единство эстонцев, литовцев, латышей. Хотя не может не вызвать опасения тенденция перехода патриотизма в национализм, национальный эгоизм и экстремизм. Но не националисты и экстремисты определяют политику и практическую деятельность фронтвиков, а достаточно мудрые руководители и активисты, хорошо чувствующие политическую ситуацию и реально оценивающие возможности народного движения на современном этапе. Они выступают со смелой позитивной критикой своего республиканского руководства, но одно-

временно осуществляют политику широкого сотрудничества с прогрессивными партийными и государственными руководителями. Полная конфронтация и курс на гражданскую войну явно не входят в программные установки народных лидеров Прибалтийских республик.

Надо подчеркнуть, что Программы Народных фронтов Прибалтики не навязывают своим членам каких-то жестких общественно-политических концепций, какой-то одной модели социализма или экономики. Предполагается, что экономические и политические реальности должны сформироваться практическим путем в ходе осуществления курса на народовластие, демократические преобразования и построение правового государства.

В экономических программных установках народофронтовцев Прибалтики звучит идея республиканской самостоятельности (республиканского хозрасчета). Особенно это отчетливо проявляется в Эстонии, где поднимается вопрос о введении собственных денег. Широко приветствуется использование опыта западных буржуазно-демократических стран и использование западного капитала. Возникает вопрос, будут ли бескорыстны западные миллионеры в Эстонии? Не приведет ли ориентация на Запад к экономической зависимости и денежной задолженности Западу (вспомним Польшу)?

Конечно, проблем в Прибалтике и прибалтийском Народном фронте достаточно. Но именно отставание в решении давно назревших проблем и вызвало мощный подъем народного движения в Латвии, Эстонии, Литве. Это Движение только в самом начале. Пожелаем ему успеха.

МОЛДАВСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОДДЕРЖКУ ПЕРЕСТРОЙКИ

Демократическое движение в поддержку перестройки возникло в Молдавии 3 июня 1988 года на объединенном собрании представителей творческих союзов республики. Была разработана программа, намечены формы работы. В трудовых коллективах создаются группы поддержки, которые возглавляются уполномоченными. Уполномоченный держит связь с инициативной группой и доносит до своих товарищей информацию, идущую из центра, а также вносит в инициативный комитет свои предложения. Мы выходили в печать с предложениями создавать опорные группы и звонить об их создании по телефонам ДД. 29 июня 1988 года мы провели первый свой митинг, посвященный речи М. С. Горбачева на XIX партконференции, а также сообщению о создании и действии ДД. Был прочитан проект программы и инструкции группам поддержки. Была выражена полная поддержка выступлению М. С. Горбачева на партконференции. Власти разрешили провести митинг (1,5 часа), но не позволили использовать какую-либо усиленную аппаратуру.

Второй митинг, о котором было объявлено еще 29 июня, был посвящен памяти жертв сталинских репрессий (в 1949 году, с 6 на 7 июля, тысячи молдавских семей были вывезены в товарных вагонах в Сибирь).

За два дня до митинга приехавший недавно с конференции Н. Цу, первый секретарь Кишиневского горкома, вдруг изъявил желание участвовать в нашем митинге, причем не просто участвовать, а вести его. Он вызвался представить наше движение, рассказать о нем, тем самым как бы легализовать. Мы были вынуж-

дены согласиться на это сотрудничество, хотя место, которое нам предложил исполком, нас не устраивало — вместо уже привычного Парка Победы, где люди привыкли проводить митинги, нас услали в ЦПКиО, на лестницу. Однако тот факт, что сам Николай Антонович согласился на участие в нашем митинге, был представлен нам как необычайный успех, невероятное везение не только работниками горкома, но и одним из наших товарищей, В. Ефремовым, который действовал, как потом стало ясно, отнюдь не бескорыстно.

Итак, 6 июля. Тысячи людей собрались на лестнице, под палящее июльское солнце. Н. Цыу открывает митинг — усилители работают прекрасно — и... читает по бумажке о том, что конференция — это... ну и так далее, как это обычно говорится номенклатурными работниками. Его, конечно, освистали и согноли с трибуны. Ни слова о движении он не сказал, как обещал, и ни слова о том, что митинг наш посвящен не его приезду с конференции, а совсем другому событию. Затем выступили ораторы — по одному со стороны горкома и со стороны движения — так было договорено заранее. Причем делегаты горкома почему-то старались напасть на собравшихся и обвинить их в невоспитанности, в каких-то других грехах, явно вызывая слушателей на скандал. Так как провокации не удавались, наши выступавшие смогли высказать все, что они думают о сталинизме, о репрессиях, о сегодняшнем руководстве Молдавии, которое довело республику, нашу цветущую и солнечную Молдавию, до нищенского существования. М. М. Кикот, работник прокуратуры МССР, привел данные, из которых следует, что репрессии продолжают у нас и по сей день, пусть они не так открыты, как в те времена, но сказать, что сталинизм — дело прошлого, нельзя и сегодня. Все присутствующие зажгли свечи.

На второй день в печати появляется информация, в которой ни слова о нас, о движении, ни слова о теме митинга, о выступавших на нем. Все извращено, пере-

врано и искажено. И нет стыда перед всеми теми, кто был на митинге и собственными глазами все это видел. Зато В. Ефремов, бывший наш товарищ, сказал нам, что мы поступили нехорошо по отношению к партии, допустив критику в адрес нашего руководства. Уже позднее мы узнали, что В. Ефремов, бывший работник аппарата, примазался к движению, чтобы вновь попасть в доверие к бывшим хозяевам, выгнавшим его отсюда за какие-то неблагоприятные поступки. «Продав» движение, он тем самым «реабилитировал» себя в глазах аппарата. Но видно, для полной реабилитации недостаточно было просто высказать нам свое отношение. И вот т. Ефремов делает следующий шаг: он пишет о нас огромную разгромную статью: «Неформально о неформалах» (29 июля, «Советская Молдавия»), которую сразу же, как это обычно у нас делается, перепечатали и другие партийные газеты, хотя частные материалы обычно под это правило не подпадают. Итак, наше руководство после всего лишь двух митингов почувствовало опасность и ринулось в бой. Вот уже три раза подряд нам запрещают провести митинг в поддержку резолюции XIX партконференции «О гласности». Нам даже письменно решили не отвечать. Чувствуется, что инициатива снизу пугает власти, они не знают, как на нее реагировать и что от народа ждать. Поэтому, во избежание всяких недоразумений, пытаются просто запретить все собрания и объявить нас вне закона. Считаю необходимым объединение всех демократических сил в стране, проведение всесоюзного форума и создание общей программы действий, которая сплотила бы разрозненные силы, укрепила бы положение участников движения и показала бы, что мы не экстремисты и не ставим своей целью свержение советского строя, в чем нас постоянно обвиняют сейчас.

ЧЕЧЕВИЧНАЯ ПОХЛЕБКА

*(О неотъемлемых правах, интернационализме,
языках и медведях)*

Чего только не приключалось на древней земле Эстонии! Залетали гигантские метеориты, наваливались крестоносцы-меченосцы, ратники Ивана Грозного лютовали, Северная война с ее чумой и голодом туда-сюда утюжила... И все никак Эстония и эстонцы вгладь не укладывались, поднимались, несмотря на лихо, все крепче упираясь в родную землю. А она платила своим детям ответно — силой, теплом, добром. Последнее нашествие упырей-сталинистов, казалось, под корень должно свести упрямец эстонцев, ан нет. Массовые депортации в холодные края, планомерная резня «по науке», неслыханная в своем идиотизме идеологизация, глушившая самый дух нации, — перечень приемов можно бы продолжить, но не управились-таки соратники «отца народов» с Эстонией. И вот теперь, после 40-летнего мрака «небывалого развития и расцвета», взрастившего по всей стране дурную поросль так называемого «застоя», стоило чуть прокосить брежневско-черненкоковский бурьян, как снова пошел в рост (кто бы подумал?!), неосталинизм...

Именно такое чувство, даже убеждение, возникло у автора, побывавшего 19 июля на митинге Интернационального движения в Таллинне. Слова и лозунги — ну куда уж правовернее, цвета транспарантов и флагов — самые наижелательнейшие, без всяких там синих и черных, но от всего собранного шел такой густой, крепкий сталинский душок, что с трудом верилось: это — наяву, взаправду?

Впрочем, психология коммуналки, где люди не род-

ные, сведенные под одну крышу не по желанию, волей обстоятельств, тихо недовольные соседом — знакома всем до скуки. Не удивительно и то, что подавляющее большинство давно или недавно приехавших в республику русскоязычных жителей к коренному населению относится не как к ближайшим родственникам. Что там лицемерить — русский человек на каждом шагу чувствует в Эстонии чужбину. Весь стиль жизни, уклад хозяйства, хутора, а не деревни, архитектура, фольклор, да даже флора и климат здесь разнятся с тем привычным, что для русского человека сливается в понятие «Россия». А что до языка — то уж статья особая.

Нынче, как гласность объявили из первой Столицы, кто и что только не пишет, не говорит, о двуязычии сем пресловутом. И все — в проблемном тоне. Уж и преподавателями-то недообеспечены, и учебниками, а что до платы (да еще живыми деньгами!), то даже фантастические цены на основной продукт недавних времен — алкоголь — цена обучения превосходит несообразно с разумом. Да и сам язык эстонский, в случаях поездки какой престижной, в «тамошних» магазинах валюты не сэкономит. В здешних же и с ним больше нормы не урвешь, а и меньше уже не будет.

Но что больше всего раздражает приезжего, так это отсутствие у эстонцев активного проявления бурного восторга по поводу массового въезда в Эстонию представителей народа-исполина. И это тем более что в покинутых родных просторах по сей день дважды в сутки радио звонко распевает: «...сплотила навеки великая Ру-у-сь»!

Сталинизм — говорю я, потому, что все эти рассуждения еще и сейчас из сотни читателей лишь последний как ересь не воспримет. Да и тот, пожалуй, не тридцать пять, а всего-то пять лет назад над собой усилие не сделал бы, чтобы не только слушать подобное, а и мысль о сомнении в «святых» идеалах допустить. О двуязычии же, гражданстве каком-то непонятном, да еще идеи ра-

венства прав (это среди нас, наравнейших в мире!), об этом национализме-интернационализме, так всех занимающем теперь в Эстонии... Тишь была да гладь, да Единственно-Научная, Материалистическая благодать.

Догадывались, правда, что эстонцы все еще чем-то недовольны, о чем-то меж собой говорят на своем не постижимом языке, но это хоть и не очень радовало, но и не трогало очень уж. Привычно было издавна, с «тех» времен. Да и не возникало интереса: что это они, о чем?

Но вот стало вдруг — невмоготу! Больше мы, представители народа-исполина, терпеть не можем... Жара июльская, время отпусков, на пляж бы, а на площади Эстонских Красных Стрелков тысячеголосое: «Не допустим!..» «Не позволим!..» Один из ораторов даже «русского медведя» помянул в том смысле, что он, коли его рассердить... и так далее.

Националисты, экстремисты — еще не самое крепкое, что звучало в этот день в адрес эстонского населения Эстонии. Много было говорено, а все в одном, таком всем давно знакомом, до зубной боли, духе. Русскоязычная пресса республики, дай Бог, если месяца четыре как стала более-менее адекватно освещать темы, уже не первый год обсуждаемые в эстонских газетах и журналах. Наверное, поэтому суть проблем, насущных для всего населения республики, для ее русскоязычной части, мягко говоря, свежа и неожиданна. Отсюда и крик. Задор и накал. Полнейшее единодушие. Яростная готовность поддержать, недопустить, дать отпор и, конечно же, еще тесней сплотиться, как в «наилучшие времена», вокруг чего положено.

Единственное, что забыли прихватить вместе с верно-подданнейшими чувствами и лозунгами собравшиеся интернационалисты, так это — желание понять. Услышать мнение, отличающееся от собственного. Просто терпимость. К тем, кто смеет думать, говорить и, чурчур... даже делать что-то, не испросив предварительно высочайшего согласия. К тем, кто поверил в назойливые

призывы к гласности (после долгого безгласия), призывы к утверждению демократии (после удушения чиновничеством любой общественной активности), поверил в возможность возрождения человечности в государстве.

Отчего бы это тянет таллиннских интернационалистов не к человеческому диалогу, а к аналогиям с «сердитым русским медведем»? Видимо, хочется внушить не уважение, а страх?

Что ж, уже боюсь. Очень боюсь, что собравшимся (а может, собравшим?) на этот митинг было невдомек, как далеки от желания «трогать» русскоязычное население эстонцы. У самых радикальных объединений Эстонии об этом и речи не шло и не идет, несмотря на то, что сами речи ведутся на этом непонятном пламенным интернационалистам языке коренного населения. И дело тут, пожалуй, не в языке, а в руке, что направляла русскоязычную колонну, дирижировала народными движениями и раньше, а еще раньше крутила ус, заодно сворачивая шею. Русские шеи, между прочим, тоже.

Так что же именно «не позволить» так грозно обещает интернациональное движение этим непослушным эстонцам?

Может, независимости от разрушительного диктата далекой столицы, где по сей день красуется бюст Отца и Учителя на самой главной площади страны? Там, прямо за мавзолеем, налево... Но независимость (погодите свистеть и топтать, вздумайте без истерики) — это гарантия достойной каждого жителя Эстонии свободы. Да-да, не бледнейте от возмущения, свободы. Свободы для живущих на этой земле эстонцев, русских, армян, украинцев, евреев, татар и всех других наций, от произвола номенклатурного чиновника, за тысячу с лишним километров отсюда решающего, как нам жить, о чем говорить и думать, что и сколько есть, пить, где и для чего работать, сколько отдать ему, сколько оставить себе...

Ведь это не в Сибири решался вопрос о повороте сибирских рек.

Не в Узбекистане и не узбеки выдумали превратить целую республику в монокультурную хлопковую провинцию великого и могучего государства.

И не эстонцы, заманив русских в северо-восточные районы Эстонии, устраивают последним сегодня экологическую катастрофу. Вода, что в этих районах, может стать вредной для здоровья, просто исчезнуть; хлеб, что едят там и русские, и нерусские, может пропасть не возвратно; воздух, которым дышат и националисты, и интернационалисты, уже становится опасным для здоровья, самой жизни. Можно спорить, чего тут больше: прихоти истории, судьбы или преступной воли центральной власти. Но вряд ли кто-нибудь из приехавших в Эстонию из разоренных «мудрым руководством» районов страны был так голосист дома. Покорно участвуя в клоунских «выборах», смиренно стоя в бесконечных очередях, чтобы отоварить карточки на продукты, потупясь долу, безмолвно слушая наглуую демагогию местных партийных бонз, наевших сытые и свирепые морды на дефиците из закрытых распределителей. Пусть бы еще временщики, залетные, перекаати-поле — этих еще можно бы понять. Им лишь бы масло не по карточкам, а там хоть потоп на весь мир. Свои бы валенки не замочить, и ладно.

Но вы, живущие, рождающие и хоронящие в Эстонии русские люди, почему вы так боитесь и ненавидите самостоятельность, суверенитет, независимость вашей, как вы кричали на митинге, республики?

Не хотите стать настоящими хозяевами своей земли, дома?

Тянет к зависимости, подчиненности?

Сталинской дубины спина просит?

При нем «от Москвы до самых до окраин» и вас, и нас под одну дуду работать, думать, жить и умирать пытались приучить...

А может, все проще и хуже?

Не зная языка, не понимая уклада непривычной вам

жизни, культуры, вы тянетесь под руку привычного «сильного хозяина», не мысля уже о жизни без ошейника?

Сменив родные, но голодные края, не хотите оказаться в сытных, но непривычных, «нерусских» условиях?

Без языка чувствуете себя неуютно и, не имея надежды переделать эстонца на псковский, новгородский, рязанский лад, инстинктивно прибегаете к доводам «большого медведя». Что тут сказать, только то, пожалуй, что и чингисхановы орды были по составу интернациональны. Начинали они тоже решительно и грозно... Кровь (чужую) лить не робели.

Святая уверенность в неотъемлемом праве поучать хозяев на том основании, что с 1940 года советский солдат сушит портянки и в Эстонии. Право учить эстонца, как булку маслом мазать и «спасибо» говорить, основанное на самом факте вашего пребывания здесь и сейчас.

И нет вам дела до того, что эстонцы это умеют делать (не хуже, чем вы делали в своих родных краях) уже пять тысяч лет. И учителей за это время перевидали — дай Бог...

Датчане, немцы, русские, короли, императоры, генеральные и районные партсекретари — долго перечислять всех бывших и сгинувших. А Эстония — песчинка меж наковальней и молотом истории, ее неполный миллион упорных, трудолюбивых и прохладно вежливых к любым пришельцам и учителям жителей — есть!

Их ненавидели. Презирали. Угнетали. Убивали. Почуали. Переучивали. Продавали. Выселяли.

Многие из них не устояли. Кто-то убежал. Кто-то изменил.

Но народ Эстонии пережил все. Со своим непонятым пришельцам языком, своим врожденным упорством, гордостью и кажущейся холодностью он сделал эту землю такой, какова она есть. Он не бросал своей каменистой, суровой земли. Не искал другой, более сыт-

ной, чистой, нарядной, культурной жизни. Не бежал из разоренного жестоким или неуемным правителем дома.

Эта неотступная верность земле своих предков, упорство и непоказное трудолюбие (не гневайтесь, бросившие так любимую вами Россию) — лучшее доказательство права быть законными хозяевами своей земли, звать ее своим именем. Доказательство для всех времен и народов.

Эстония не так велика, как Русь.

Она не присоединяла к себе земель. Не крестила иноверцев в свою веру. Не прорубала окон в Европу или Азию. Не искала выходов к другим морям. Не учила народы других стран говорить по-эстонски. Не добывала богатств из-под ног чужеземных народов. Никогда.

Сражаясь за свою независимость в Освободительной войне 1918—1920 годов, эстонцы разоружили и интернировали белую армию, оказавшуюся в Эстонии и рвавшуюся в бой с большевиками. Не приняв столь соблазнительную помощь в час тяжелейшей для народа войны, Эстония одержала победу. Немецкие войска, пресловутый Ландесвер, одновременно с Красной Армией дравшийся с эстонцами, также потерпели поражение. Доблестные Красные латышские стрелки под командой славного главкома Троцкого, командовавшего войском Советской России, бились чуть ли не бок о бок с немцами. Как и семь веков назад, когда Генрих Латвийский с немецкими крестоносцами убивал эстонцев. Эстония была и осталась крепким орешком для завоевателей. Освободительная война показала великим империям, как можно обломать зубы об эстонский характер. Поэтому, наверное, история так протипифуруется по сей день стараниями новоявленных густавов наанов, в. ильяшевичей (они же «о. мийли») и подобных квислингов.

Ленин в свое время понял то, что никак невдомек сегодня голосистым интернационалистам. Тартуский мир, заключенный с Эстонией, принес молодой Советской России не только передышку в жестоком сражении за

существование Советской власти. Повысив международный престиж ленинской дипломатии, способствуя доверию к большевикам со стороны демократических стран, этот договор немало способствовал прорыву международной изоляции, в которой к 1920 году оказались полагавшиеся только на «товарищ маузер» строители нового государственного порядка.

20 лет эстонцы сами ели свой хлеб, говорили на своем языке, хорошо или плохо, но сами распоряжались на своей земле. И обошлись без резни коллективизации, без костоломной индустриализации, без геноцида над другими нациями, жившими в независимой Эстонии.

Сговор сталинистов с гитлеровцами положил конец этому. То, что обе банды вскоре передрались, «освобождая» мир друг от друга, стоило крови десяткам миллионов человек. Кто-то теперь тужится подсчитать, какой нации это стоило дороже. Людоедская, по-моему, арифметика. Но не абсурдная, если приемлемо прилагательное «советская» по отношению к науке, «классовая» — к морали, «социалистическая» — к демократии... Сотрудники КГБ со мною, естественно, не согласятся.

Но «товарищ маузер» свое слово сказал. И что бы ни бубнили грозные наследники Ягоды, Ежова, Берии, Семичастного, Андропова — эстонцев не сломать!

Сталинисты с фашистами в 1940 году, деля тогдашний мир по бандитскому «кулачному» праву (в средневековье — «фаустрехт»), поделили сферы влияния. Судебный процесс в Нюрнберге отменил все договоры и акты, заключенные с фашистской Германией. Тартуский Мир не отменили даже сталинские «освободители», оккупировавшие Эстонскую Республику до нападения Гитлера на СССР. Забыли? Не посчитали важным? Просто наплевали?

Банда Сталина, устроив кровавую баню эстонцам, породила движение «лесных братьев». Тех, кто в ответ на репрессии к невинным женщинам, детям и старикам, взяв оружие, продемонстрировал сталинистам бесплод-

ность «политики большого медведя». Сталинисты прозвали их бандитами. Так же, как битые фашисты называли партизан России и Белоруссии. Но фашисты, проиграв перестрелку, умолкли. Сталинисты же, нахватав в свое время сталинских премий, кричат теперь с «перестроечных позиций». Как сорок лет назад: не пожелавшему учиться сталинской колхозной «науке» — работать не за совесть, а за страх: «Саботажник!» Посмевающим с оружием в руках заступиться за угоняемых в Сибирь жену, детей, стариков родителей — «Бандит!». НКВД, мол, вынужден был резать людей как баранов, потому как они недостаточно покорно отдавались насильнику Сталину!

Нынешние интернационалисты толкуют о том же. «Нишкни, Народный фронт, а то рассердимся!» Отъездив на эстонском сале, объясняют непонятливым эстонцам: «Мы, интернационалисты, принесли вам культуру, небывалый расцвет, интенсивное развитие...»

Позволено ли будет спросить все же: откуда?

Не из тех ли областей, где уже солдаты коров доят? Где даже заезжим членам Союза писателей СССР воды подать некому, за отсутствием в брошенных деревнях жителей? Некий Черниченко жаловался на это недавно по Центральному телевидению...

Может быть, именно там столь пламенным интернационалистам было бы полезно «не допускать», а заодно — «укреплять и развивать»? Благо в тех, родных им краях все поголовно население свободно владеет языком межнационального общения, поскольку все другие там испокон веков — неведомы. А что касается скандальных фосфоритов, так их там и подавно не водилось. И митинговать там — нужды нет!

Там, на отцовских, дедовских, прадедовских землях, надо только работать. Примерно так, как уже 50 веков это делают в Эстонии — эстонцы. Никого не поучая, как это делать. Делая работу сами. Так, чтобы, когда сделано, те, кто не умеет, попросили: «Покажите, придите и

научите — как». А до того — головы от работы не поднимать. Потом землю поливая. Своим потом — свою землю. Но не чужой кровью (не путать со своей!) чужую землю. Дом там, где кости предков.

Там — право. Исконное, первородное.

А променяв его на чечевичную ли похлебку, на эстонскую колбасу или на мультги капсад — кушайте на здоровье, — но о правах кричать погодите. И в России, как и в других краях, испокон веков было принято: коли выпала доля не дома хлеб вкушать — говори спасибо хозяевам. Тем более если они и местом поделились, молока к хлебу предложили...

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ТРАДИЦИЯ

I. ЗАКЛАДКА ХРАМА

*«Слово»,
1988, № 2*

На живописном лугу, среди высоких трав и благоухающего клевера, над чистой гладью Борисовских прудов близ Царицына подымется через несколько лет уникальный храм. 13 июня здесь, в московском районно-новостройке Орехове-Борисове был совершен торжественный молебен и установлена светло-коричневая гранитная глыба с надписью: «Здесь будет сооружен храм в ознаменование тысячелетия Крещения Руси». Слово на закладке храма-памятника сказал Патриарх Пимен, на праздничной церемонии присутствовали участники Поместного Собора, многочисленные зарубежные гости, москвичи и гости столицы.

Выступивший с приветственной речью Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчев отметил, что закладка нового храма — это исполнение просьбы, высказанной руководством Церкви во время встречи в Кремле с М. С. Горбачевым.

Каким будет этот храм, еще никто не знает. Впереди — конкурс архитектурных проектов, эскизов росписей и внутреннего убранства. Впереди много работы — и трудной, и радостной...

«ВОССТАНОВИ РАЗРУШЕННЫЙ ХРАМ...»

*(вступление к лекции «Развитие русского самосознания
и этнические взаимодействия на берегах Волхова и Невы
за последние 1200 лет»)*

Когда началось все то великое движение — «дельвиговско-англетеровское» — и когда стали защищать храмы и восстанавливать храмы, мне совершенно невольно вспомнился Франциск Ассизский. Он ведь, собственно говоря, начинал с того же, что и вы. Франциск Ассизский является совершенно уникальной фигурой западной христианской культуры. Равной фигуры там нет. У нас с ним в какой-то мере может быть сопоставлен Сергей Радонежский — по значимости. Это та личность, которая наиболее адекватно, точно воссоздала в своей жизни жизнь Иисуса. И вот его обращение, его движение ко всему тому, что он создал, началось с того, что он услышал голос, который звучал: «Франциск, Франциск! Восстанови разрушенный Храм мой». Он понял голос буквально. Он знал поблизости от тех мест, где жил, разрушенную церковь, и он решил, что голос говорит о том, что надо восстановить эту церковь. И он стал один ее восстанавливать. Таскать камни, красть камни, покупать камни, добиваться, чтоб ему дарили камни... И, собственно, эту деятельность он не оставлял в течение всей жизни. Его община восстанавливала разрушенные храмы. Но на каком-то этапе он понял, что голос был в основном не об этом. И что под разрушенным храмом имелось в виду в целом здание христианства, нуждающееся в обновлении. То есть в данном случае понятие Храма явилось к нему в том образе, который имеется в Евангелии; во всяком случае, в трактовке евангелистов — помните известные слова Иисуса, за ко-

торые он поплатился жизнью: «Я могу разрушить сей храм и в три дня воссоздать его»?.. Это рассматривали как кощунственные слова, связанные со знаменитым Иерусалимским храмом. А потом евангелисты будут трактовать, что «он же говорил о храме тела своего и о Воскресении». Ну, не только тела, а всего с ним связанного. И вот это Франциск понял: что надо воссоздавать Храм внутри души своей, внутри души своей общины. Внутри души церкви. А воссоздание конкретных храмов — тоже дело, но голос был не об этом...

Мне так чудится, что и ваше движение находится на пути от первого понимания Франциска ко второму. Потому что восстанавливать храмы надо, но для этого надо очень хорошо знать, а что же в этих храмах будет и для чего они восстанавливаются. Конечно, значительно лучше, если в храме будет не лаборатория, а музей. Но в общем-то, по великому первоначальному замыслу, в Храме должен быть Храм. Что иногда и происходит. А для этого надо знать, будет ли этот Храм — Храмом чего? И что там будет происходить. А это непросто — знать. Думаю; что в общем сейчас, на новом витке, стоит вопрос вечный, русский. Потому что русская история на духовном уровне — это постоянный с самого начала поиск своего духовного слова. Специфически русской формы духовного самосознания (обычно именуемого религией), которое, смею утверждать, все время ищется Россией, — не найдено. И смутная надежда, что эта форма духовного самосознания России, смутная мечта и предчувствие станет, может быть, и всемирно новой формой. Это брезжило давно. Это прослеживается очень давно. Наряду с имперским комплексом России. То есть все тот же вопрос Владимира Соловьева: «Каким же станешь ты Востоком: Ксеркса или Христа?» То есть и линия Ксеркса, и линия Христа идет. И недаром в наше время такой своеобразной формулой стала та формула, которой завершается фильм «Покаяние»: «Нужна ли та

улица, которая не ведет к Храму?» Прекрасная формула. Но каждая формула до бесконечности может углубляться. И надо знать, что не всякая улица, которая ведет к Храму, обязательно ведет, положим, к Христу. Не всякий Храм является Храмом — средоточием действительно высокой и истинной духовности. В некоторые эпохи она находится вне Храма. Не забудем, что Христос, который начинал проповеди свои в Храме, изгнал оттуда торгующих, а потом этот Храм — тот Храм — был оставлен его учениками. И воздвигнут новый Храм. И вот бывают такие случаи, такие странные случаи, когда улица, ведущая к Храму, может уводить в сторону от того, что ожидаешь в этом Храме найти. Ну, вспомните лучшее воплощение образа Иисуса в нашей отечественной поэзии. Это все-таки, видимо, Пастернак, да?

И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд.
И с пылкостью тою же самой,
Что славили прежде, — клянут.

У Храма могут быть и темные силы... Вспомните, что, по Гоголю, происходит в Храме ночью с Хомой Брутом?..

Поэтому эта мысль, поиск Франциска Ассизского — не восстановление церкви как таковой, не Храм как таковой, не прошлое как таковое, а воссоздание себя, своей общины, духовного состояния — это тот вопрос, который сейчас стал на повестку дня. Именно в этом году, в году праздника тысячелетия христианства на Руси...

НЕ ПОДАВАЯСЬ МАГИИ КРУГЛЫХ ЧИСЕЛ...

Хорошо все-таки, что именно в 1988 году мы празднуем Тысячелетие Крещения Руси. Представим себе, что князь Владимир крестил киевлян не в 988-м, а, скажем, в 978-м и 984 году. Тогда одним праздником в нашей жизни было бы меньше. Еще четыре года назад нам растолковали бы, что 1000-летие — праздник сугубо церковный, но не общенародный. Вспомнили бы, что князь Владимир не был марксистом, ибо укреплял феодализм, а церковные иерархи пособничали ему в этом.

Еще несколько лет назад преодолеть замшелые твердыни догматизма было сложнее, чем Владимиру взять Корсунь. Сегодня на нашей улице — и той, которая ведет к Храму, и той, которая ведет к Истории и Культуре, — праздник!

Четыре года назад и для Церкви, старательно загоняемой на задворки общественной жизни, ее праздничная радость была бы не лишена горького привкуса. Но наконец-то наше общество стало ломать перегородки, которыми оно отделяло себя и от своей собственной истории, и от своей культуры, и от Церкви.

Возвращается свобода совести. Странное это выражение — «свобода совести». Ведь совесть всегда свободна, и если она не свободна, то это уже не совесть, а что-то другое. У каждого человека есть свобода поступить по совести и свобода предать ее. И всегда — в любом обществе — поступающему по совести жить труднее. А вот о том, благополучно ли в этом конкретном обществе со свободой совести, можно судить и по тому, направляет ли общество свои структуры и законы на защиту дерзнувшего жить по совести или же оно всей мощью своего аппарата помогает ему жить «как все».

Перестройка в своем самом главном — человеческом — измерении и есть переход общества из этого, последнего режима работы в другой. Нормализуется жизнь общества — нормализуется и жизнь Церкви. Все более очевидным становится, что «религиозные потребности», потребности совести верующего человека — это не только культовые потребности. Это еще и жажда активного человеческого служения; нормально для церкви обращаться к миру, а не убегать от него.

Поместный Собор Русской Церкви в Троице-Сергиевой Лавре — свидетельство тому. Православная Церковь называет себя «соборной». Крупный русский писатель и богослов прошлого века Алексей Хомяков именно в соборности видел принцип устройства церковной жизни. Кстати, именно слово «собор» наиболее точно передает смысл греческого «эκκλeσιa» — «церковь», «собрание». Но двести лет, которые церковные историки назвали «вавилонским пленением» Русской Церкви в Русской Империи, соборная природа Церкви была ясна только богословам: ни одного Поместного Собора не смогла созвать Русская Церковь с конца XVII века по 1917 год! Принимаемый Собором 1988 года Устав призван сделать регулярно созываемые соборы нормой церковной жизни.

Нынешнему Собору надлежит подвести итоги тысячелетнего пути и в то же время наметить перспективы Церкви в перестраиваемом обществе. Собор должен показать, что Тысячелетие за плечами — это не тяжкая ноша, а источник новых вдохновений, опора в решении сегодняшних и завтрашних задач. Всматриваясь в этот десятивековой путь, нельзя не поразиться, как в самых разных обстоятельствах и эпохах Церковь смогла сохранить свое, евангельское, видение мира и человека — обновляясь, но не перерождаясь.

Давайте запомним 1988 год как Год Тысячелетия, а не как «год Дракона».

О ЕПИСКОПЕ ИЛАРИОНЕ (ТРОИЦКОМ)

Сотворим память нашим усопшим

Мы вынуждены принести читателям наши извинения: обещанная в прошлом номере биография архиепископа Верейского Илариона (Троицкого), скончавшегося в пересыльной тюрьме в Ленинграде в 1929 году, будет напечатана не в этом, а только в следующем номере.

Чтобы как-то оправдаться перед теми, кого заинтересовала судьба этого незаурядного архиерея, мы помещаем два рассказа о нем, взятых из воспоминаний одного из заключенных на Соловках.

В ясный осенний день начальник Соловецкого лагеря вместе с несколькими охранниками отправился на лодке на ловлю рыбы. Это было его обычное развлечение. Неожиданно погода изменилась. Подул ветер, пошел мелкий снег, который на воде образовал густую кашу. Внезапный морозец прихватил это снежно-водяное месиво и превратил его в тонкую ледяную корку. Местные рыбаки всегда очень боялись этого, так как лед сковывал лодку, пробиться к берегу становилось невозможным, при этом веса человеческого тела этот лед не выдерживал. Оставалось замерзать в лодке.

На берегу моря стояла группа людей и смотрела вдаль, где на горизонте маленькая лодка уже несколько часов безуспешно пыталась пробиться к берегу. Но никто даже не пробовал пойти на помощь: и другая лодка была бы обречена на гибель.

Впрочем, была и еще одна причина. Начальник лагеря слыл сущим зверем, зверем жестоким и злым...

Внезапно раздался чей-то зычный голос: «Кто пойдет со мной к нему на помощь?» Все повернулись — это говорил Владыка Иларион. Отозвались трое монахов-заклученных, которые вместе с Владыкой уселись в лодку и начали прорубать канал во льду. Позади них лед опять покрывал воду, и они двигались как бы в полынье. Охрана лагеря и заключенные остались на берегу...

С большим трудом преодолев путь туда и обратно, Архиепископ и монахи поздним вечером вернулись на Соловки вместе со зверем-начальником во второй лодке...

Первая и последняя пасхальная утреня в Соловецком лагере *

Как можно забыть эту единственную, разрешенную соловецким начальством, заутреню в ветхой кладбищенской церкви?!

Я работал тогда в театре, музее и издательстве. На этой последней работе в музее я и попал в самый клубок подготовки.

Владыка Иларион добился от начальства разрешения на службу для всех заключенных. Уговорил начальство лагеря дать на эту ночь древние хоругви, кресты, чаши из музея, но об облачении забыли. Идти и просить второй раз было невозможно. Но мы не падали духом, в музей был вызван знаменитый взломщик, наш друг Володя Бетрут.

Неистошимый в своих словесных фельетонах и рассказах Голубковский отвлекал директора музея, Ваську Иванова, а в дальней комнате в это время Володя, оперируя отмычкой, добыл из сундуков и витрин древние драгоценные облачения. Среди них епитрахиль митро-

---

* Из воспоминаний заключенного в 1925 году.

полита Филиппа Колычева. Потом, после утрени, все было тем же порядком возвращено на место.

И вот 12 часов ночи...

Десятки епископов возглавляли крестный ход. Невидимыми цветами Святой Ночи горели древние светильники. В их сиянии блистали стяги с ликами Спасителя и Его Пречистой Матери.

Благовеста не было, последний колокол был снят в 1923 году, когда собор был разрушен и колокольная снесена. Незадолго до полуночи вдоль сложенной из огромных валунов-камней соловецкой стены, мимо суровых заснеженных башен потянулись к ветхой кладбищенской церкви нескончаемые вереницы серых теней — то были узники Соловков.

Попасть в церковь удалось немногим. Не смогла эта церквушка вместить даже духовенство — ведь его томилось тогда свыше пятисот человек!

Все кладбище было заполнено людьми. Люди стояли в соснах вплотную подступившего бора.

Тишина... Истомленные души жаждут блаженного пения молитв. Уши напряженно ловят доносившиеся из открытых врат церкви звуки священных песнопений. А по темному небу, радужно переливаясь всеми цветами, бродят столбы северного сияния.

Прогремел возглас Владыки Илариона: «Да воскреснет Бог и растачатся врази Его!» С ветвей ближайших сосен упали хлопья снега, и на вершине звонницы вспыхнул ярким сиянием водруженный нами в этот день Святой Животворящий Крест. Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход.

Семнадцать епископов в облачениях, окруженные светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, и далее нескончаемая волна тех, чьи сердца и помыслы устремились ко Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь.

Торжественно выносили из врат храма блестящие хоругви, сотворенные еще мастерами Великого Новгорода, загорелись многочисленные факелы-светильники, подарок венецианского дожа, хозяина гиперборейских морей, дальнему монастырю. Зацвели освобожденные из плена сундуков священные ризы и пелены, вышитые тонкими пальцами московских великих княжон.

Христос Воскресе!

Немногие услышали прозвучавшие в церкви слова Божественной Вести, но все почувствовали их сердцем, и гулко пронеслось по заснеженному бору:

Воистину Воскресе!

Воистину Воскресе! Прозвучало под огнистым куполом увенчанного сиянием неба. Воистину Воскресе! Отдалось в снежной тиши векового бора.

Перенеслось это за нерушимые кремлевские стены к тем, кто не смог выйти из них в эту Святую Ночь, к тем, кто страданием и болезнью простерт на больничной койке, к тем, кто томился в смрадном подземелье «Аввакумовой щели», историческом соловецком карцере.

Крестным знаменем осенили себя обреченные смерти в глухой тьме изолятора. Распухшие, побелевшие губы прошептали слова обетованной вечной жизни.

С победным ликующим пением о побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно. Пели все... Пусть тело томилось в плену, дух освобожден и вечен. Нет в мире силы, властной к угашению его! Ничтожны и бессильны держащие нас в оковах! Духа не закуете, и воскреснет он в вечной жизни Добра и Света...

Христос Воскресе!

Эта заутреня была единственной, отслуженной в Соловецкой каторге. Ее не забуду никогда!

Упокой, Господи, души умерших страдальцев Соловецких лагерей!

Из воспоминаний отца Василия
о владыке Иларионе

Отец Василий был протодиакonom в Москве в 20-е годы и много раз служил с владыкой Иларионом. Владыка был выше среднего роста, русый, красивый, с большими голубыми глазами. Лицо белое, с легким румянцем. Жил в Донском монастыре, был правой рукой патриарха Тихона. В Даниловском монастыре жили архиереи правого уклона во главе с епископом Федором, которые были в оппозиции патриарху Тихону и владыке Илариону. Владыка Иларион был прекрасным оратором, с ясной, светлой головой.

Из Соловков владыку Илариона пересылали в Казахстан. Он говорил: «С рыбки на фрукты». Умер в пересыльной тюрьме в Ленинграде.

*«Российские ведомости»,
1988, № 11*

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Из работы В. Русака «Апокрифы. Характеристика феномена»

1. Возникшая в подражание Священной новозаветной письменности апокрифическая литература развивала те же самые жанры: Евангелие, Деяния, Послание, Откровение. Существует лишь несколько так называемых

мых апокрифов другого (а вообще неопределенного) жанра.

2. Апокрифы возникли как дальнейшее развитие форм и жанров, уже *наличествующих* в Новом Завете.

3. Можно наблюдать также и проникновение новых, еще не вполне четко воспринимаемых жанров; апокрифическая литература испытывает сильнейшее влияние со стороны окружающего ее мира...

Большая часть этих апокрифов составила еще в первые времена христианства (но, понятно, не раньше возникновения истинно апостольских писаний). В основном во II веке. Это не могут отрицать даже такие исследователи, как Ранович, Свенцицкая, Крывелев, не подозревая, что тем самым они подрубают ветку, на которой сидят: затасканная теория «молчания века» летит вверх тормашками.

Кроме отдельных самостоятельных, законченных апокрифических сочинений, существует множество всевозможных апокрифических сказаний, разбросанных в памятниках иудейской, христианской и вообще древней письменности, вплоть до Корана. Некоторые из них послужили источником и основой для новых самостоятельных апокрифических сочинений, которые часто дробились на отдельные сказания, а на базе этих, в свою очередь, иногда рождались народные легенды, сказки.

Предыстория. Традиционное представление о мотивах возникновения апокрифов имеет следующий вид: Священное Писание оказалось «недостаточным», так как в нем отсутствует многое из того, о чем хотелось знать первым, очень религиозно-чувствительным, христианам. И началось собственное творчество по уже приведенной схеме. Правильно, но этот мотив, конечно, не охватывает того сложного комплекса побудительных начал, которые руководили апокрифистом в его деятельности.

Действительные причины значительно глубже, шире, они имеют сильные исторические корни.

Апокрифическая литература родилась, вообще говоря, не на пустом месте. И её настоящее изучение возможно только на фоне общего изучения развития Церкви первых (и предшествовавших им) веков.

Вся без исключения раннехристианская литература, даже больше того — вся христианская и околохристианская, была вызвана к жизни реальной деятельностью Иисуса Христа на Земле или, в худшем случае, что всегда без труда можно определить, идеей Христа.

Даже наличие в ее среде различных до противопоставления друг другу произведений лишний раз говорит о действительности Христа.

Представим себе такую ситуацию. Христа не было. Христос не воплощался, не жил рядом с нами, не умирал и не воскресал. Его не было.

Собралась дюжина добрых мыслителей-утопистов (один, два — не имеет значения) и решили создать для человечества утешительную сказку о Христе, всемогущем и благом... Закончили свои сочинения, сверили (сверили бы обязательно! Чего, уже странно, нет в мелочах, относящихся к второстепенным фактам, обусловленным субъективным психологическим восприятием) все факты и пустили в свет.

Переписывание — вполне возможное явление в таком случае. Понравилась сказочка, захотелось иметь у себя, под рукой. Одному, другому, третьему... Но подражать?! Можно ли представить себе здорового человека, который почти дословно переписывал бы фрагменты «Войны и мира» Толстого и распространял бы это «творчество» под его же именем? Глупость, парадокс. Подражание возможно лишь в народной форме. В литературе копирования (пусть фрагментарного) избегают как огня. Конечно, приведенная аналогия примитивна, но выразительна.

С другой стороны. На здоровье, пиши, распростра-

ной, подражай. «Евангелие Фомы», «Апокалипсис Варуха», «Деяние Павла»... Но защищать свою (и даже не свою) *фантазию* ценой собственной крови и жизни?! А ведь Апостолы так делали! И ученики их, и многие ученики учеников делали точно так же. Церковь с кровью на теле восстала, например, против «Деяний Иоанна», в которых (ну подумаешь!) отрицается иконопочитание. Жидовствующая рука прошла по «Просветителю» преп. Иоанна Волоколамского и выдала в свет свое содержание в его форме? Это достойно того, чтобы восстать против неправды и ценой любой жертвы защищать истину.

Но это возможно лишь в том случае, если мы знаем (уверены!), что действительно жил такой преподобный, написал такое произведение и именно такого содержания. То же и с новозаветной письменностью.

Христос, действительный и реальный, которого осязали, видели и слышали Апостолы; Христос — человек и Бог, ходивший по земле и проповедовавший Свое Евангелие, — достоин того, чтобы все силы свои отдать в защиту истинных Его слов от малейшего искажения со стороны благочестивых, но невежественных людей, взявшихся учить других, и уж тем более от злоумышления всяких явных писателей-врагов...

Не было бы Христа, не было бы и апокрифов. Были бы христианские писания, но не канонические и апокрифические, а просто христианские. Даже прямое отрицание, как ни странно на первый взгляд, косвенно говорит о действительном бытии Христа во плоти. Даже пасквиль Цельса. Ведь мы никогда не беремся отрицать то, чего нет, что не имеет ни малейшей реальной исторической почвы (существование кентавров, циклопов, каллистан и т. д.). Просто вопрос даже не возникает.

Христос привнес в человечество, в ленивое течение мировой истории новые жизненные соки. До Него...

Иудейская письменность угасла. Угасла, можно сказать. Последние еврейские оригинальные книги (Макка-

вейские) появились два с лишним века назад. И все. Христос вдохнул в литературу (теперь уже не только еврейскую) дыхание жизни.

К сожалению, с учением Христа в первое время случилось что-то аналогичное случившемуся четыре века назад с учением Сократа, многочисленные ученики которого, не совсем правильно, точнее, не однозначно поняв его слова, понесли по-своему свою переработку сократовских идей, и в результате — платонизм, множество систем и учений безо всякой системы, вплоть до неоплатонизма, но не сократизм.

Христианство распространялось среди еще более разнородной толпы (по всем направлениям, особенно религиозному). Имя Иисуса Христа было у всех на языке, но отказаться во имя Его от своих кровных религиозных представлений, от своих иногда цельных мировоззренческих систем некоторые были не в силах и лишь перedelывали и перекраивали их «под христианство».

Часто Христос оказывался лишь в роли авторитетного прикрытия человеческого мудрования и знаменем, которое ни в малейшей мере не отражало содержание. Чтобы такие учения имели будущность, им (учителям) нужны были, так сказать, «документальные авторитеты», «документальный Христос», такие же Апостолы, им нужны были «свои» Евангелия, Деяния и др. И они появились. Множество произведений новозаветного жанра, более или менее далеко отстоящих от действительных, впоследствии — канонических — книг.

Характеристические качества. Можно указать некоторые общие черты, объединяющие все это множество произведений в литературной семье апокрифов: черты на первый взгляд безобидные и даже благочестивые, но за этой лаской часто скрывающие глубокие принципиальные истины, чаще всего ложные. Апокрифичность наиболее выразительно проявляется, как правило, в сфере христологических представлений.

а) С богословской позиции.

Существует, если можно так назвать, какая-то операция мышления. В этом легко можно убедиться, сопоставив типический образ мышления древних христиан и верующего человека нашего времени. И если через две тысячи лет мы продолжаем видеть во Христе преимущество Бога, то тем более это было так в первые века, время святых впечатлений от Христа.

Апокрифы как раз и представляют собой трактаты о Христе-Боге. Не более, то есть не менее. Соответственно там, где Священное писание говорит о прозаическом событии (связанном с Христом), апокрифист, как правило, видел чудо со всеми его атрибутами: явлением ангелов, демонов во всем их безобразном облике, всевозможных духов... Где же Писание действительно говорит о чуде, там апокриф наслаивает столько мелких деталей (незначительных, второстепенных), украшений и преувеличений, что чудо теряет свое первоначальное высокое достоинство, и у читателя рождается некоторое недоверие к повествованию.

Чудо, кажется апокрифисту, и только чудо должно сопровождать жизнь и каждое жизненное отправление Христа. И Христос в апокрифах щедро, не задумываясь, «рассыпает» свою чудодейственную силу. «Книга Марии Девы», например, — это сплошная антология чудес, связанных и не связанных между собой, осмысленных и, простите, бессмысленных, иногда просто капризно-губительных проявлений всемогущества Христа.

б) С исторической.

Бесспорно, апокрифы в значительной мере представляют собой источник по истории раннего христианства. В самом деле, одного Евангелия (Валентина, Маркиона или евионитов, например) достаточно, чтобы ознакомиться с богословием той или иной еретической группы.

Для истории ведь имеет значение не только документальность (истинность) какого-либо события, явления, но и то, как это событие было осмыслено в разные времена различными группами людей или какое отражение

то или иное явление нашло в их жизни, в каком направлении настраивало оно их ум, какие чувства рождало оно в их сердцах.

В этом смысле апокрифы, как вобравшие в себя дух, воззрения и характер древнего христианина, имеют неоспоримую важность и источниковедческий интерес.

Как ни удаляются они от истины, как ни извращают иногда исторические лица и события, ими не должны, однако, пренебрегать ни история вообще, ни история литературы, ни, тем более, богословско-историческая наука.

В своеобразных, иногда запутанных и мудреных апокрифических сказаниях история должна слышать (и слышит!) отголоски древнейших истинных преданий о событиях; в этом извращенном представлении история должна видеть (и видит!) доказательство, по крайней мере, истинности события, то есть того, что событие, без сомнения, произошло.

в) С литературной.

С этой точки зрения апокрифы представляют собой обширную область богатейшего народно-религиозного эпоса, в котором рядом со всевозможными заблуждениями, анахронизмами и противоречиями встречается множество замечательных идей (самого разного порядка), смелых и оригинальных мотивов, в высшей степени трогательных и поэтических картин.

Всего апокрифов, связанных по содержанию с Новым Заветом, насчитывается около ста. В этом общем количестве представлены все жанры, имеющиеся в каноническом Новом Завете, — Евангелия, Деяния, Послания и Апокалипсисы.

Проблема изучения апокрифов, с точки зрения истории жанров и литературных форм, в настоящее время только-только находит своих исследователей (как правило, это учение Запада).

При оценке апокрифов с литературной позиции необходимо отличать древние апокрифы, созданные в пря-

мое подражание священным книгам Нового Завета, от множества апокрифов, возникших впоследствии и представляющих собой переделку, сокращение, дополнение и вообще дальнейшее их развитие в том или ином направлении.

В сравнении с каноническими книгами апокрифы не имеют тех свидетельств богодуховенности и полезности со стороны древних отцов и учителей Церкви.

По самому своему содержанию, наполненному не всегда соответствующими характеру Божественного Откровения подробностями, и по изложению, искусственному и витиеватому, они далеко отстояли от величественной и поистине божественной простоты и чистоты канонических книг; их стремление подражать евангельским повествователям в образе подачи событий и в самих выражениях, как и неспособность отделить существенное и важное от мелочного и несообразного с духом Вечной Истины, носят на себе ясный для внимательного читателя отпечаток их ложноапостольского происхождения, их неподлинности в этом смысле.

«Слово»,

1988, № 2

Николай СТУДЕНЦОВ

«ПРИНИМАЯ БОДРОСТЬ»

По правде говоря, день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, великих славянских учителей, в последнее время в наших храмах особо не праздновался — лишь немногие истые ревнители славянского единства отмечали в душе этот праздник как великий, а в церквах совершались обычные службы. Но 24 мая этого года стало неожиданно большим событием: в Новгороде состоялся Праздник славянской письменности и куль-

туры, собравший многих писателей, ученых-славистов, фольклорных исполнителей, зарубежных гостей и (впервые на таком мероприятии) хористов Московской Патриархии.

«Почему вы стали проводить этот праздник только в последние годы? — удивлялся писатель и критик из Японии Юкио Курихара. — Думаю, это связано с возродившимся стремлением понять самих себя, с поиском того, что вас объединяет и делает народом. Я с вниманием слежу за перестройкой в Советском Союзе и приветствую ваше желание переосмыслить, вернее, по-настоящему осмыслить свою историю. Социализм нельзя построить на пустом месте — он строится на почве национальной культуры и традиций.

При Сталине у вас действовали две мощные и, казалось бы, взаимоисключающие тенденции: интернационализм и великодержавие. Сейчас, насколько я понимаю, стоит задача преодолеть великодержавие, но на основе великой русской культуры. Такая громадная задача по силам лишь всему обществу, представителям всех идейных ориентаций, включая и Церковь».

Нынешним празднеством отмечалось одновременно 1125 лет славянской Азбуки, основоположниками которой были Кирилл и Мефодий, и Тысячелетие Крещения Руси — события великие и неразрывно связанные, корневые для национальной жизни. Пожалуй, невозможно было побывать на всех его интересных начинаниях: были открыты выставки в Софийском соборе, на Ярославском дворике, в Юрьевом монастыре; состоялись трехдневные научные чтения — конференция историков, археологов, искусствоведов; ансамбли народной музыки выступали в Витославицах — заповеднике деревянного зодчества; церковные хоры пели в древних соборах; в кинотеатрах шел показ новых документальных фильмов о судьбах России; а на берегах Волхова развернулся красочный театрализованный «День города». Был заложен памятный знак «Первая берестяная грамота Нов-

города», в дар городским музеям подарены ценнейшие иконы XV века — двусторонние таблетки с «Праздниками» из коллекции семьи Рокфеллеров, иконы Кирилла и Мефодия из Болгарии. Параллельно прошли научные чтения в Старой Руссе «Достоевский и современность», праздник поэзии Некрасова в Чудове. Но самым живым, действенным стали открытые уроки русского языка, литературы и истории, которые в местных школах, техникумах и ПТУ провели не совсем привычные учителя — ведущие наши писатели, публицисты, историки. Эти уроки наверняка на всю жизнь западут в душу многим юным слушателям, разбудят их нравственное и национальное самосознание, ответственность за судьбы своей земли. И дай Бог, эти уроки будут переданы внукам... В Новгороде в эти дни была найдена очень верная форма празднования — нацеленная не на «галочки», не на центральную прессу, а на живых конкретных людей города, на их пробуждение и рост.

Новгородский праздник — третий по счету. Неоднократно делались и раньше попытки организовать нечто подобное... Но как же родилась и окрепла его идея? «Все начиналось у нас в Заполярье, — рассказывает Виталий Маслов. — Конечно, тогда мы не ожидали, что праздник приобретет такой размах. Три года назад в Мурманске все было очень скромно — студенческий спектакль по «Слову о полке Игореве», небольшая научная конференция, выставка, на которой экскурсоводами были ребята — специально сдавали экзамен по древнерусской литературе, по языку, по русской и болгарской истории». Второй праздник прошел в Вологде. Но только новгородский смог развернуться так широко и стать подлинным событием нашего времени.

«Этот праздник не мог не быть, — говорил Председатель его Оргкомитета писатель Юрий Бондарев. — Человеческая мысль, дух вопреки всему стремятся противостоят разрушительным стихиям, то и дело возникающим в культуре. Ведь предавая свое наследие, мы

охлаждаем теплоту патриотизма, заменив душу рублем, да и то обесцененным... Тысячелетним существованием в христианском мире славянская культура держит нашу землю в полосе света».

Да, праздник был не «юбилейным отчетом» и не «шоу а ля русс», а работой ума — над нашими сегодняшними бедами и надеждами, в почтительном ученичестве у прошлого, в восстановлении утраченного. И наши боли оказались созвучными братьям-славянам: «После Сентябрьской Революции 1944 года у нас произошел печальный отрыв от традиционной культуры и ценностей, — сетовал Димитр Ангелов, директор Центра болгарских исследований из Софии. — Может быть, не столь разрушительный, как то бывало в советской истории, но весьма ощутимый и требующий теперь от нас больших усилий по восстановлению животворных связей между прошлым, настоящим и будущим». Ученые чтения завершились принятием резолюции, предусматривающей многообразную дальнейшую деятельность школ, издательств, музыкальных, художественных, архитектурных организаций по исследованию и развитию славянской культуры. Но, естественно, культуру не делают ни одни благие резолюции, ни единицы обеспокоенных людей. Каково будет участие православных христиан в этом общенародном деле?

«В отношении перспектив сотрудничества церкви и общественных организаций, думаю, прогнозировать довольно трудно, хотя есть пути совершенно ясные и четкие, — заявил публично митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, член Оргкомитета новгородского праздника. — Церковь — это не изолированная группа иерархов, бюрократов, которая имеет какую-то свою особую линию. Церковь — это народ, таково догматическое понимание, таково ее историческое проявление. Я хотел бы напомнить слова, поскольку они стали общеизвестными, Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия, которые он произнес 22 июня 1941 года, что

Русская Православная Церковь всегда разделяла судьбу своего народа, не оставит она его и теперь...

Для нас это стало непреложной истиной, катехизисом, который мы исповедовали всю свою тысячелетнюю историю. Поэтому все то, что переживает наш народ, переживает и церковь. Ибо церковь и есть тот самый народ, который живет в нашем Отечестве.

Что может сделать Церковь? Перестройка ставит в центр внимания личность человека — человека нравственного. Мы говорим о будущем человечества и человека, который прекрасен и совершенен во всех своих возможностях: и в отношении к труду, и в творениях своего ума, и в проявлениях своих нравственных сил. Поэтому тот исторический путь, который мы прошли — путь объединения сил для достижения общей цели, — всегда был путь нашей церкви».

...День памяти святых Кирилла и Мефодия, день памяти учителей славянских, день Первоазбуки, истоков нашей культуры, может вырасти в сильную, здоровую традицию — и не только для одного «счастливчика города», каким на этот раз стал Новгород. Быть может, идеи его разольются по всей стране и зажгут мысль, инициативу во всех городах с большой исторической судьбой? Быть может, ежегодно, пусть и не в таких масштабах, будут собираться вместе русские люди, дабы испить из общего родника Памяти и Истории? Старые и молодые, верующие и неверующие, ученые и учащиеся... И каждый увидит в этом празднике что-то свое, что способен вместить... Для нас же, наследников православных традиций, наряду с историей, культурой, национальным и славянским единством будут всегда звучать слова из Жития Кирилла-Константина Философа: «Тот, кто хочет, услышав это, станет подражать ему, принимая бодрость и отменяя леность, как сказал апостол: «Будьте подобны мне, как и я Христу».

II. ХРАМ И МИР

*«Благовест»,
1988, № 7
П. В. ПОЛУЯН,
г. Красноярск*

ЧТО ЕСТЕСТВЕННО?

Накануне 1000-летнего юбилея Крещения Руси в программе «До и после полуночи» ТВ показало видео-сюжет, снятый в православном женском монастыре. Ведущая удивленно комментировала: «Что заставило наших молодых современниц уйти от нашей с вами жизни?..» Короче, комментарий был достаточно обычен. Мне пришлось выслушать и некоторые высказывания телезрителей, смотревших эту передачу, — тут тоже не было особого своеобразия: непонимание, насмешки или снисходительная жалость... Создается впечатление, что некоторые простые очевидности как-то ускользают от «нашего с вами» понимания. Об этом и хочу написать.

Смысл монашества легко объяснить — верующие христиане, заботясь о своей душе, стараются вести жизнь, в наибольшей степени удаленную от греха. Это же двигало действиями религиозных аскетов, схимников, пустынников, юродивых... Странно, что такое стремление кажется кому-то неестественным или даже противоестественным. Какой-нибудь насильник, вор, убийца, властолюбивый эгоист оказываются тогда роднее и ближе — преступно, конечно, но зато как понятно! Это ведь обычное человеческое естество, но доведенное до крайности, вредной для общества. Крайности мы, разумеется, осуждаем и наказываем, но исходные моменты понимаем: секс, чувство обладания, слепая ярость, стремление к наслаждению и т. п. А вот монашество, аскеза — это нечто в принципе извращенное. Надо, мол, внешнее влияние здесь искать — религиозный дурман,

жизненные неудачи, комплекс неполноценности, неприспособленность к сложностям жизни и пр.

Никак не понятно мне, почему разумные люди столь упрощенно толкуют свое человеческое естество? Неужели не ясно, что стремление к нравственному совершенствованию, неодолимое желание избегать греховного могут быть еще более ЕСТЕСТВЕННЫ для человека разумного, чем стремление утолить свои животные страсти? Неужели не понятно, что зов духовности может быть более силен, чем зов телесной природы?

Впрочем, меня не это вульгарное непонимание взволновало, а та агрессивная пренебрежительность, насмешливость, которая почувствовалась мне в некоторых суждениях на эту тему. Как это страшно, когда люди преклоняются перед убийцей, завидуют вора́м, изворотливо оправдывают свою подленькую трусость, а над людьми, стремящимися к духовному совершенству, способными ради высших ценностей переиначить собственную жизнь, злорадствуют и потешаются. Печально все это.

В передаче была высказана мысль: «Такие добрые и отзывчивые люди — могли бы много пользы в миру принести, а вот ушли от активной общественной жизни...» Если говорить о пользе, то следует четко понять: монашество, как социальный институт, выполняет важнейшую общественную функцию (конечно, лишь в том случае, когда оно не отеснено на задворки, а играет свою роль на общественной сцене). Для любого непредубежденного человека ясно, — стабильное и прогрессивное существование общества протекает так, что один социальный полюс уравнивает другой. В данном случае праведники, религиозные подвижники, монашество своим существованием уравнивают тлетворное влияние человеческих подонков. И понижение уровня нравственности советского общества не в последнюю очередь объясняется... Ну, понятно, чем это объясняется. Не надо даже быть верующим, чтобы понять эту простую зависимость.

Иногда, правда, положительный социальный полюс обряжают, отрицая монашеское одеяние, в прозодежду «прорабов духа», сознательных борцов и прочих «положительных героев». До чего же мы дошли, если нормальное состояние человечности представляется нам возвышенной крайностью! Мещане, в свою очередь, интеллигентов, людей, склонных к творчеству, считают своего рода юродивыми. Закономерная реакция.

Насколько нелепа (я уж не говорю «аморальна») привычка поучать, поправлять и указывать. Стараются предписать праведности определенные формы, в то время как никому и в голову не приходит давать рекомендации греховодникам, — за ними, получается, признано право на самостоятельный выбор формы озверения. Поэтому надо понять: стремление к безгрешности не есть нечто искусственно выдуманное, требующее рационально-конструктивного руководства, а есть самое естественное и неискоренимое стремление человеческого духа. И это вселяет надежду.

*«Благовест»,
1988, № 10
Пастырское слово
Протоиерей Павел А.*

О БРАКЕ

Сегодня мы собрались положить основание двух новых домов. Две семьи должны родиться в таинстве венчания.

Вадим и Анна! Иван и Татьяна! Перед вами стоит ответственная задача: создание семьи. Задачу брака можно понимать по-разному. Одни находят задачу брака в рождении детей. Очевидно, что к этой задаче брак не сводится. Рождаются дети — увы! — нередко вне брака. Другие указывают задачу семьи в воспитании детей.

И к этому задача семьи не сводится. Воспитание детей — увы! — нередко происходит вне семьи. Третьи видят в семье общее хозяйство — залог житейского благополучия. Но и к этой задаче не сводится семья. Между семьей и благополучием нет причинно-следственной связи. Все эти задачи связаны с браком, но смысла брака не выражают. Наоборот, сами они только в браке обретают смысл. Христианское понятие брака не исключает указанных задач. Их действительно приходится осуществлять в каждой семье. Если человек ограничивает строительство семьи только этими задачами, беда его не в том, что он понимает задачу брака неверно. Он понимает задачу верно. Беда его в том, что он понимает задачу брака слишком поверхностно.

I

Задача христианского брака должна быть понята из Божественного замысла о человеке. Этот замысел Божий открывает в книге Бытия, как онтологическая антиномия целого и части, завершенности и незавершенности человека: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». (Быт 1, 27.) Человеческая личность несет в себе целостный образ Божий. Каждое «Я» обладает всей полнотой человеческой природы. Человек является не частью, а целым. Он осознает себя как Тело — «Целое». Антиномия заключается в том, что «Целое» несет в себе онтологическую разделенность мужского и женского. Мужчина — личность, осознающая себя как единое целое. Женщина — личность, осознающая себя как единое целое. Такое сознание цельности имеет под собой онтологическое основание: единство и единственность образа Божия, запечатлевшего Личность.

Но каждый мужчина и каждая женщина, в то же время осознает себя как «пол», то есть половиной, ча-

стью человеческого бытия. Часть не есть целое. Эта онтологическая антиномия библейского свидетельства переживается каждым человеком.

II

Человек может осознавать себя как целое и хранить эту цельность — свое «Тело». Тогда ему приходится отвергнуть пол, отказаться от восполнения мужского начала женским. Это называется хранением целомудрия. На замечание апостолов «лучше не жениться» Христос сказал об этом пути: «Не все вмещают это слово, но кому дано. Кто может вместить, да вместит» (Мф 19, 10—12). Монах отрекается от восполнения ради хранения целостности по образу Иисуса Христа. Брак осуществляет выбор другой возможности: «Нехорошо быть человеку одному». И вот он отказывается от своей замкнутой целостности, жертвует своей завершенностью, становится частью, чтобы соединить онтологически разделенное в новую целостность по образу Христа и Церкви. Выбор неизбежен. В обоих случаях приходится отказываться и жертвовать. Кому «дано вместить», тот жертвует проблемой пола, хранит целомудрие. Кому «не дано вместить», тот нуждается в восполнении. Он жертвует целостностью, смиряется, становится частью. Тогда рождается двучастное единство мужа и жены, которое называется браком: «И сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника по нему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот это кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женой, ибо взята от мужа своего. Поэтому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут двое одной плотью» (Быт 2, 18—

24). Приводя последние слова, Христос в Евангелии добавляет: «И то, что Бог соединил, человек да не разлучает» (Мф 19, 6). Смысл христианского брака — соединить две половины в целостное единство. В одной из ранних христианских книг «Учение 12 апостолов» говорится: «Царство Божие уже пришло, когда двое уже не двое, а одно». На русском языке такое единство называют «счастьем». Молодым обычно желают «счастья» от слова «часть», «сочасть», «соучастие». Слова «Будьте счастливы» означают буквально «будьте едины» или «будьте всегда вместе».

III

Казалось бы, безоблачное счастье должно быть естественным увенчанием любви. Но в реальной жизни любовь оказывается неотделимой от скорби:

Награды нет для добрых дел.
Любовь и скорбь — одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже.

Трагичность любви — основная тема поэзии. Любовная лирика по преимуществу печальна. Любовь, как величайшую радость бытия, она воспевает буквально, сквозь слезы. Попробуйте вспомнить стихи о любви, не связанные с мотивом грусти. На трагичности любви построены трагедии и драмы. Не странно ли? Почему не комедии? Почему не смех, а слезы чаще связаны с темой любви? Может быть, трагичность любви выражает несовершенство бытия, например, его мимолетность? Может быть, трагичность любви выражает несовершенство самой любви, ее неразделенность или непостоянство? Увы! Трагичность присутствует во всякой любви, даже самой безоблачной. Она неизбежна. Она отобра-

жает в человеческом сознании антиномию божественного замысла о человеке.

IV

Трагедия связана с неизбежностью самоотречения. Христианская любовь аскетична по существу. Чтобы войти в двучастное единство любви, в сочастие брака, человек вынужден пожертвовать своей одинокой целостностью. Он претерпевает кеновис. Полюбить другого — это всегда означает отвергнуть себя, принести свою целостность в жертву сочастию, новому единству семьи. Без ограничения от себя каждого из любящих любовь не состоится. Радость любви в том, что твоя жизнь восполняет жизнь другого. Крест любви возникает от неизбежности самоотречения. Образ крестной любви Иисуса Христа пронизывает христианское сознание. Быт и творчество, самые светлые переживания взаимного общения: любовь, верность, радость, благодарность — осознаются в христианстве через крест. Самоотречение ради другого — качественный признак христианского мироощущения. Крестный путь брака запечатлевается обрядом надевания венцов. Это не триумфальные венцы. Победа еще не достигнута. Это венцы мученические. Жених и невеста венчаются на подвиг самоотверженной любви.

VI

Вот какое единство дается нам сегодня как семя вашей новой жизни. От вас зависит его вырастить. Человек не создает семени. Даже цивилизация не может в этом помочь. Он получает семя готовым. Неверующий скажет «от природы». Христианин скажет: «из природы, от Бога». В этом смысл таинства венчания: принять семя от Бога.

Если семени нет, человеческая активность выльется

в бесплодную суету. Но семя недостаточно принять. Его надо вырастить. Какие принципы надо выбрать в качестве семейных устоев? Брак можно назвать христианским, когда в быту и этических установках супруги осуществляют божественный замысел брака. Ошибочный принцип может стать камнем преткновения для супружеских отношений.

VII

В основу семьи нельзя полагать равноправие супругов. Гражданское равноправие обеспечивает мужчине и женщине равную независимость, или, употребляя модное слово, эмансипацию. Оно дает женщине равные с мужчиной права перед законом и равные голоса на выборах политической власти в стране. Такое положение не вызывает возражений. Мужчина и женщина в государстве рассматриваются как равноправные и независимые социальные единицы. Их независимость становится социальной задачей. Но мужчина и женщина — не муж и жена! Мы чуть не спутали гражданское равноправие с супружеским. Это совсем не одно и то же. Равенство голосов в принятии гражданских или семейных решений имеет разный смысл. Если гражданская жизнь направлена центробежно, то в семье, напротив, характер отношений направлен центростремительно.

Во-первых, муж и жена связаны зависимостью. В этом смысл брака. Задача брака — укрепить взаимную зависимость. Опасно для брака стремление к независимости. Эмансипация смертельна, как удар кинжалом в самое сердце брака. Семья связывает мужа и жену органической зависимостью. В организме все органы равно необходимы, но выполняют разные функции. Печень образует кровь. Сердце перемещает ее по организму. Каждый орган верен своей функции. Иначе тело заболевает. Независимость органов друг от друга назы-

вается смертью. Тело распадается. Начинается общая эмансипация.

Во-вторых, семья имеет иерархическую структуру. Каждому в семье принадлежит определенное место. При двух равных голосах семейная демократия неизбежно превращается в замаскированную форму раздора. Принцип равноправия, положенный в основу супружества, становится бомбой замедленного действия. Рано или поздно он обязательно взорвет семью.

X

Вопрос о формальном главенстве становится острым только в несостоявшейся семье, где воля мужа и жены противопоставлены. В христианской семье муж и жена имеют одно хотение и одну волю. Такое утверждение может показаться странным, как могут два различных лица иметь одно хотение и одну волю. Если рассматривать семью с точки зрения христианской онтологии, как единый организм, то значение приобретает не число лиц, а единство природы. Воля принадлежит природе, а не лицу. Три лица св. Троицы имеют единую Божественную волю. Господь Иисус Христос в одном лице имеет две воли соответственно двум природам: Божественную и человеческую. Единая природа семьи имеет единую волю, хотя лиц — двое. Если в семье нет единоволия, значит, семья не состоялась. Она не стала духовным и телесным организмом. Выразителем одной воли семьи является муж.

XI

В едином организме семьи угасает принцип справедливости. В этике супружества справедливость становится искушением, которое приходится постоянно преодолевать жертвенностью. Задача супруга не в том, чтобы получить «свое» от другого. «Любовь не ищет своего»

(I Кор 13, 6). Нравственная задача супружества в том, чтобы подарить себя другому без оглядки и сожаления. «Блаженнее давать, нежели принимать», — сохранило церковное предание незаписанные слова Христа.

Справедливостью дышит буржуазная норма наемничества. Наемник служит за плату. Справедливо, когда плата соответствует службе. Такой принцип оправдывает себя в деловых отношениях, но не в супружеской любви.

На справедливости строится «хищная любовь», которая имеет «своего». Она ищет не принадлежать другому, а обладать другим. Она обращает другого в свою собственность. Она любит ради себя, а не ради него. Теряя другого, эгоистическая любовь скорбит не о нем, а о своем убытке. Вместо сострадания такая любовь выражает себя в ревности. В ревности сублимируется инстинкт собственности. Такую злорадную любовь изображает Лермонтов в стихах из «Маскарада»:

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою.
И что ж? Я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

Но если счастье случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

В современной литературе ревность зачастую изображается как законное переживание оскорбленной любви. Отелло, Паяц, Алеко вызывают сочувствие и

симпатию в современном сознании. Такое общественное сознание отразилось даже в уголовном законодательстве. Для убийства и жестокости ревность служит смягчающим обстоятельством.

XII

Альтернатива ревности встречается в литературе реже. У Пушкина мы находим в качестве альтернативы для ревности великодушие: способность любящего пренебречь собой и сорадоваться счастьем любимого:

Я вас любил. Любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Еще резче выражена бескорыстность любви в качестве альтернативы для ревности в стихах Блока:

Буйный ветер играет терновником,
Задувает в огне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником,
Я не сплю, я терплю, я молчу.
Ты не знаешь, кому ты молишься.
Он играет, он шутит с тобой...

Великодушие и бескорыстие любви должны быть христианской альтернативой справедливости и ревности. Такая любовь основана на самопожертвовании. Она не говорит: «Ты — мой». Она говорит: «Я — твой!» Любящий — не собственник, а собственность другого. Любя-

щий не берет другого для себя, а отдает себя другому, ничего взамен не требуя. Это заведомо несправедливо.

Положи меня, как печать, на сердце твое,
Как перстень, на руку твою.
Ибо крепка, как смерть, любовь:
Люта, как преисподняя, ревность!

(Песнь Песней, 8, 6)

Заканчивая свою затянувшуюся проповедь, я выскажу свое пожелание словами апостола Павла. Эти слова мне кажутся заповедью, определяющей самое существо супружеских отношений: «Друг друга тяготы носите и так исполните закон Христов» (Гал 6, 2). Если каждый из вас выполнит эту заповедь, то вы, несомненно, будете счастливы.

Аминь.

«Слово»,

1988, № 2

Владимир ИБРАГИМОВ

КОНТУРЫ БЕДСТВИЯ

*Брак у всех да будет честен
и ложе непорочно; блудни-
ков же и прелюбодеев судит
Бог.*

(Евр 13:4)

Эта гроза разразилась внезапно, однако, когда эпидемия СПИДа сделалась реальностью, многим показалось, будто они предвидели нечто подобное. Новый, неизвестно откуда взявшийся вирус поражал избирательно те клетки организма человека, от которых зависит иммунная защита. Отсюда и название болезни — «спонтанно (то есть случайно) приобретенный иммунодефицит» (сокращенно — СПИД). Человек, заболевший

СПИДом, становится уязвимым буквально для любой бактерии, даже из числа тех, которые в обычных условиях для здоровья неопасны. Но в чем же особенности проблемы, если речь идет просто еще об одной из эпидемий, каких много было в истории человечества? Почему СПИД стал объектом особого внимания наряду с прочими, увы, многочисленными кризисами века? Да и кто предполагал, что свалится на род людской эдакая напасть?

Верно заметил однажды известный историк: грядущие события отбрасывают вперед свои тени. То ли по странности совпадений, то ли по иным причинам с конца 70-х годов в прессе время от времени возникали слухи о новом бактериологическом оружии, избирательно действующем на иммунную систему. Родилась также версия об «этническом оружии», поражающем лиц определенной расы. Астрологи, в свою очередь, предрекли вымирание большей части человечества в период парада планет, предусмотрительно (и в общем-то произвольно) растянув рамки этого астрономического события до 2000 года. Словом, дым появился намного раньше огня...

СПИД, откуда бы он ни взялся, помечен печатью редкостной казуистики. Можно создать новое вирусное оружие и по неосторожности выпустить его из-под контроля, можно стать жертвой необдуманного эксперимента в области генной инженерии. Бывают также действительно случайные мутации вирусов, или же, как считает французский исследователь Л. Монтаньи, возбудители СПИДа существовали в природе сотни лет, пока урбанизация не привела к их активации. Можно вскрыть неизвестный ранее природный резервуар, в котором вирус дремал до времени. Могла сработать любая эпидемиологическая причина, имеющая в конечном итоге одинаковое следствие. При этом возникла лукавая ситуация, когда формально нельзя обвинить никого, но заподозрить можно всех — военных, ученых, политиков, неосмотрительных туристов, создателей городской цивили-

лизации, обитателей изолированных деревень в джунглях, парадоксы природы и даже зеленую мартишку, которая, как говорят, носила в себе вирус СПИДа со времен незапамятных. Ни у кого нет алиби, словно род человеческий и окружающая среда сами из себя извели эту беду...

...На фоне картины в общем-то достаточно мрачной идет процесс, чреватый невиданными медико-социальными проблемами. Во всем мире количество больных СПИДом удваивается каждые 11 месяцев. К концу 1987 года в США — в эпицентре эпидемии, насчитывалось около 50 тысяч больных и от 3 до 5 миллионов носителей вируса (до 25 процентов от всей численности населения в стране при соотношении числа носителей и заболевших 100:1). Во всем мире количество больных СПИДом достигло, по-видимому, 100—150 тысяч, что соответствует не менее чем 10 миллионам носителей в 120 странах. Это уже очень много.

Через 3—4 года количество носителей вируса СПИДа возрастет в 10 раз — до 100 миллионов. Не менее $\frac{2}{3}$ этих потенциальных больных будут жить в США, то есть под дамокловым мечом окажется четверть всего населения этой страны (соответственно в спидариев превратится еще большая доля взрослых граждан США — около $\frac{1}{3}$). Нечто подобное произойдет и в других странах Запада, если не будут приняты экстренные контрмеры.

Увы. Только самые смелые оптимисты надеются, что эффективная вакцинация против СПИДа войдет в арсенал медиков ранее 2000 года. Но к этому времени будет, как говорится, поздно — значительная часть населения Северной Америки и Европы окажется по ту сторону медикобиологического барьера, разделяющего здоровых и новых прокаженных. Да. Дело обстоит именно так.

К концу века смертность от СПИДа по демографическим понятиям будет не столь уж большой (едва ли

выше показателей смертности от болезней печени или от травматизма). Не будет гекатомб трупов, как во время средневековых нашествий чумы, холеры, оспы. Но среди нас появятся именно «незаметные прокаженные», неопасные в быту, на улице и даже за одним столиком в кафе. Но поставим психологический эксперимент: носитель смертельной заразы ест из тарелки, которая в следующий раз, может быть, достанется вам. А если это ваш знакомый, и надо пожать ему руку? С точки зрения медицины, подобный акт совершенно безопасен. Но не каждого в этом убедишь, да и что почувствует человек, отделенный от опаснейшего вируса только долями миллиметра собственных кожных покровов при соприкосновении с ладонью больного? Попробуйте не думать на тему медицинского риска, если до смерти не четыре шага, а в тысячу раз меньше. Увы, тяжелое психологическое и моральное испытание готовит нам будущее!

Носитель вируса СПИДа — это еще не больной. Он может заболеть через год, через 5 или через 10 лет, может прожить, так и не заболев, всю оставшуюся жизнь. Но он — спидарий, на нем как бы клеймо. Брачные отношения спидариев и здоровых оказываются невозможными. Люди, пораженные вирусом СПИДа, не смеют мечтать о детях. Они живут под вечным страхом — вот-вот появятся зловещие симптомы, и тогда придется считать дни, еще отпущенные им судьбой. Моралисты начнут их третировать. Их будут увольнять с работы, запретят им посещать общие пляжи. Уже сейчас в Нью-Йорке таксист предпочитает дать газ и удрать при одном лишь появлении изможденного на вид клиента, в котором он заподозрил больного...

Где-то мы все это видели. Увы. Отношение к спидариям на Западе (в частности, в США) весьма похоже на расовый апартеид. Не помогают здесь и политические свободы, и высокие принципы гуманитарной морали. И не исключено, что именно эти самые принципы за-

падного «свободного общества» привели к начавшейся трагедии или стали ее катализатором?

В эпоху СПИДа многие гуманитарные программы будут поставлены под угрозу на этот раз отнюдь не из-за человеческого ретроградства. Неизбежные карантинные меры серьезно нарушат обмена людьми и идеями. Для многих право на выезд или на въезд куда-либо окажется фикцией. Общественность целых стран и континентов разделится на «расы» спидариев и неспидариев. Такая же судьба ожидает в какой-то мере и членов религиозных общин, ибо кто без греха?

Аналогичная ситуация уже встречалась в связи с проказой. Больных, заживо разъедаемых язвами, изгоняли, обрекая их на существование в качестве отверженных. Однако в античном мире и в средневековье это не вызвало крупных социальных потрясений, тогда к смерти, к личным несчастьям и к неблагополучию относились как-то проще. Иное дело теперь. Американцы, столь щепетильные в расовых вопросах, первыми почувствовали, что значит быть представителем какой-нибудь касты, вполне благоприятной в социальном отношении, и вдруг превратиться в неприкасаемого, о котором говорят как о грешнике, получившем «заслуженное возмездие». Да. С такими проблемами человечеству нелегко справиться, и трудно представить, чем все это кончится...

Не думаю, что в США наступит эпоха «спидовых бунтов», но риск социальной дестабилизации очень велик, и никто не получит от этого выигрыша, по какую сторону океана он ни находился бы... Ведь в нашем мире все взаимосвязано.

Если опасность экологической катастрофы требует от всех нас усилий в поисках путей выхода из кризисного состояния, то в случае со СПИДом дело обстоит точно таким же образом. Как же реагируют на угрожающую ситуацию деятели христианских церквей Запада? На этот счет пока имеются лишь немногочисленные и раз-

розенные данные, но и они достойны того, чтобы стать объектом анализа.

Некоторые протестантские теологи прямо утверждают, что СПИД разрушит цивилизацию. Скорее всего они преувеличивают, но нельзя не признать, что в нашем взрывоопасном и неустойчивом мире любая дополнительная экологическая, экономическая или эпидемиологическая нагрузка чревата обострением старых «классических» кризисов, начиная с политической напряженности и проблем гонки вооружений. В качестве противоядия в ФРГ, в кругах, близких к ХСС (особенно в баварской ХСС), и в фундаменталистских кругах США предлагаются идеи о создании для грешных спидариев особых резерваций (включая проект насильственного их переселения на изолированные тихоокеанские острова) — вполне стандартный прием изгнания «козлиц» из среды «агнцев».

Католики, по-видимому, также склонны расценивать СПИД только как наказание за нечестье (например, так думает кардинал Хёффнер, ФРГ). Такая точка зрения равным образом ведет к идеям выявления нечестивцев по признаку вирусоносительства. То есть внимание акцентируется прежде всего на факте греховности больного, и мы не слышим конкретных призывов и предложений об участии христиан в борьбе с микробиологической интервенцией средствами проповеди, морального убеждения, утешения, благотворительности и участия в медико-социальных программах.

Некоторым религиозным деятелям СПИД внушает по преимуществу страх и брезгливость. Архиепископ англиканской церкви Уганды А. Окот решил в связи с эпидемией изменить даже традиционную практику Святого Причастия. Верующие в этой стране уже не касаются губами краев Чаши, а окунают в Нее куски Евхаристического Хлеба.

Особую боязнь вызывает СПИД у представителей экзистенциальных сект. Здесь пальму первенства по страху

держит «живой бог» Раджниш — основатель известного неоиндуистского движения.

Эпидемия СПИДа пока еще разворачивается, но между тем бить в колокола надо именно сейчас, и с не меньшей интенсивностью, нежели по поводу ядерной угрозы. Ведь боевые ракеты можно демонтировать на любом этапе гонки вооружений, лишь бы не пускать их в действие. Но глобальную эпидемию, достигшую апогея, не демонтируешь, если даже подписать десятки дипломатических соглашений. Нельзя утешаться тем, что покуда в мире примерно лишь один человек на пятьсот или на тысячу заражен вирусом иммунодефицита. Это совсем немного сравнительно с зараженностью вирусом Боткина, вызывающим воспаление печени (этим вирусом заражено до 5 процентов всех людей). Однако потенциальная опасность, связанная со СПИДом, ничуть не меньше, чем от «озонных дыр».

Не хотелось бы становиться в позу фарисея, читающего мораль обреченным, но, как говорится, ничего тут не придумаешь: человечество не избегнет крайних опасностей, связанных со СПИДом, если в кратчайшие сроки не изменит основные свои стереотипы по части сексуальных привычек. То есть теперь всем придется подумать о смысле седьмой заповеди: «не прелюбы сотвори». Слишком уж благодушно и снисходительно отнеслось общество в целом к «сексуальной революции». Локальные вспышки этого поветрия не обошли стороной даже некоторых наших неопитов и их самостоятельных наставников, проповедующих и по сию пору против венчанного брака, за «свободную любовь». Сами того не подозревая, они становятся при нынешних обстоятельствах проповедниками смерти. Особую опасность представляют теперь хиппианствующие течения, злоупотребляющие плотским эротизмом.

Разумеется, что церковь прежде всего должна проповедовать покаяние, но, будучи посланной в мир, Она не чуждается общечеловеческих проблем. Разумеется,

участие Православной Церкви в миротворческом и экологическом движении не должно быть сопряжено с теми крайностями экуменизма, которые не совмещаются с каноническими принципами церковности. И тем не менее стоять в стороне от мировой проблематики мы не можем. Наша позиция не может быть сведена к банальной формуле, что лучше не воевать и не болеть. Веское слово Церкви по поводу глобальных кризисов будет, как мы надеемся, содержать прежде всего религиозную оценку как самих этих кризисов, так и практических мер по их преодолению. Когда-то при виде фигур санитаров в противочумных балахонах верующие говорили со страхом: бич Божий. Однако в наши дни ограничиться такой позицией уже невозможно. И нам в самое ближайшее время придется выбирать между психологическим и моральным изоляционизмом, с одной стороны, и позицией духовно активной, дабы словом и делом положить преграду темному облаку, надвигающемуся на Вселенную.

По-видимому, если быть честными до конца, придется поступать так, как если бы спасение рода человеческого только от нас зависело бы. Не все люди верят в Бога, и тем не менее они безразличны к мнениям церковных иерархов, богословов, религиозных писателей. Недавно я был свидетелем, как два убежденных атеиста в разговоре об очень трудной социально-исторической проблеме вдруг стали спрашивать: а что думает Патриарх? Не знаю, удовлетворил бы их тот или иной ответ, но было бы плохо, не по-христиански, оставить их вопрошание без ответа вовсе.

СЛОВНО БОГ — БЕЗ ШТАНОВ...

«О поэзии В. Высоцкого в свете
православного богопочитания»

Владимир Высоцкий — личность действительно незаурядная. Это признается и почитателями его, и теми, кто его творчество отвергает. Автор этих строк не причисляет себя ни к тем, ни к другим. Да, Владимир Высоцкий отразил в своих стихах состояние души народной последних десятилетий, и именно поэтому слова его песен заставляют биться в унисон с ними сердца тех, кто, как и он, все эти годы был вынужден бороться с тем духовным оцепенением, которое охватило светскую, неверующую часть нашего общества. И, надо признать, почти всегда Высоцкий дает точное и правильное описание симптомов болезни. Но правилен ли его диагноз и указаны ли пути выхода из кризиса?

Всякий православный христианин не вполне доверяет движениям своей плоти, старается проверить первое впечатление с помощью эталона духа. Мы можем смеяться и плакать вместе с Высоцким, но невозможно не заметить того, как пятна оспы покрывают почти все его стихи. Это чертыхание и божба. Свойственно ли это русскому человеку? Да, конечно. Но какому? Как писал святитель Иоанн Златоуст, такие слова употребительны на рынке, среди людей низких. Обратимся для примера к сборнику «Нерв» («Современник». М., 1981). (Заглавные буквы поставлены там, где этого требует православная традиция.) Не станем обращать внимание на божбу по случаю и без случая, прочтем только те стихи, где, так сказать, божба сугубая.

«Тюменская нефть» — И бил фонтан и рассыпался

искрами. При свете их я Бога увидел, — по пояс голый,
Он с двумя канистрами Холодный душ из нефти принимал.

«Баллада о бане»

«Баллада о бане» —
Ниспошли на подручных Твоих!
Дай им Бог совершить омовенье,
Окунаясь в святая святых!..
Загоняй поколения в парную!
И Крещение принять убедил!
Лей на нас Свою воду святую!..

Что характерно, составители сборников не очень-то стремятся запечатлеть на бумаге стихи подобного рода. Вот и в «Нерве» их не очень много. Зато магнитофонные ленты доносят до нас слова, подобные тем, что вынесены в заголовок этих заметок. Они из песни «Охота на кабанов» и должны сказать нам о том, что дождь идет очень сильно. Ничего не скажешь, звучная метафора.

Вернемся же к «Нерву».

... — Кто такой?

А Она мне отвечает:

— Дух Святой.

Ох, я встречу того Духа,

Ох, отмечу Его ухо.

Дух — он тоже духу рознь.

Коль Святой, так Машку брось.

Машка — вредная натура,

Так и лезет на скандал.

Разобиделась, дура!..

Для тех, кто не понял о чем речь, объясняю. Это — Благовещенье. Машка же — Богородица. Та, Которую

Церковь воспеваает как Невесту Невестную, Приснодеву. Владимиру Высоцкому, видимо, не давали покоя лавры пушкинской «Гаврилиады», вот и появился этот «Рассказ плотника Иосифа».

К чему говорить об этих стихах, спросит читатель. Да к тому, что данная нам заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исход, 20, 7). И еще сильнее у Матфея: «Всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (12, 31—32).

Так не лучше ли нам, грешным, вместо того, чтобы делать из Высоцкого идола и поклоняться ему, молить Творца всякой души человеческой о прощении грехов раба Божьего Владимира?

Упокой, Господи, его душу.

*«Вестник Совета ЭК»,
1988, № 11
С. О.*

ОТДЕЛИТЬ КЛАДБИЩЕ ОТ ГОСУДАРСТВА

Кладбище — огромный, таинственный мир, и любое прикосновение к нему (например, вопрос о причинах современного вандализма на кладбище и мерах по борьбе с ним) лишний раз убеждает в сложности и целостности этого мира, выявляет множество взаимосвязанных уровней его бытия: религиозный, мистический, нравственный, культурный, общественный, материальный, финансовый, административный, уголовный... Не сомневаюсь, что может возникнуть немало полезных предложений касательно каждого из перечисленных уровней, но вряд

ли они окажутся действенными, если обойдут стороной главнейший из них — религиозный.

Кладбищу необходимо вернуть традиционный религиозный статус, который единственно отличает его от свалки (предметом забот санэпидемстанции), архива (интересующего кучку экскурсантов). В последние 70 лет духовный горизонт кладбища искусственно загромождался такого рода периферийными, непринципиальными моментами. Но разве удастся защитить умерших от вандализма живых, отринув религиозное ядро кладбища и сосредоточившись на скорлупках санитарной, исторической и эстетической полезности? Можно, вероятно, добиться таким образом незначительного современного подъема общественного интереса и приязни к кладбищу. Можно ужесточить уголовное законодательство, бросить на кладбище дополнительные наряды милиции, дворников и реставраторов... Но все эти меры, даже по видимости результативные, окажутся поверхностными и эфемерными и в конечном итоге тщетными, если не будет затронуто главное — религиозное ядро и смежные с ним мистический и нравственный слои, ибо они прикоснутся к человеку лишь извне, не высекая искр внутреннего горения и самоотверженности, и не перерастут в благоговение перед кладбищем как реальной религиозной святыней. Только поместив кладбище и его обитателей в сердца живущих, можно надеяться на радикальное изменение отношения к нему, на поворот от безразличия и вандализма к благоразумию и благочестию.

Необходимо прежде всего изменить духовную установку, а для этого отделить кладбище от государства и возратить в ведение Православной Церкви и иных религиозных общин, остальное приложится само собой. Насколько реальна эта программа в стране победившего атеизма, сказать трудно.

С одной стороны, вряд ли атеистическое государство захочет брать на себя роль религиозного пропагандиста; с другой — экономический и идеологический кризис

общества и моральное разложение армии вынуждают государство на поворот в сторону религии (как ни трудно он дается), на возвращение к таким фундаментальным религиозным ценностям, как смерть, грех, душа, бессмертие, искупление, воскресение, поминовение и пр. Наши расторопные ученые-гуманитары и общественники наверняка сумеют сочинить какое-нибудь научное обоснование необходимости религии и Церкви для советского человека, а атеизм объявят, вероятно, скрытой формой религиозности, поджидавшей своего часа, чтобы стать формой открытой.

Но скорее всего радикальный разрыв со своим богорборческим прошлым атеистическое государство сочтет слишком резким и неграциозным, а то и невозможным и предпочтет тактику постепенного нарастания религиозных настроений. Можно посоветовать для этой цели учение Н. Федорова о воскрешении мертвых посредством науки, совмещающее в себе религиозную задачу, гуманистическую психологию и научные методы, тем более что научно-техническая интеллигенция наверняка расценит федоровство как более прогрессивное (и потому приемлемое) мировоззрение, чем «обскурантистское» Православие, а подъем в обществе охранительных и традиционалистских настроений все более ориентирует людей на прошлое и уже умерших, вместо будущего и еще не родившихся. Конечно, и в случае постепенного вращивания общества в религию борьба с вандализмом на кладбище получит достаточно мощный внутренний импульс и обоснование.

Какую бы разновидность религиозной политики ни избрало государство в ближайшие годы, общественным организациям и частным лицам следует настаивать на скорейшей передаче кладбища в ведение Церкви, то есть на возвращении того, что принадлежит ей по смыслу и праву традиции. (Для закоренелых атеистов можно предусмотреть какие-нибудь спецзахоронения с административными ритуалами.) Церковь лучше нас ведает,

что ей делать, дабы вернуть кладбищу приличествующий ему облик и благочинный строй, и здесь необходимо положиться на ее тысячелетний опыт. Без возвращения кладбищу религиозного статуса и отделения его от государства самые благие начинания общественных и государственных организаций могут не столько улучшить положение дел, сколько его ухудшить (вследствие искажения духовной перспективы, административного рвения и материальных выгод, которых будут домогаться новые бюрократы и авантюристы с их лисьими повадками и медвежьими услугами). Об этом следует помнить участникам движения за приведение в порядок исторических кладбищ, в благородстве намерений которых я нисколько не сомневаюсь.

И еще одно пожелание: как можно меньше беспокоить мертвых, а лучше вообще их не беспокоить, не осквернять древний прах (предмет чрезмерного любопытства историков и археологов), усматривая во всяком вмешательстве в чужую загробную жизнь оскорбление действием и нарушение закона о свободе личности.

«ПРИ СВЕТЕ ЗЕЛЕННЫХ СВЕЧЕЙ...»

І. РЕСТАВРАЦИЯ ВРЕМЕНИ

*«Вестник Совета ЭК»,
1987, № 6
М. ТАЛАЛАЙ*

К ВОЗВРАЩЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Названия городов, рек, улиц, парков и других многообразных реалий окружающего нас мира — неотъемлемая часть историко-культурной среды. Необдуманное, а иногда и сознательное уничтожение компонентов этой целостной среды сказывается губительно не только на культуре и бытовой повседневности, но и на нравственных устоях личности. Вместе с историческими названиями утрачивается и само чувство истории, духовная преемственность поколений и традиций, патриотическое отношение к Отечеству и государству.

Вульгарное, часто безграмотное использование географических названий для примитивной псевдопропаганды дискредитирует и якобы «увекочиваемые» объекты.

В целях оздоровления духовной жизни горожан, нормализации внутригородских связей мы ставим задачей своей содействие возвращению исторических названий города.

Это возвращение должно прийти не волюнтаристским и тоталитарным способом — лишь просвещенное мнение самих горожан может быть надежным гарантом правильности этого курса. Это мнение может быть учтено

самыми разными путями — устными и письменными опросами, референдумами, широкими дискуссиями.

Возвращение станет проявлением и нашего общего «покаяния» — признания тяжелых последствий неправильного отношения к историческо-культурному наследию.

Уродует человеческие души, отягощает городскую жизнедеятельность и некоторые порочные аспекты практики наименования новых улиц, новых объектов. Грубые нарушения топонимических правил и норм русского языка, лозунговый стиль призывов и заклинаний — таковы черты современного имятворчества. Неуважение к историческим нормам города пагубно действует на сознание тысяч людей, вынужденных пользоваться плодами угодливости бюрократической фантазии.

Только гласная практика и обоснованная научно-культурная концепция наименований могут вернуть утраченную гармонию между человеком и названиями, среди которых он живет.

*«Девочкам и мальчикам»
(ДИМ), 1988, № 5
Уроки русского
С. ЗАВЬЯЛОВ*

«ВОРОНА И ЛИСИЦА»

Глава 1. О комсомольцах и сердитом управдоме

Случалось ли вам когда-нибудь видеть такое?

Объявление

Граждане квартиросъемщики!

В соответствии с решением последнего с'езда в квартирах вашего под'езда будут из'яты все раковины, унитазы и ванны.

Скажете: такого быть не может. Правильно скажете: не может.

Смейтесь на здоровье — никто вас не с'ест, но вот почему сердитый управдом написал вместо твердого знака запятую вверху (апостроф она называется)?

Старинная это история. Интересно? Так слушайте.

До февраля 1917 года нашей страной правил царь Николай Второй. Ему помогала Государственная Дума, в которую посылали своих представителей все сословия, на которые делился народ: дворяне и священство, купцы и горожане, крестьяне и рабочие. Царь советовался с Думой, но решения принимал сам.

Последние три года своего правления царь вел войну с немцами, и так как силы были равные, то и победить не могли ни немцы, ни русские. На войне гибло много людей, страна беднела, становилось голодно; народ не хотел больше воевать, и вот 27 февраля 1917 года полки, стоявшие в Петрограде и ждавшие отправления на фронт, восстали и передали власть Государственной Думе, которая избрала Временное правительство.

Прошло еще восемь месяцев. По стране шла революция: люди требовали с каждым днем все больше и больше свободы, никто никому не хотел подчиняться, на Украине, в Финляндии, в других местах возникли свои правительства, да и в самом Петрограде все сильнее становился Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, не желавший признавать Временное правительство и требовавший немедленного мира.

Правительство все слабело и слабело, беспорядок в стране усиливался: крестьяне в деревнях жгли усадьбы помещиков, рабочие в городах громили лавки и магазины, отказывались ходить на работу. Многим захотелось возвращения спокойной жизни и порядка. Они ждали, что дворяне, офицеры и курсанты военных училищ (юнкера по-тогдашнему) свергнут правительство, которое никого не может защитить, вернут царя и наведут порядок. Этот план вовремя разгадали руководители партии рабочих, социал-демократы-большевики: Ленин, Сталин, Троцкий и другие. Они с помощью верящих им

солдат и матросов арестовали Временное правительство и передали власть Совету Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов. Это случилось 25 октября (по новому стилю 7 ноября) 1917 года. С тех пор власть в нашей стране называется советской.

Среди многих новшеств, которые принесли с собой большевики (или, как они потом стали себя называть, — коммунисты), были и новые правила орфографии. 10 октября 1918 года Совет народных комиссаров (так тогда называли министров) издал декрет об отмене букв Ъ, ъ, І и Ъ на конце слов. Однако многие образованные люди не хотели менять правописания. Ведь старыми правилами пользовались Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев, Лев Толстой и Чехов, вся грамотная Россия в течение двухсот лет от самого Петра Первого.

Отказывались печатать по-новому и наборщики в типографиях. Вот тогда-то зимой 1918/19 года коммунисты и комсомольцы и изъяли силой из всех типографий России отмененные буквы. Ну ладно Ъ, ъ и І, а как же быть с разделительным Ъ? — спросите вы. Пришлось заменить его на ('), хотя ни в каком декрете такого знака не было.

Долго еще писали апострофы, пока не ушли на пенсию старые упрямые наборщики и коммунисты не решили, что теперь можно смело опять отливать твердые знаки. Тогда, годиков этак пятьдесят назад, привык писать ' вместо Ъ и наш управдом. Пятьдесят лет уже прошло, а он все никак не переучится, не перестроится.

Не дразните его, ребята, не смейтесь над жалким стариком.

Глава 2. О резвом лесном бесе

Вот вы меня спросите: «Что же это за чудные такие буквы отбирали у упрямых наборщиков комсомольцы? Зачем нужны они?»

Москва, как говорится, не сразу строилась. Погодите: отведу.

Правила орфографии устанавливались не сразу. Многие века никаких правил не было вообще, но монахи, которые были тогда почти единственными грамотными людьми, старались писать, как написано в старинных книгах: ведь многие из этих книг писали Святые Отцы, а в одной, самой главной книге — Евангелии — сохранились записанные учениками слова Господа Иисуса Христа.

Но со времени Петра Первого число грамотных людей стало быстро расти, стали подумывать и о правилах, сам царь заботился об этом.

1) Вот тогда и стало принято, что если слово оканчивается на мягкий звук, то и писать на его конце особый мягкий знак:

конь, соль, любовь,

а если слово оканчивается на твердый звук, то писать на его конце особый твердый знак:

бокъ, домъ, городъ.

2) Кроме того, около 130 слов имело в корне особый звук, которого теперь нет в русском языке, нечто среднее между **е** и **и**. Он обозначался особой буквой **ѣ**, называлась она «ять»:

ѣсть, снѣгъ, бѣгать, человѣкъ, хлѣбъ.

Позднее, к концу XVIII века, этот звук стали произносить как обычное **е**, но писать продолжали по-прежнему, как бы говоря этим: «Мы — наследники наших дедов и прадедов, они так писали, и нам так писать. Мы с ними одна кровь, один народ, пусть и письменность у нас будет одна».

Вот и остались эти 130 главных слов, а от них «ять» пошла ставиться и во всех им однокоренных:

ѣда, снѣжинка, пробѣжка, человѣкообразный, нахлѣбникъ.

А еще писали **ѣ**:

а) в окончаниях существительных дательного и

предложного падежей единственного числа 1-го склонения:

по водѣ, о мамѣ;

б) в окончаниях существительных предложного падежа единственного числа 2-го склонения:

на столѣ, въ облакѣ;

в) в суффиксах глаголов 3-го лица единственного числа прошедшего времени, если в них слышится звук **е**:

чернѣлъ, робѣлъ, смотрѣлъ

и во всех производных от этих глаголов формах:

чернѣтъ, чернѣвшая, чернѣя;

г) в суффиксах сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных, если в обеих одновременно слышится звук **е**: умная — умнѣе — умнѣйшая (книга)

отважная — отважнѣе — отважнѣйшая (попытка), но:

тихая, тише — тишайшая (река)

крѣпкая — крѣпче — крѣпчайшая (дружба).

3) Ну и, наконец, буква **І**. В отличие от привычного нам **и**, которое называлось «восьмиричным» «и» она звалась «І десятиричное» (до Петра Первого цифр на Руси не было, и числа обозначались буквами, отсюда такие названия: **и** обозначало число 8, а **І** — число 10).

Эта буква ставилась перед другой гласной и **й** (звук, который она обозначала, тоже когда-то отличался в произношении):

молнІя, РоссІя, великІй,

да еще в слове мІръ (в смысле «вселенная»), для отличия от слова миръ (в смысле «отсутствие войны»).

4) А что касается буквы **Ѳ** — она ставилась только в греческих словах и называлась «фита»:

Ѳедоръ, арифметика, Вифлеемъ (город, где родился Иисус Христос).

Еще несколько правил:

У прилагательных с окончаниями в именительном падеже единственного числа мужского рода **ый, йй** в родительном падеже мужского и среднего рода нужно писать не **ого, его**, а **аго, яго**:

нова**го** платья, толста**го** портфеля, дальня**го** грома.

б) Во множественном числе в именительном и винительном падежах прилагательных женского и среднего рода окончания не **ые, ие**, а **ыя, йя**:

син**я** моря, быстр**я** р**ѣ**ки, высок**я** горы.

7) Особенно отличалось склонение местоимений:

а) кроме **ѣ**, в окончаниях дательного, предложного падежей единственного числа (как у существительных) **ѣ** писалось и в окончаниях творительного падежа:

мн**ѣ**, теб**ѣ**, себ**ѣ**, к**ѣ**м**ѣ**, т**ѣ**м**ѣ**, вс**ѣ**м**ѣ**, ч**ѣ**м**ѣ**;

б) во множественном числе для женского рода в именительном даже имелась особая форма **онѣ**;

в) для различения местоимений единственного числа среднего рода и множественного числа во втором случае писалось **ѣ**:

все это оказалось неправдой,

вс**ѣ** эти д**ѣ**ти грамотно пишут по-русски.

Ѣ оставалась и во всех остальных падежах множественного числа этого местоимения, а также в подобных формах местоимения **тѣ**:

вотъ вс**ѣ** т**ѣ** д**ѣ**ти (именительный)

игры вс**ѣ**хъ т**ѣ**хъ д**ѣ**тей (родительный)

подарки вс**ѣ**мъ т**ѣ**мъ д**ѣ**тямъ (дательный)

я вижу вс**ѣ**хъ т**ѣ**хъ д**ѣ**тей (винительный)

играть со вс**ѣ**ми т**ѣ**ми д**ѣ**тьми (творительный)

заботиться обо вс**ѣ**хъ т**ѣ**хъ д**ѣ**тяхъ (предложный).

8) Приставки **раз-**, **воз-**, **из** — не оглушались перед с:

разсказ, возстан**і**е, изсл**ѣ**довать

Приставки **без-** и **через** — не оглушались никогда: **без**речур**ь**, **без**покойн**ы**й.

ООПИиКЭ, Г. ТАЛЛИНН

В декабре в Таллинне состоялась учредительная конференция Общества охраны памятников истории и культуры. Невзирая на традиционное название, у эстонского новорожденного есть коренное отличие от ВООПИК: Эстонское Общество не «спущено сверху», а, так сказать, «пробито снизу». И согласие на его образование последовало далеко не сразу. Журнал национализма преследовал саму идею подобного начинания. Подумать только: ООПИиКЭ стремится к обеспечению непрерывности «культурного процесса», сохранению и укреплению исторической памяти народа, а также сохранности гуманной и культурной среды, согласно исторически сложившимся оценкам народа» (Устав ООПИиКЭ, п. 6). Однако время настало, и скоро мы получили подтверждение тому, что «отношения между Обществом и государственными органами охраны памятников истории и культуры основываются на взаимосотрудничестве и взаимодововерии». Общее руководство деятельностью Общества осуществляется Министерством Культуры ЭССР, Госкомстроем, Главархивом ЭССР и другими компетентными в охране памятников истории и культуры центральными учреждениями (Устав ООПИиКЭ, п. 8).

И как отрадно, что «Общество... проводит целенаправленный сбор средств, вступает в договорные отношения с юридическими владельцами памятников..., защищает наследие прошлого от актов вандализма и других повреждений..., занимается сбором и сохранением устных народных традиций, воспоминаний и т. п. ..., подготавливает и издает печатные издания по охране памятников старины, в том числе свой альманах; создает свой культурно-исторический архив и библиотеку» (Устав ООПИиКЭ, п. 2, 4, 7, 9, 10) и, наконец, «...предает

гласности случаи уничтожения, разрушения памятников и бесхозяйственного к ним отношения» (там же, п. 12).

С финансами у «младенца» уже довольно благополучно. Вступительный взнос в Общество — рубль. Годовой взнос составляет пять рублей или опять-таки рубль, если вы еще учитеесь! Пожертвования посыпались тут же: Госагропром ЭССР и республиканское общество «Знание», не сговариваясь, отослали в общей сложности четыре тысячи целковых. Тут же последовали частные дары в библиотеку и архив. Эстонцы — люди организованные и о своих обещаниях не заставили долго раздумывать.

Совет ЭК, по временной бедности, смог приветствовать собрата лишь высокопарным поздравлением своего представителя И. Паукова — единственного, кстати сказать, представителя россиян, присутствовавшего на учредительном собрании*.

Рассказав о сложной ситуации с охраной петербургской старины, И. Пауков продолжал:

«...Опыт Эстонии в области регенерации исторических городов для нас кажется позитивным и чрезвычайно поучительным — взять хотя бы ваше принятое уже предложение в Госстрой ЭССР по пересмотру общих архитектурно-планировочных норм специально для тех случаев, когда речь идет о реконструкции старых центров. Мы стремимся к аналогичному пересмотру: ведь у нас в Ленинграде при уничтожении мансард, ценных интерьеров и повсеместном изгнании дерева из архитектуры архитекторы ссылаются на несоответствие определенных помещений, квадратных метров и стройматериалов нормам современного планирования.

---

* Присутствовали 227 человек: 226 хозяев и один гость. Из 226 — 222 эстонца, 3 русских и один азербайджанец, да и тот — Эфендиев, директор музея г. Нарвы, весьма привечающий молодых ленинградских художников,

Это негативное явление ведет к снижению профессиональной грамотности архитекторов, развращает чиновный аппарат ГлавАПУ. А ведь от них зависит многое в судьбе нашего исторического центра.

С другой стороны, здания, подвергшиеся действительно реставрации, перестают быть обитаемыми, жилыми. Но культура немыслима как исключительно отвлеченное, абстрактное понятие. Сохранение культурной среды — задача еще и экологическая. Если у нас отнимут свидетельства нашей истории, это будет равносильно, к примеру, исчезновению воздуха, воды и всего того, что принято называть живой природой. Всем этим озабочены мы, Совет ЭК, — все эти вопросы мы осветили, кстати, на ноябрьской Конференции Совета, где были рады принять представителей Эстонии. (...)

Вы жалуетесь на историческую неосведомленность рядовых эстонцев. Быть может, это так — вам виднее. Однако у эстонцев существует большое — хотя бы инстинктивное — уважение к родной старине, и для рядовых русских пусть оно служит поучительным примером. Взять хотя бы деятельность по регенерации усадеб и... осуществляемую сейчас в Эстонии руководством совхозов и прочих организаций (и лиц), профессионально никак не связанных с тем, что принято называть культурой.

Итак, Совет ЭК и Ленинградское отделение СФК рады приветствовать прекрасное начинание эстонцев, которое, как и многие предыдущие — уверены! — принесет позитивные результаты. Мы ждем ваших представителей в Ленинграде и надеемся, что наше сотрудничество будет плодотворным».

КИЖИ

Кижы появляются в жизни человека как град Китеж — из воды. Встает многоглавая, как многоголосая Преображенская церковь, и, пока подходит к острову теплоход, успевает сделать пол-оборота вокруг себя. А рядом колокольня — ну, сухопарый кавалер, да и только.

— Позвольте, что это за неуместные танцевальные ассоциации?! Все-таки храм, некоторым образом!

Как прав, как прав в своем возмущении мой читатель! И мне это ох как не нравится, да что поделаешь, лезет в голову всякая плясовая чепуха, как поглядишь на топчущуюся уже 40 лет вокруг Преображенской церкви реставрационную кадриль, свидетелем которой я и хочу сделать моего читателя. Итак,

РЕСТАВРАЦИОННАЯ КАДРИЛЬ
ФИГУРА ПЕРВАЯ **ИСТОРИЧЕСКАЯ**
Исполняют реставраторы с 1946 года

Я по улице иду,
Широко шагаю.
Как под милкиным окном —
Тяжело вздыхаю.

Отчего же тяжело вздыхали начавшие в 1946 году первые реставрационные работы специалисты?

Преображенская церковь, освященная в 1714 году, была законсервирована в конце XIX века; обшита снаружи тесом и внешним каркасом, принявшим на себя часть конструктивных нагрузок, главки покрыты жостью. Жость в 49-м снова заменили лемехом, а вот снимать или не снимать внешний каркас — мучились долго. Но в 50-х все же сняли. Церковь приобрела прежний (до

консервации) вид, но состояние ее вскоре резко ухудшилось. Проекты и предложения ЛИСИ, МАРХИ — скрытая переборка, внутренние инженерные сооружения. И в конце концов демонстрируется иконостас, «небо» — внутренний деревянный потолок, пол и внутри устанавливаются металлические разгрузочные леса, а потом и жимы на стенах.

Кадриль наша закрутилась и теперь

ФИГУРА ВТОРАЯ

СОВРЕМЕННАЯ

Над деревней тучи ходят,
Над полями гром гремит.
Мого милку трое любят,
У меня сердце болит.

— И как же не болеть моему сердцу? — скажет заместитель директора музея «Кижи» Витухновская. И будет очень права, так как один из «любителей», решительно поставив знак равенства между сохранением памятника и сохранением материала, из которого он сделан, предложил в 1985 году демонтировать церковь и перевезти на хранение в с. Васильево, а на ее месте, дабы никого не обидеть, поставить копию. Другой щедрой рукой не пожалел для острова двух церквей: одна, старая, дескать, пусть уж догнивает как хочет, а мы на смену ей рядышком — другую такую же, только новую.

А что до третьего, то, испытывая глубочайшее восхищение перед нестандартностью его методов и верой в народ, не могу не предоставить ему в нашей кадрили отдельного выхода.

Итак,

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Задуманный мой товарищ!
Выходи и выручай.
Я отчаянна головушка,
И ты не подкачай!

И что сотворила наша отчаянна головушка? А она... Объявила конкурс! Сдержите крик изумления и радости по поводу столь блестяще решенной проблемы реставрации, ибо

1. Конкурс был объявлен отнюдь не по проблеме вообще, а только на инженерную конструкцию, поддерживающую церковь.

2. Объявленный в наше время, конкурс был явно рассчитан на былинных богатырей: в одиночку (участие специализированных организаций не допускалось) нужно было закончить работу в течение девяти месяцев! Для не оценивших пикантности ситуации: только на подготовку условий к конкурсу ушло шесть месяцев. Впрочем, собрать за это время достаточные исходные данные для конкурсантов так и не сумели (а пытались ли? Бог весть). А что кровно заинтересованная в результатах дирекция музея? Она, с ужасом получив в марте 87-го года условия конкурса, объявленного еще в январе, тотчас отослала жюри свои замечания, ответа на которые ждет по сей день. А конкурс? Да богатыри, видать, перевелись, конкурс и провалился. Вот тут-то и выходит задушевный товарищ «выручать» и грозитя «не подкачать». Над Преображенской церковью грозно нависла переборка. Итак:

ФИГУРА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕБОРНАЯ

Уж ты миленький мой
Ловкая хватка —
За тебя не забранит ли
Роденькая matka?

Из каких же краев, кто наш былинный богатырь? А идет плотник-самородок Попов и впрямь с подвига былинного — переложив жемчужину Архангельской области церковь Дмитрия Солунского 1784 года сорокаметровую шатровую красавицу из Верхней Уфтуги.

И хочется (кроме шуток) ударить по струнам гуслей звончатых, дабы воспеть его подвиг — семилетний труд без своевременного снабжения материалами и оплаты, почти без помощников. А воспев семь лет труда, хочется попристальнее взглянуть на его результаты.

Тем более когда для этого есть такие замечательные глаза, как у членов работавшей там комиссии: Красноречьева, мастера по переборке, главного архитектора музея Кижы Куликова и профессора Орфинского.

А глаза Красноречьева видят отсутствие необходимых обмеров и чертежей перед переборкой (из-за чего и в необходимость переборки пришлось поверить просто со слов Попова), большие расхождения в диаметре старых и новых бревен, из-за которых произошел сдвиг, и старые бревна, не попавшие на свои места, пришлось подтесывать, галерею, собранную не такой, какой она была (по фотографиям 1912 года), а такой, какой, по мнению Попова, она должна быть была в XVIII веке, зазоры между пазами и чашками, гораздо большие, чем были до переборки.

А глаза Куликова и вовсе мечут молнии: да, стоит св. Дмитрий Солунский крепко, но это уже не тот св. Дмитрий Солунский, хоть и похож на прежний образ силуэт его шатра (в сумерках!), но... не то! А к тому же на старых и новых бревнах полно домового гриба (способного изъесть бревно за 2 года — в труху!) — как же может реставратор оставлять свое детище в таком состоянии!

— Позвольте, — вступает, не утерпевши, в нашу кадриль читатель, — да ведь Попов уже берется перебирать Преображенскую церковь этим летом? И, говорят, даже топор у него такой, каким тогда, в XVIII веке рубили?

И я беру нашего читателя в круг, потому что он совершенно прав — да, и инструмент у Владимира Александровича восстановлен большими его трудами тот же,

что и у умельцев — пращуров наших — и топор, и долота, и, заканчивая работы в церкви Дмитрия Солунского, готов он за новое дело взяться этим же летом...

— А вот готов ли он для этого дела? — спрашивает профессор Орфинский, и ему за точность и важность его формулировки мы дадим отдельный выход.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Ой, как гляну по ребятам —
Тот хорош и тот хорош.
А как гляну на миленка —
От него не отойдешь.

Итак: оценить объективно работу Попова с церковью Дмитрия Солунского можно, только пользуясь тремя шкалами:

1. В тех условиях, в которых ему приходилось работать — на 5+.

2. По сравнению с аналогичной работой Красноречьева в Витославицах — на 4—.

3. Для человека, берущегося перебирать Преображенскую церковь, — неудовлетворительно.

И вывод простой и ясный: несмотря на то, что Попов на сегодняшний день — один из самых перспективных специалистов в области реставрации деревянного зодчества, Преображенскую церковь ему доверять еще нельзя.

Так-то.

А тем не менее Минкульт РСФСР в феврале этого года принимает решение о настоятельной рекомендации переборки для реставрации Преображенской церкви Поповым. И потому наступает в нашей кадрили время

ФИГУРА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕДОУМЕННАЯ

Я спрошу тебя, рябина,
От мороза зреешь ли?
Я спрошу тебя, милой,
Ты меня жалеешь ли?

Нет, не жалеет «Преображенку» наш «милой» — Минкульт РСФСР. Иначе не положил бы он, то есть под топор переборщика, без диагноза.

Как ни дико звучит это даже в нашей чудной кадрили, не знают наши реставраторы толком, что же творится сейчас с Преображенской церковью. Не знают, стоит ли она еще сама или уже висит на заботливо вставленном каркасе, а главное — не знают, в каком состоянии складывающиеся ее бревна.

По одним данным, сгнило 75% материала, вредители ушли в бревна так глубоко, что антисептиками и консервантами их уже не достать. По другим данным, лишь 12% бревен по плотности не соответствуют новому строительному лесу.

Не под легкомысленную кадрили вдаваться в технические подробности, скажу лишь, что точка зрения и тех и других весьма уязвима для критики. А всего уязвимее позиция Минкульта РСФСР, настойчиво рекомендующего переборку, то есть если заменить 75% бревен новыми, то это будет уже новодел, но в отличие от полного новодела — ослабленный оставшимися в нем 25% старых бревен.

А если все же 12%, то, обратясь к судьбе перебранных памятников, мы увидим, что хоть за ними толком никто сейчас и не наблюдает, одно ясно — все они требуют реставрации уже через 5—10 и новой переборки — через 10—15 лет. А ведь речь-то не о бане: 100 лет изучают архитекторы церковь и по сию пору находят в ней новые хитрости старых мастеров.

А много ли хитростей найдем мы после переборки, сделанной почти наугад, да и кем? Ведь мастеров и сегодняшнего поповского уровня у нас раз-два и обчелся, да и он далеко не у вершины. А зачем они будут учиться?

Так, может, не будем гнать лошадей, наш кавалер, Минкульт РСФСР? Прислушаемся, вон специалисты

в один голос говорят, что переборка — дело крайнее, а Преображенская простоит еще 5, а то и все 10 лет.

А за это время успеем составить атлас состояния дерева в конструкции, да послушаем, что скажут на готовящемся к осени международном симпозиуме по проблемам деревянного зодчества шведы, финны, канадцы, японцы — у них, говорят, и постарше памятники попадают. А то и устроим, как предлагает член-корр. АН Чистов, международный конкурс, собрав наконец исходные данные.

И не распахивать хоздоговорными темками в первые попавшиеся институты надо проблемы реставрации памятников деревянного зодчества, а тряхнуть мощной на научно-исследовательский центр, тем более что ждут своей участи, кроме Преображенской церкви, еще около 3000 построек в одной только Ленинградской области.

А то как бы не превратилась наша бестолковая кадиль в спокойный похоронный марш над грудями гнилых бревен, напоминающих о том, что были и у нас памятники деревянного зодчества.

От редакции: В апреле месяце кижских проблем коснулись и другие печатные органы: газета «Архитектура» № 8 (23.04) и журнал «Огонек» № 17.

В первой публикации ответственный секретарь жюри конкурса «на лучшее предложение» выразил радость по поводу огромного количества предложений и обеспокоенных писем. Он же оповестил о позиции Союза архитекторов РСФСР: церковь надо перебрать, для чего привлечь А. В. Попова. «Направление работ по реставрации Преображенского собора (?) определено... мастеру Попову предстоит в полной мере использовать накопленный опыт». Статья называлась... «На пути к спасению».

Некто Г. Сорокин в «Огоньке» выступил с резкой «антипоповской» критикой. В его статье «Конец Кижей с последующим симпозиумом» одна фраза особенно при-

мечательная для ленинградцев: «Кижы — не «Англетер». Это гораздо серьезнее». И с этим можно согласиться, если сравнивать «весовые категории» памятников, если же говорить об общественных баталиях, то все-таки «Англетер» был много серьезнее.

II. РЕСТАВРАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

*«Меркурий»,
1987, № 8
В. ГУЩИН*

ПРИ СВЕТЕ ЗЕЛЕННЫХ СВЕЧЕЙ

В семействе «зеленых» организаций произошло пополнение. Появилась новая группа «Грин хипп», или «Зеленый хиппи». То, что «детям цветов» (как еще иначе называют себя хиппи) оказались не безразличны судьбы природы, нет ничего удивительного. В ряде западных стран хиппи оказались среди зачинателей партии «зеленых».

В «Грин хиппе» сейчас более 30 человек. Группа зарегистрирована в качестве отряда зеленого патруля и работает не хуже остальных формирований общества охраны природы.

Первое крещение гринхиппов произошло на памятнике природы «Урочище Донцы». Один из хиппов, «Лайф», чуть было не оказался жертвой браконьеров. С голыми руками он бросился на пьяного преступника, выстрелившего в корреспондента «Ленинградской правды». Затем, через некоторое время, двоих хиппи чуть было не сбросили в реку разъяренные садоводы, когда им попытались напомнить о существовании законов об охране природы.

Потом последовали проверки соблюдения сроков сбо-

ра и торговли лесными ягодами, рейд по кладбищам Ленинграда по пресечению торговли самовольно обломанными хвойными ветвями.

Развивалась и сама организация. Срочно требовалась своя символика и атрибутика. Старые зубры из Центрального совета общества охраны природы порекомендовали использовать при разработке эмблемы элементы символики, характерные для движения «хиппи». Мы были обеими руками «за». Но советовать из Москвы легко: у них отсутствует антиэмблемное постановление горисполкома, а в Ленинграде оно есть. И вот Леноблгорсовет общества охраны природы, как «умная Маша», пишет письмо в Ленгорпрокуратуру за разъяснением, какие символы, знаки, эмблемы и изображения подпадают под запрет.

Надобно отдать должное прокуратуре, в месячный срок прислала ответ. В нем сообщалось, что под запрет попадает... далее шла цитата из уже известного решения Ленгорисполкома от 14.07.87 г., п. 16. Ясно, но непонятно. Устно, правда, сообщили, что с юридической точки зрения ответить не представляется возможным, и порекомендовали обратиться в юридический отдел горисполкома: он готовил проект решения — пусть и выпутывается. Прислушались. Обратились... Ответа ждем уже третий месяц.

Пока общество охраны еще надеялось на порядочность составителей антифенечного опуса, «Грин хипп» подготовил проект своей эмблемы. Среди крокодилоклювого птеросдохтеля и двуглавой зеленой вороны в хайратнике на одной голове и гребнем — на другой, оказался четырехлистник в форме пацифика. И кто бы теперь пояснил, противоречит ли пацифик или двуглавая ворона нормам социалистической нравственности и морали или нет?

Что-что, а запутывать бюрократы умеют.

Началась «елочная кампания». Среди прочих в городе стали появляться самовольно порубленные ели.

«Грин хипп» оказался на Финляндском вокзале. Эксперимент был достаточно рискованный: в любой момент при виде хиппи или панка с красной повязкой мог кто-нибудь хватить кондратий. В первый день дежурства милиция линейного отделения долго не могла прийти в себя. Бедный панк по кличке «Порк» («свинья»), с повязкой «охрана природы» на рукаве, боялся хотя бы на шаг отойти от меня. Время от времени появлялись товарищи в форме и направлялись к нему. Испуганный панк прятался за мою спину, пока я подтверждал законность его участия в проверках. Стражей порядка можно было понять: больно уж непривычно участие панков или хиппи в оперативной охране природы.

На следующий день милиция усилила контроль за провозом елок. За каждой контролирующей бригадой «Грин хиппи» неустанно следовал страж правопорядка. Не знаю, как хиппам, а мне было спокойнее. Появлялась хоть какая-то гарантия, что наших зеленых пацифистов никто не обидит.

Тактичное поведение сотрудников милиции Финляндского вокзала ничем не напоминало привычного хамства их коллег из 5-го отделения Куйбышевского района. Правда, к концу дня выяснилось, что и здесь не всюду проник ветер перестройки.

Таща с собой за руку Порка, в пикет инспекции по охране природы заявила дама в штатском. Не показав хотя бы для приличия удостоверение, она объявила, что как сотрудник детской комнаты милиции выгоняет панка с вокзала.

Удивленно оглядываю Порка. Вроде бы не в одних трусах по платформе бегают. Из атрибутики — гребень на голове и повязка «охрана природы».

Слушать дальнейший с ней разговор подходили все новые и новые хиппи.

Нет, эту даму не интересуют материалы XX съезда ВЛКСМ. Поэтому слушать, о чем там говорили, она просто не пожелала. Затем началось нечто типа игры

«Что? Где? Когда?» по вопросу, кто лучше знает решения Ленгорисполкома. С дамой потихоньку начиналась истерика. Да и долго ли: все время контролировала выполнение нормативных актов, не читая их, а тут... Слов от возмущения она не находила. А потому закричала, что все равно выгоняет панка с вокзала. Пришлось напомнить ей о пределах ее полномочий и послать заниматься ее прямыми обязанностями. С криком по поводу жалобы в райком она удалилась.

А хипы на вокзале все прибывали. Нравилось им охранять природу. Благо нарушителями почему-то оказывались то работники общественного питания, то торговли, а нередко и просто жулики. И вели они себя как на рынке, вплоть до угроз и шантажа. Время от времени приходилось посылать хиппи за милицией. Последние с готовностью помогали. От такого содружества уже у нарушителей язык отнимался.

Кампания прошла успешно. За одну неделю состав «Грин хиппа» удвоился.

Недавно прошла организационная тусовка «Грин хиппа». При свете трех зеленых свечей. Рассмотрены программные вопросы организации. Решено было добиваться того, чтобы группа по мере ее развития приближалась к коммуне. Основная цель — борьба с бездуховностью, за охрану окружающей среды при тесном сотрудничестве с Обществом охраны природы. «Грин хипп» уже вошел в состав «Эпицентра». Сейчас же, желая координировать экологическую работу в рамках страны, группа стала членом молодежной инспекции СССР по охране природы.

«Грин хипп» быстрыми темпами из какой-то экзотической организации становится обычной самодеятельной группой. И хотя у нее еще хватает недоброжелателей, она начинает проявляться как реальная сила.

КОГДА СОЗРЕЮТ ЗЕЛЕНЬЕ?

24—26 апреля в Самаре состоялась очередная тусовка рыцарей ордена экологов. Как гласило предложение, разосланное во все возможные места, спонсорами встречи объявили себя эколого-политический клуб «Альтернатива» и «Самарский союз зеленых». Деятели экологического крыла демократического движения из Москвы, Алма-Аты, Липецка, Архангельска, Челябинска, еще из десятка городов слетелись в Куйбышев, как мухи на сладкое. Да и как было не соблазниться, если в повестку дня, кроме всего прочего, были включены вопросы финансирования групп и создания партии зеленых.

Началась встреча с опозданием на пять часов в конференц-зале Куйбышевского обкома комсомола, что вызвало легкое недоумение собравшихся, осведомленных о весьма напряженных отношениях самарских зеленых с властями. Недоумение не рассеял и открывший официальную часть тусовки представитель оргкомитета Сергей Фомичев, обвинивший комсомольцев в каких-то закулисных играх и в связи с этим попросивший собравшихся не касаться проблемы создания партии, потому что зал в «Белом доме» (так в Самаре называют помпезное здание на берегу Волги, под крышей которого собрались все областные власти) был предоставлен с одним условием: ля-ля о том, как все плохо — ради Бога, а о партии и оргвопросах — ни-ни. Зачем было соглашаться, не понятно. «Альтернатива» и «Самарский союз зеленых» зарекомендовали себя как организации жестко придерживающиеся принципов. Кроме того, все более или менее интересные решения и резолюции были приняты не на дневных официальных заседаниях, а на вечерних квартирных тусовках. Единственное разумное

объяснение — спонсоры хотели придать встрече весомый внешний вид и заставить аппаратчиков серьезно относиться к принятым резолюциям.

Для меня наиболее интересным результатом трехдневных экологических радений можно считать окончательно сформулировавшееся ощущение того, что зеленые вступают в полосу кризиса. Помимо общей некомпетентности большинства замороченных на голом протесте, помимо неумения предлагать альтернативы, экологи практически лишены возможности влиять на ход события. Картину не улучшают «победы» типа прекращения переброски стока северных рек или строительства канала Волга — Чограй. Побед локальных, приносящих дивиденды в среде обывателей, у зеленых практически нет.

Крики «долой!» быстро приедаются. Приедаются сначала самим кричащим, а потом и остальным. Среди деятелей сотен и тысяч групп и группок не осталось, наверное, ни одного, сомневающегося в том, что бороться за экологию — значит бороться за политическую власть. Понимание пониманием, а ломки у зеленых начинаются именно на этом пункте. Одни (кто постарше) предпочитают бороться за места в советах. Другие (кто помоложе) оттягиваются на разговорах о зеленой партии и об отмене коммунистического диктата. У тех и у других неплохие козыри. Только толку от козырей никакого. Первые — соглашатели. Как всякие соглашатели, покупаются и продаются легко, без особых угрызений совести. Стоит ветерку перемен подуть в другую сторону, большинство из этих новоявленных борцов забьется по щелям. Другие — пожалуй, выстоят, даже страдания примут, если придется, но для партии зеленых, для настоящей партии у них пока кишка тонка: нет ни новой философии, ни идеологии, разработанной с ее помощью, нет программы, нет тактики, нет ничего.

В заключение и в утешение остается заметить, что на Западе зеленым понадобилось с десятков лет активной деятельности, чтобы превратиться в серьезную силу.

Да и кризис, как утверждают ученые, — признак роста, кризис — не тупик, им просто необходимо переболеть.

*Самодетельный
социалистический
вестник-альманах
«5 июня»,
август 1988 г.
М. А. КАЧАЕВА*

ВСЕ ТРУДНЕЕ ДЫШАТЬ...

В одном старом фильме есть такой эпизод: где-то на воздушном празднике что-то случилось с самолетом, и Сталин изрек, что человек, мол, дороже техники, прикажите остановить машину. Сколько людей в это время ожидало смерти в тюрьмах? Кончилась эпоха реакции, миновали времена застоя — аналогия осталась. «Все во имя человека, все для блага человека!» Да так ли это? Ситуация, сложившаяся в нашем городе, не просто заставляет усомниться — начисто подрывает доверие в истинность красивых и высоких фраз, раздающихся с трибун.

На протяжении девяти веков Рязань строилась вдоль высокого берега реки Оки, и ее обращенное к реке лицо, несмотря на все потери и искажения, до сих пор представляет собой уникальный памятник градостроительства; а на расположенном в пойме Оки Большом Борковском острове еще скрываются остатки варварски уничтожаемого археологического комплекса поселений (начиная с X тысячелетия до н. э.), на свою беду расположенного по песчаным дюнам — поставщикам промышленных материалов, что, очевидно, и явилось причиной таинственного исчезновения памятника с государственной охраны в ходе разработок карьеров. Не-

смотря на близость пойменных лугов и соснового леса, в городе все труднее дышать: ветры с юго-востока останавливают 16-этажные дома микрорайона Дашково-Песочная, юго-западные, южные, западные — несут пыль и газ с оловозавода, филиала ЗИЛа, завода химволокна, завода «Центролит», птицефабрик, словно в насмешку построенных по ветру; с северо-запада к центру на протяжении десяти километров тянутся многочисленные заводы. В некоторых местах центра города загрязнение воздуха в 80 раз повышает норму (15-минутное пребывание в такой зоне грудного ребенка влечет за собой необратимые изменения в его легких). Единственные ветры, приносящие свежий воздух из сосновой Мещеры — северный и северо-восточный, — дуют со стороны Окской долины.

Между тем в качестве новогоднего подарка рязанцам было преподнесено решение горисполкома утвердить проект Генерального плана Рязани, предусматривающий постройку в пойме в зоне охраняемого природного ландшафта и заповедного ландшафта городского кремля Северной окружной автодороги, развитие речного грузового порта и прокладку напорного канализационного коллектора. Не надо быть специалистом в области экологии, чтобы понять, к какой экологической и эколого-культурной катастрофе приведет осуществление этого проекта.

Выхлопные газы автодороги вызовут интенсивное разрушение историко-культурных памятников союзного значения: соборов XVII—XIX веков, Рязанского кремля, а равно городских памятников архитектуры, среди которых здания работы Я. Бухвостова, М. Ф. Казакова и иных выдающихся архитекторов, в большинстве своем и так находящихся в аварийном состоянии, сведет на нет начатую реставрацию Троицкого монастыря, связанного с пребыванием в нем посла Дмитрия Донского — Сергия Радонежского.

Прокладка трассы вызовет изменение уровня и загрязнение подземных вод, перекрытие их трубами и на-

сыпными грунтами, заболачивание поймы. В зоне коллектора вниз по грунтовому потоку расположены артезианские водозаборы, здесь же ниже по течению Оки находится Дядьковский водозабор, воду которого пьет большинство горожан. Очистка же сточных вод производится на предельно перегруженной биоочистке НПЗ, так что ежесуточно 30 тысяч т. (10 процентов стока) отходов сливаются в Оку неочищенными, загрязнение воды в 16 раз выше нормы. Но именно к этой, единственной в городе, биоочистке предполагается подключить коллектор, что неизбежно повлечет выход ее из строя на длительный срок. А что прикажете делать во время аварии? Рано или поздно она произойдет, так как трубы укладываются на неоднородные, местами слабые пойменные отложения, легко деформируемые, а вдобавок их материал (железобетон) подвержен истиранию твердой фракцией бытовых стоков. Если такая авария случится в пору половодья, к ее месту не подобраться ни на автотранспорте (из-за высокой воды), ни на судне (из-за мелководья); да высота канализационных колодцев предусмотрена в 7 метров (в зоне охраняемого ландшафта!), а максимальный подъем окских вод зарегистрирован на высоту 9 метров.

О том, какие именно эпидемии разразятся вслед за засорением поймы, остается только гадать, но список их достаточно устрашителен: помимо всевозможных вирусных заболеваний — грибковые, венерические, кишечные инфекции, малярия и т. д.

По сооруженному коллектору предполагается сбрасывать не только бытовые стоки, но в первую очередь промышленные отходы кожзавода, возводимого совместно с итальянскими фирмами. Пуск завода намечен на 1989 год, но очистные сооружения для него не строятся.

Проекты коллектора и автодороги начали воплощаться в жизнь без всякого утверждения. Таким незаконным образом, без предусмотренных законодательством согласований, построены участок дороги и коллектора между

микрорайонами города Борки — Канищево; в настоящее время ведется строительство канализационных веток, которые должны подсоединить к коллектору. Для завершения коллектора осталось проложить не более пяти километров труб. По участку автодороги Канищево — ул. Каляева началось заболочивание поймы, погублено около 40 гектаров луга. В песчаной насыпи дороги можно обнаружить обломки керамики и кремневые орудия труда каменного века. Трасса коллектора пройдет в опасной близости от остатков Борковского археологического комплекса, напомним — под охраной ныне не состоящих и могущих быть легко и на сей раз уже окончательно уничтоженных в ходе строительства.

Вывод из вышесказанного один: проведение в пойме Оки канализационного коллектора и Северной окружной дороги недопустимы. Это понимают не давшие своего согласия на утверждение их проектов Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР и ЦС ВООПИК, жители города, направившие около 2 тысяч подписей под своими протестами только в областные издания (в центральном из которых — газете «Приокская правда» — они канули в Лету), а также не одну сотню подписей в общесоюзную прессу. 18 ноября 1987 года против застройки Окской поймы выступила газета «Правда». Однако первый секретарь Рязанского обкома КПСС т. Хитрун заявил, что кожзавод городу нужен, а значит, коллектор будет, и предложил секретарю облотделения ВООПИК переменить свою точку зрения по данному вопросу. Еще бы! Отсутствие канализации приведет к срыву пуска кожзавода, а это уже грозит валютной неустойкой. Об альтернативном же варианте проекта в свое время не позаботились, а ныне на его разработку у государства «не хватает времени». До каких же пор, спрашивается, мы будем продавать за доллары нашу культуру, историю, природу, жизнь и здоровье наших граждан?! До каких же пор будет для т. Хитруна, что «Правда», что не

«Правда» — все одно?! По предсказаниям экологов, при нынешнем положении дел в Рязани через 50 лет не останется в живых ни одного человека. На мнение же жителей города т. Хитруну уж совсем наплевать. Лишним свидетельством тому служит (кстати, принятый к исполнению) наказ избирателей за № 79 (решение горсовета народных депутатов от 28.X.87) о превращении Большого Борковского острова в историко-природный заповедник, что несовместимо со строительством коллектора и дороги. А «перестройка» идет...

Активную борьбу против варварского уничтожения Окской поймы ведут городские общественные организации — дружина по охране природы и клуб «Отечество». Видимо, в самой прямой связи с их активностью находятся некоторые, мягко говоря, «странные» распоряжения секретаря Рязанского областного отделения ВООПИК В. И. Чернышевой, находящейся в крайнем негодовании по поводу независимой деятельности клуба, зарегистрированного при областном отделении ВООПИК, а именно: после отклонения клубом требования перейти на положение секции ВООПИК он без всяких оснований был объявлен антиобщественной организацией; газетам отдано распоряжение не публиковать его объявлений о проведении субботников и тематических вечеров памяти (ассамблей), все предлагаемые к печати статьи на краеведческую тему должны отныне проходить цензуру В. И. Чернышевой, которая, не являясь сколько-нибудь значительным краеведом, намеревается накладывать «вето» на публикации членов клуба; лидеров клуба пытались обвинить в «краже» из ВООПИК их же собственных устава и списков совета клуба, а на этом основании устроить обыск у секретаря клуба М. А. Качаевой. В декабре 1987 года председатель президиума Рязанского областного отделения ВООПИК т. Фулин, воспользовавшись отсутствием на заседании представителя клуба А. О. Никитина, введенного в состав президиума решением X областной отчетно-выборной конфе-

ренции Рязанского областного отделения ВООПИК, во всеуслышание заявил о необходимости вывода Никитина из президиума и о необходимости надлежащим образом это устроить, подтасовав соответствующие факты. Кампания борьбы ВООПИК с клубом «Отечество», неоднократно заявлявшего о координации своей работы с деятельностью Советского фонда культуры, ВООПИК и государственными организациями, сопровождалась звонками в соответствующие учреждения, вплоть до горисполкома, успешно сохраняющие вид полного неведения о противозаконных действиях, совершаемых против клуба.

Несмотря на очевидную попытку проведения против него репрессивных мер, клуб «Отечество» заявляет о своей решимости продолжать борьбу за спасение поймы реки Оки и ее историко-культурных памятников до конца.

Строительные работы в пойме продолжают оставаться незаконными, ибо их проекты, предусмотренные к дополнительному согласованию решением горисполкома о принятии генерального плана развития города, доньше не согласованы, несмотря на интенсивное проведение предусмотренных ими работ. Вдобавок вызывает тревогу напечатанное в областной газете «Приокская правда» сообщение о готовящемся повороте реки Оки в районе г. Касимова Рязанской области. Мы требуем их прекращения! Мы просим помощи в организации общественного воздействия на государственные и партийные органы, от которых отныне зависит судьба 500 тысяч населения города и его уникальных памятников истории и культуры: Рязанского областного комитета КПСС, Рязанского городского исполнительного комитета Совета народных депутатов, Министерства культуры СССР, ЦК КПСС, а также в создании проекта альтернативного варианта коллектора и дороги.

Рязань — один из немногих городов СССР, сохранивших свое культурное наследие. Мы не имеем права потерять его, как не имеем права допустить, чтобы ло-

зунг «Все для блага человека, все во имя человека» убивал, чтобы призывы о перестройке, об общественной активности существовали для дураков. Жизнь человека должна зависеть от человека, а не от воли «добрых» дядей, один из которых облучит, другой — утопит, третий — отравит, а четвертый — уничтожит все, что дорого твоему сердцу, все, с чем связывается очень конкретное и святое понятие — Родина!

Хочется верить, что наш голос будет услышан и понят!

*«Слово Урала»,
1988, № 3*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МИТИНГ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

Несмотря на оптимистические заявления местных властей, экологическая обстановка в городе Нижний Тагил не улучшилась. Независимый экологический клуб «Очищение» вынужден был провести митинг для привлечения внимания общественности к экологическим проблемам города.

«Отцы города» отказались опубликовать в местной газете объявление о предстоящем митинге. Были отпечатаны и распространены более 1000 листовок, объявлений и плакатов, делались устные объявления через мегафон на остановках транспорта и у кинотеатров, и митинг, назначенный на 5 июня — Всемирный день защиты окружающей среды — собрал на Театральной площади города одновременно более 3 тысяч человек.

Митинг открыла член совета экологического клуба «Очищение» В. А. Бакланова. От имени клуба выступил также член совета клуба Анатолий Косолапов. Он сказал, что строить общество, участвовать в его жизни люди могут только если они вообще знают, что происходит.

Коротко проанализировав экологическую обстановку в городе, он зачитал обращение жителей Нижнего Тагила в Президиум Верховного Совета СССР (выдержки из которого приведены в конце репортажа). А. Косолапов призвал всех присутствующих поставить подписи под обращением, после чего пригласил всех желающих выступить.

Выступавшие подвергли резкой критике местных партийных, советских и хозяйственных руководителей за их нежелание, граничащее с преступной халатностью, вплотную заняться оздоровлением окружающей среды в Нижнем Тагиле. Они указывали на увеличение болезней среди населения, общей и детской смертности, напрямую связанное с наличием в тагильской атмосфере беспрецедентного количества вредных веществ.

Выступившие руководители предприятий, горкома и горисполкома согласились с существованием экологических проблем в городе. Однако присутствующие с неприязнью восприняли попытки «отцов города» уйти от личной ответственности за сложившуюся экологическую обстановку при помощи ссылок на независимые от их воли обстоятельства.

В частности, директор завода «Уралхимпласт» Смирнов ссылался на устаревшее оборудование. Бывший первый секретарь Н.-Тагильского ГК КПСС Е. Н. Сушилов, упомянув, что с Тагилом стали считаться (кто?), так как здесь работает общественное мнение, подверг сомнению представленные членами экоклуба цифры, свидетельствующие о превышении в десятки раз ПДК (предельно допустимая концентрация вещества) в городском воздухе. Александр Ураков (клуб «Очищение») выступил с отчетом о работе клуба, сообщил, что обращение в Прокуратуру СССР от жителей Тагила (3,5 тысячи подписей) попало в ЦК КПСС. Он представил факты грубой фальсификации и замалчивания общественно важных событий, допускаемые областной партийной печатью. Вне очереди выступил главный инженер НТМК

Одинок. Назвав НТМК главным отравителем тагильского воздуха, он сказал, что до его прихода на предприятие там отсутствовала программа по экологии вообще. Он подчеркнул, что принятые решения по созданию «чистых» технологических производств рассчитаны на выполнение к 2005 году. Надеяться, что ситуация изменится к лучшему за 2—3 года, бесполезно.

Ряд выступавших говорили, что одна из проблем — отсутствие в стране хорошего газоочистного оборудования, приборов.

Сергей Кузнецов, участник свердловской группы «Митинг-87», информировал тагильчан о событиях в Свердловске. Он рассказал, что в преддверии XIX партконференции, 4 июня, в Свердловске прошли митинги и демонстрации, во время которых свердловчане протестовали против недемократичных выборов делегатов на партконференцию. Он сообщил о возмутительных фактах протаскивания делегатов-коммунистов, дискредитировавших себя в глазах парторганизаций и общественности, например, Е. Н. Сушилова, несущего личную ответственность за экологическую катастрофу в Нижнем Тагиле. С. Кузнецов рассказывал, что кандидатуру Б. Н. Ельцина, выдвинутую от трех парторганизаций Свердловска, обком КПСС отклонил. В конце своего выступления он призвал рабочих Тагила бороться, используя традиции пролетариата конца XIX — начала XX века.

В. С. Приходько, также член «Митинга-87», в своем выступлении подчеркнул, что интересы партбюрократии и народа различны. Партбюрократия не думает о нуждах трудящихся. Далее Приходько предложил изъять продукты из спецраспределителей и передать в детские дома.

Е. С. Цинушкин говорил об инерции большинства горожан, охарактеризовав позицию «моя хата с краю» как проявление эгоизма и трусости. Он призвал граждан к активному участию в перестройке.

Дубровин и некоторые другие в своих выступлениях поддержали кандидатуру Б. Н. Ельцина в делегаты на XIX партконференцию. Всего выступило 40 человек.

Митинг продолжался 4,5 часа. За это время в нем приняло участие более десяти тысяч человек. На митинге присутствовали представители Свердловской телестудии, партийной прессы и независимых журналов «Гласность» — С. Кузнецов и «Слово Урала» — И. Насыров.

Ниже мы приводим отрывок из обращения жителей Нижнего Тагила в Президиум Верховного Совета СССР.

Уважаемые члены Президиума Верховного Совета СССР!

Ввиду нестерпимой экологической обстановки в городе мы вынуждены просить вас силой данных вам полномочий вмешаться и принять меры по следующим неотложным вопросам:

1. Незамедлительное направление в наш город компетентной комиссии от Госкомприроды СССР с участием независимых ученых и экспертов для проведения всестороннего анализа экологической обстановки в городе.

2. Немедленная остановка 9-й коксовой батареи и прекращение строительства 10-й коксовой батареи до проведения комплексной экологической экспертизы обеих, в том числе и на соответствие их нашему климату.

3. Недопущение ввода в действие новых объектов на «Уралхимпласте» (а в случае пуска — их остановка), учитывая малые возможности и несовершенство очистных сооружений, а также тяжелую экологическую обстановку в городе.

4. Немедленное прекращение преступной деятельности Кировоградского медеплавильного завода в Висимском заповеднике.

5. Приведение планов выпуска продукции в соответствии с возможностями очистных сооружений.

6. Пересмотр плана мероприятий, принятого горсоветом, с тем чтобы в кратчайшие сроки (2—3 года) све-

сти концентрации и выбросы вредных веществ к предельно допустимым.

7. Скорейшее внедрение новейших безотходных и малоотходных технологий на предприятиях города, вплоть до полной их реконструкции (например, без доменного и коксового производства, как на Оскольском комбинате, без шлакоотвалов, с замкнутым циклом воды и т. д.), а также ввод в строй эффективных очистных сооружений.

8. Недопущение ввода в действие и строительства каких-либо вредоносных объектов в Нижнем Тагиле из-за перенасыщенности ими города.

*«Вестник Совета ЭК»
1987, № 6
Александр СЕМЕНОВ*

КЛУБ «ЛАДОГА»

Клуб «Ладога» иногда называют семейной трудовой коммуной. Этим летом члены клуба жили и работали в Изваре, приводя в порядок территорию усадьбы Н. К. Рериха. Об «Изварской коммуне» писала пресса («Сельская новь», 4.07.87 и 24.10.87 и «Ленинградская правда», 3.12.87). «Вестник» публикует манифест клуба коммуны.

Дом на пожаре

У нас пожар. Пожарные. Веками создававшееся здание на грани разрушения. Культура, нравственность, экономика — все этажи объята пламенем. Глупо во время пожара искать поджигателя. Нужно тушить, спасать.

Что спасают на пожаре в первую очередь? Деньги? Вещи? Нет. Детей. Спасают город. Отважно. Самоотверженно. Понимают: в них будущее. В них — смысл.

Пожарные уже работают. Но мы — останемся ли любопытствующими зеваками или бросимся на помощь? Горят наши дети. Пусть их? «Спасать — дело спасателей» — скажет ли кто? Равнодушие — значит пламя, разрушительное пламя равнодушия и эгоизма перекинулось на новый этаж, под угрозой новые жизни.

Внимательно вслушиваемся в слова великого гуманиста и мыслителя Николая Константиновича Рериха, из уст которого еще в начале века прозвучал призыв к обороне культуры: «Каждый уклоняющийся от содействия обороне культуры уже навсегда сопричтется к пассивным вандалам. Ведь в каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая «активность», может быть, еще страшнее и отвратительнее. Последствия ее отзовутся на разложении всей нации».

Мы воочию убедились в губительной силе равнодушия. Ведь равнодушный к другим людям всегда обратной стороной имеет равнодушие к себе — своекорыстие. И если борьба с равнодушием неизбежна, то начинать надо прежде всего с самого себя. Найти мужество увидеть разложение нации. Вступить в бой — самый тяжелый — за человека в нас самих, в наших детях — за наше будущее. Только участие в этом бое даст нам такое необходимое сейчас нравственное очищение. Но и на помощь нужно бросаться не как попало, внося хаос и неразбериху в слаженные действия пожарников. Дисциплина нужна и четкое осознание цели. С чем бороться? Для чего бороться? Организация нужна и планомерность действий. Действие просвещенное нужно.

Прежде всего уясним суть проблемы, корни ее. В чем причина бедственного нашего положения? Ведь не дети военных лет по детским домам и интернатам — дети наших соседей, наши дети. Молодой маньяк, разгуливающий по городу и убивающий людей — что, он с другой планеты? Не рядом ли с нами он рос, не мы ли его воспитывали?

Долгие годы в нашем обществе шло планомерное разрушение семьи. Кто-то сказал: «Семья — пережиток буржуазного общества». И этот «пережиток» стали потихоньку выпихивать, выталкивать в топь, на второй план, в небытие. Человека с пеленок у нас воспитывали идеи марксизма и общества. Семья же наносила ущерб производству, требовала заботы и внимания — кругом убытки. Семья не вписалась в схему производства материальных благ, и ее вычеркнули. Такое было после слова дело. Какое же слово должно прозвучать сейчас, что же такое на самом деле — семья?

Семья — самая элементарная ячейка кристаллической решетки общества. Семья — фабрика нравственности человека. Семья — школа сотрудничества. Именно в семье, освященной любовью, совершается таинство превращения «человека для себя» в «человека для нас». Там рождается не только человек, но и гражданин. Это главная функция, смысл семьи, для выполнения которой она должна представлять собой целостную и живую схему. Но в условиях тотальной формализации жизни общества произошла и формализация семьи. Данные, обладающие внутренним качеством семьи, которые могут по праву носить название элементарной ячейки общества, встречаются все реже и реже. Полные, многодетные семьи, где процесс воспитания становится радостью, а совместная жизнь — счастьем, где процветают сотрудничество и творчество. Где в основу отношений положены три кита: уважение, доброжелательность и искренность. Где незримо и всепрощающе присутствует любовь — этот образ семьи, действительно воспитывающий всех своих членов — старших и младших — гражданами.

Подумайте о своей семье. О семьях ваших знакомых и соседей. Многие ли можно принять за идеал? Многие ли отвечают строгим, но и прекрасным требованиям настоящей семьи?

В этом корень, ядро проблемы. И если не будут при-

няты комплексные меры — и «сверху» (понимание социального и морального статуса семьи на деле, то есть в законе и практике) и «снизу» (активизация семейных движений, клубов, объединение всех здоровых сил общества), то и перестройки не произойдет. А если и произойдет, то формально, ибо смысл только тогда появится, когда есть развитие сознания, а значит, и перспектива на будущее. Без нравственно и умственно полноценных детей перестройка бессмысленна!

Решая конкретные проблемы, которые встают перед нами во всей их неприглядной оголенности и величине, нужно исходить именно из этого — возрождения семьи как кристаллической решетки общества. Будет качество у семьи — будет качество и у общества. Все великое начинается с малого.

ПОД ЗНАКОМ «РАСПАДА СТРУКТУР»

І. ИГРА И МИСТЕРИЯ

*«Митин журнал»,
1988, № 24
Борис ЮХАНАНОВ*

ТЕАТР ТЕАТР: ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ, ЖАНРУ, МЕТОДУ

Вчера я говорил о том, что существует огромная область игрового театра и существует область мистериального театра, но я не сказал о чем-то глубоко присущем модерну, связанном с его личной трагедией. Не пост-модерна, не авангарда — модерна, выраженного всевозможными замечательными именами... Это — «жизнетворчество». Это слово вбирает в себя и театральность, и подчас оказывается театром, но совсем не обязательно... И вот как бы получается такая своеобразная птица с телом, которое мы можем назвать «жизнетворчество» и с двумя крыльями «игра» и «мистерия».

Реально театр сейчас — это искусство, которое вначале оперирует незримым пространством, а потом проявляет его в конкретном сценическом действии. Вот, собственно, что представляют сейчас наиболее зрелые опыты в этом разнообразнейшем, более того, набирающем сейчас истинную силу и мощь искусстве. Недаром замечено уже всеми здесь присутствующими, что рок-музыка, например, столь необходимая современной культуре, сейчас переживает в нашем отечестве ошутимый кризис. Этот кризис связан с тем, что в конце 70-х годов рок, как атлант, принял на себя весь груз нормального... нормальных человеческих чувств, и этот жанр выдерживал на протяжении нескольких лет напряжение на самом деле космоса, который мы с вами

представляем. Наконец эту ношу с него сняли, уже нет необходимости находиться в альтернативе, есть необходимость просто находиться, развиваться, углубляться, есть необходимость разбираться не только с прошлым и не только с социумом, но и собственно с культурой, и собственно с самим собой. Есть другие необходимости. И вот в этот момент рок, как роскошное искусство, энергетическое в первую очередь (я говорю сейчас только с точки зрения театра, в сопоставлении, и не берусь говорить что-то более существенное об этом жанре с чистой территории)... Рок вышел как бы из этого центра, куда привлекается собственно народ, собственно культура, собственно люди, пытающиеся увидеть себя, проявить себя на территории искусства. Театр выходит в центр. Это единственный реальный прогноз, который я позволю себе сделать. Театр сейчас оказывается наиболее актуальной формой взаимоотношений народа с самим собой. Потому что в нем изначально заложена и рефлексия, и энергетика, а главное — возможность взаимоотношений со словом.

Авангард есть подполье в культуре. И подполье социальное, объединившись с подпольем культурным, оказались вместе, назвали себя андерграундом и около десяти лет «совокуплялись»... простите, в кавычках... друг с другом. Понимаете... И родилось нечто, что называется «новой культурой»... Это «нечто» я однажды ощутил и достаточно пронзительно воспринял как попытку такого в общем-то андрогинного существования, памятуя тот замечательный рассказ Аристофана в платоновском «Пире» о золотом веке, о рассечении, о разделении, о вечном стремлении двух половинок соединиться друг с другом. Мне вообще все время приходит в голову одновременно трагически и иронически переживаемый мною вопрос: а что же назревает, что же будет? Ясно, что есть. Это мы знаем как истину, данную нам реально. Ясно, что было. А что же будет? Куда же мы движемся? Вот этот основной вопрос мучи-

тельно переживается сейчас театром. Но он располагается на территории слова. Как вообще будущее, которое только на территории слова располагается. Только слово, как верно сказал Бродский, жертвенно сказал в Нобелевской речи. Слово угадывает нас самих. Слово постулирует нас самих, слово строит нас самих, слово возвращает смысл над самим. Слово нам необходимо. Оно умерло в начале 80-х годов. Смерть слова переживала вся молодая культура. Смерть слова она переживала в разнообразных формах. Смерть слова оказалась потрясающе плодотворна: были рождены монстры; но кончилось время монстров, как кончается время хаоса, и вместе с ним кончается время титанов и начинается время Олимпа... Сейчас складывается в социальном смысле какая-то система, постулирующая новую иерархичность, отличную от демократического западного общества. С чем связана эта иерархичность — с новым феодализмом или с чем-либо еще? Кому это известно? Никому. Ни тем, кто ее строит, ни тем, кто дальше в ней собирается жить. Мы хотим располагаться внеиерархично, а нас социум будет запихивать в иерархию, более того, он ее заморозит и будет тиражировать. И мы уже приучены к тому, что тираж или повтор этой заморозки в той или иной форме иерархии будет приводить к каким-то тоталитарным формам рефлексии.

Западная технология тоталитарна, но в результате она проявляет личную свободу человека. А у нас все время иначе. У нас технология хаотична и в каком-то смысле грандиозно свободна. «Что хочу... гы... то и вору... гы...» Понимаете? Потрясающая вещь! Но как удерживать руль? И вот тогда все время вызревает тоталитаризм. В тех или иных формах. Чтобы стягивать. И вот сейчас государство делает жертвенную попытку разбить тоталитаризм. И возникает хаос! Хаос, который потрясающе плодотворен для искусства. *(Смех, аплодисменты.)*

Теперь собственно о Театре Театре. (*Хохот, аплодисменты.*) Театр Театр... ну не называть же театр «Современник»... всегда кто-нибудь спросит: чей ты современник? Кроме того, я люблю удвоения. И вообще, в этом есть что-то: Театр Театр... Авангард наш, отечественный, — это жертвенное дело. Он все время занят простой вещью: все время задает жизни и искусству вопрос: а что ты такое? И как положить тебе границу в искусстве? И как положить тебе границу в жизни? Вот этот постоянно, ежедневно транслируемый вопрос есть бытие наше.

Но Театр Театр был увлечен немного иным... Он не располагался на территории классического авангарда. И даже на территории постмодерна. Потому что постмодерн обязательно привлекает в эклектику архаический элемент. Но меня увлекала не эклектика, а триада, которую, может быть, можно было бы назвать «коллаж-калейдоскоп-коктейль», тем более не хотелось привлекать архаические элементы в том ясном виде, который пользуется постмодерн как очень развитая и очень сегодняшняя культура — территория, где, в общем, и объединяются на пространстве конкретной личности и ее труда авангард и классика сегодня.

Я могу очень долго и серьезно говорить о Васильеве, которого считаю человеком, завершившим целую эпоху в театре конца XX века. Ему, по свойству его человеческой одаренности, удалось очень релятивно воспринять то, что происходило в XX веке. Он спокойно понял, что театр — это практическое искусство. Театр невозможно рассказать. Театр невозможно понять из книг... Это просто мастерская. На коврикe, в комнате, из практики, из рук в руки и только так передается это искусство. И в этом смысле театр сегодня изначально располагается на территории постмодерна, и проблема его заключается в том, как с этой территории ему уйти, потому что эта территория вяжет его отношениями

с прошлым, а не отношениями с настоящим и не отношениями с будущим.

Я позволю себе более профессиональный период и определяю два основных постулата игрового театра так, как в принципе классическая режиссура (имеются в виду режиссеры, определившиеся как классики в последние пять лет) их понимает уже сейчас. Первый постулат, принципиально отличающий игровой театр от театра психологического или театра борьбы, касается взаимоотношений актера с сонмом предлагаемых обстоятельств. Актер в игровом театре уже не существует внутри предлагаемых обстоятельств, предлагаемые обстоятельства существуют перед актером, как бы на ладони у него, или между актерами, если мы имеем в виду диалог. Предлагаемые обстоятельства ужимаются в маленький шарик пинг-понга, которым актеры начинают играть. Таким образом, все сводится к модели: актер или театр оказывается способным смоделировать ситуацию, а не жертвенно переживать и существовать внутри ее. И эта смоделированная в процессе репетиций ситуация предстает актеру. Но это еще не все. По отношению к ситуации актеры должны делиться.

Я рассказываю вам сейчас технологию, но совершенно очевидно было уже вчера, что область технологии и оказывается областью идеологии, и уже сегодня очевидно, что нам остается только технология...

Итак, актеры должны делиться. Каждый из них должен выработать отношение к модели. Это разделение актеров и является первым постулатом игрового театра. Вторым постулатом является то, что они должны соединиться. То есть должно быть найдено театром в процессе репетиций то единое, общее для всех отношение, которое будет транслироваться на зрителя или вокруг которого будет идти игра.

И вот разделившиеся, а затем соединившиеся половинки начинают вести театральную игру. По сути своей

этих двух постулатов достаточно, чтобы начался игровой театр.

Как пример я приведу элементарный этюд из моих школьных времен в мастерской у Васильева. Один студент одолжил у другого 50 рублей — стипендию, сказав: «Я прошу ее у тебя на день, завтра я тебе ее отдам. Я знаю, что ты такой же нищий, как и я, но дай мне эти 50 рублей!..» Тот дал, этот взял, прошел месяц. 50 рублей возвращены не были. И тот, у которого были отобраны деньги, обнаружил однажды около ресторана компанию девиц во главе с этим первым, который взял. Он последовал за ними и обнаружил роскошный столик, равный пятидесяти рублям. Тогда он подошел к этому человеку, произошел диалог, драка... и вот, собственно, этот диалог и эта драка располагаются в психологическом театре, театре борьбы. Практически здесь намечены предполагаемые обстоятельства и ясно, как дальше это играть. Можно сделать простой школьный этюд в эту сторону.

Для того чтобы привнести сюда игру, мы сейчас поступим, руководствуясь вышеизложенными постулатами. Приходится пригласить тему. То есть то, от чего так азартно и яростно бежит весь авангардистский театр 70-х годов. Я привнесу сюда библейскую заповедь: «Не укради». И положу ее между актерами. Этого еще недостаточно. Сделана только первая предоперация. Делаем вторую и предлагаем им новые исходные по отношению к тем, что заключены в сюжете: господам студентам следует стать миллионерами. Таким образом, изначальная жизненная ситуация возводится к модели.

Сегодняшний режиссер, особенно в театре развитом, ансамблевом или структурном, не увлечен организацией поведения актера. Он отдает поведение актеру, себе забирая то пространство смысла, из которого это поведение рождается...

Итак, мы их разделили. «Укради», как принцип своего поведения, как смысл, который он собирается

транслировать, взял на себя один, «не укради» — другой.

Вопрос из зала: Чем это отличается от сверхзадачи?

Секундочку, секундочку. Это еще не все. И ваш вопрос свидетельствует о том, что вы спешите. Я еще не все сказал, а вы уже спрашиваете, чем то, что я не все еще сказал, отличается от того всего, что вы уже сказали. (*Оживление, аплодисменты.*)

Дальше. Это еще не все. Мы должны выбрать: «А мы-то сами как считаем?» И мы с какой территории будем это транслировать? Представим, что мы считаем: «Укради». Потому что это наиболее неочевидная территория. Это самое «укради», которое мы положили в основание, позволит нам и позволит актерам определенным образом играть. «Я, актер, взявший на себя «не укради», я буду так вести и определять свое поведение, так говорить слова заданного мне автором диалога, я буду так исполнять в общем намеченное ремаркой поведение, кончающееся моим ударом по морде... извините... по укравшей у меня морде, — и таким образом, как бы транслируя «не укради», я буду работать на смысл «укради». Два противоположных смысла свинчены в единое поведение. Это уже определенная технология существования. Это надо тренировать.

Театр Театр возник в отмене второго постулата. А все предыдущее я рассказал по необходимости, чтобы объяснить источник, из которого возникла и существовала та группа людей, которая в Ленинграде три года тому назад затеяла это странное действо... Мы понимали театр не как место работы, а как зону существования людей, где сходятся игра, мистерия и жизнетворчество на одной территории. Определенная романтическая идея сопутствовала нам и в общем продолжается и сейчас, оборачиваясь достаточно трагическими вещами. Итак, отмена второго постулата: разделимся,

но не соединимся. Не станем свинчиваться в едином отношении.

Театр и литература как бы в одной компании, они кровно зависят друг от друга. Литературе необходимо произносить себя, а театру — иметь, что произносить.

Итак, я пытался построить спектакль, оперируя словами, игрой, действием и т. д., пользуясь только первый постулат... и обнаружил, что это еще не все, что узлы, которые вяжет режиссура и через которые должен проходить актер, мне приходится подвергать обязательно вариативному построению. То есть так или иначе предлагать несколько возможных путей, по которым каждый играющий актер будет проходить узел. Теряешь власть над собственным произведением. Теряешь чувство единоличного авторитета и отдаешь актерам. Слова в соавторстве окажутся не просто словами, они оказываются твоей судьбой, они оказываются равны тебе... Возникла сложная система инициатив и вводилось то плохо выговариваемое понятие инициативы (которое в общем-то принадлежит психологическому театру) — приходилось произвести огромную смену понятий. И эта смена понятий означала привлечение новой технологии.

Это был только первый момент.

Второй момент заключается в том, что эти узлы наконец не выдержали напряжения, давления вариаций, и у меня все распалось. Актеры стали импровизировать таким образом, что я их не мог удерживать. Более того: я их удерживать не желал. Я вдруг ощутил невероятную слабость и какое-то нежелание заниматься тоталитарным театром. Я махнул рукой и сказал: «Я буду играть вместе с вами как актер. Да ничего я не буду вам говорить! Почему я должен вас чему-то учить, когда вы учите меня много большему, чем я вас?!» И мы стали заниматься спонтанными акциями. Таким образом, я, как бабочка, которая рождается из

гусеницы, пережил какой-то, видимо, неотвратимый и данный всем процесс. Я постепенно отказался от структурного театра, я постепенно отказался от знания, которым владел, от идей, которые имел, и вышел на территорию не-знания, на территорию акции. Более того, спонтанной акции. В строгом смысле, я оказался на территории мистерии, которая тому или иному была посвящена, но это была уже не тема, которая выращивается и складывается во внутреннем пространстве, это было озарение, которое располагалось вокруг меня и принадлежало не мне.

Когда-то нас всех очень увлекала пара: личность — имидж, так как это касается универсума, то есть цельного человека, человека в принципе возрожденческого... Хотелось увидеть культуру настоящего времени, адекватную ей самой. Собственно, идея адекватности — это, на мой взгляд, одна из центральных идей нашей современной культуры. Но как это увидеть?.. Что такое адекватность? Что значит сформулировать то, что сейчас, в настоящее время пребывает внутри тебя и перед собой. Это и было связано у меня с попыткой... ну, как бы покончить с самим собой и собственным имиджем...

Имидж. В отличие от личности, которая как бы созревает внутри нас... вместе с нами складывается и является, по-бердяевски, богом внутри нас, то есть как бы независима от нас. И мы как бы ничего не можем с этим поделать, ибо она сама по себе с нашей жизнью вырастает и произрастает в нас, образуя себя, — имидж зависит полностью от нас! Полностью регулируется нами: строится нами, складывается нами, уничтожается нами и вступает во взаимодействие с тем из нас, что нами не является и от нас не зависит: личностью. Вместе они и составляют нас. В их взаимодействии, на территории работы этой пары мы и складываемся как таковые — уже не личности, уже не имиджи.

С того самого знаменательного 86-го года, когда образовалась выставка в Манеже и целое поколение, оку-

танное домашними, любовными, художественными, мировоззренческими связями, обнаружило свой имидж в форме 17-й молодежной выставки, в форме поп-механики, Театр Театр претендовал и продолжает претендовать на личность. Вот что я хотел сказать. (*Аплодисменты.*)

Вопрос: У меня два вопроса. Первое. Вы сказали, говоря об отрывке, что ставите одному актеру задачу «укради», а другому — «не укради». Чем это в принципе отличается от сверхзадачи роли? Второе. Вы сказали, что в вашем театре есть некоторые узлы, между которыми импровизационно располагаются актеры. Чем это отличается, скажем, от Михаила Чехова и его импровизаций?

Во-первых, я не ставлю актерам таких задач вообще. Я не занимаюсь системой задач... Стоп! Без полемики. Или вы скажите, я вас послушаю, а потом я буду говорить.

— Я хочу сказать, что вы определяли в своих воображаемых обстоятельствах некие индивидуальные задачи?..

Вообще я не говорю о задачах! Это совершенно другая система мышления. Система предлагаемых обстоятельств устраняется.

Шум в зале: Но чем отличается?!

Простите, позвольте мне сказать! Я рассказывал вам то, до чего добралась наконец режиссура в 70-е годы. Я просто не могу рассказать себя, пока не расскажу это. Поэтому я вам и рассказываю то, что в реальной практике пользуют Штайн и Васильев. Это все то, вокруг чего возникла полемика. Мои-то как раз идеи уже по отношению к этим идеям, о которых мы сейчас говорим, располагаются... Но я, наверное, говорил быстро и недостаточно внятно. Я сейчас постараюсь растолковать. Первое. Система задач возникает только в театре

борьбы. То есть в том театре, где актер существует внутри предлагаемых обстоятельств. Практически лишенный возможности к ним относиться. И второе. То, о чем я говорю, это не система задач и вообще не глаголустроенное руководство к действию, не замечания к поведению. Чем увлечен тот театр, та театральная технология, о которой вы говорите? Она все время простраивает поведение актера. Понимаете? Это и есть то, что можно назвать «простраивать рисунок»...

— А что такое «не укради»?

«Не укради» — это взаимоотношения с те-мой... Это тематическая зона, из которой будет браться энергия для того, чтобы актер во время этюда, пользуясь тематическое пространство, которое мы с ним наговорили, черпал там свою энергетику, чтобы пробовать. Но пробовать он должен, руководствуясь каким-то моментом, сквозь который он должен пройти однозначно, поведенчески определено. Вот этот момент называется узлом. Этот момент, который мы определяем вместе и находим, может быть, связан с поведением. Итак, узел — это то, что я как бы захватил сейчас в своем рассказе их терминологии театра борьбы, психологического театра, и это не является новостью, которую предлагаю я. Это арифметика, которую каждый режиссер знает. Но рисунок может быть в игровом театре и рисунок может быть в театре психологическом. Это другие категории! Это уже разговор о поведении.

Вопрос: Вы говорите, что тема кладется между артистами и они из нее черпают энергию. Правильно? Но вообще в основе анализа любой пьесы любой профессиональный режиссер первым делом определяет тему. Потом идею, потом сквозное, потом контрсквозное и т. д. Но тема все равно лежит... начинают с темы: круг проблем, о чем?.. Вот вопрос...

Вопрос в другом. Мы пользуемся одними словами. Одним и тем же словом «тема». Но каким содержанием

мы это слово наполняем — об этом мы же с вами сейчас не говорим... Это уже конкретная практика.

— Но...

Я далеко не все сказал, говоря об игровом театре. Я выделил только один момент. То, что ситуация приводится к модели. Вы понимаете, это очень реальная и простая разница для актеров, которые существуют... Но это надо практически... Это надо нам сейчас уходить из этого зала, идти в репетиционное помещение, брать актеров и начинать говорить актерами... Ну что мы будем с вами сейчас!.. Вы говорите об искусстве построения диалога. А я говорю о природе существования актёра в диалоге. Это разные вещи.

Вопрос: Откуда почти всегда в какой-то момент появляется любовь к униформе? К четкой заданности... манеры одежды...

Это ко мне вопрос? Я вовсе не люблю униформу. Я просто сейчас пребываю в имидже черного лиса. До нового года. Это моя личная внутренняя игра. Но это совершенно не значит, что на всю жизнь. Завтра меня поймают колобок, я его съем... (*Смех, аплодисменты.*)

Я хочу сказать еще одно, то, что я не успел сказать. Очевидно, что огромной проблемой нашего театра является работа с поэтическим текстом. То есть текстом, располагающимся в зоне вдохновения. Актер, особенно русский актер, чувствовать умеет. Умеет очень изощренно и тонко эти свои чувства отражать. Но в отличие от старых русских актеров он не умеет одновременно отражать жизнь своих нервов (определение А. Васильева) и одновременно замечательно говорить, то есть отражать жизнь слова. Одновременно. Именно это искусство утрачено. И оно не вернется. Это искусство напрямую было связано с тем, как были устроены царские гимназии, с тем, что сначала давали классическое

образование, учили древнегреческий язык, закон Божий и т. д. Только обученный таким образом человек (а значит, так устроенный человек) приходил в театр (плюс еще университет!), и там он мог образовывать слово и соответственно его произносить, наделяя каждую секунду смыслом. Мы ничего не умеем и не знаем о том, как пользоваться словом. Я не о сценречи, это совершенно другое. Это группа крови. Это затребованное все... генетическое устройство природы человека. Но как же все-таки этого достигнуть нам-то? Как нам работать с Шекспиром, например? Как нам работать с Мольером, например? Как нам с Сенекой работать, например? Как нам с Приговым работать, например? Нам? (*Общее веселье.*)

*«Митин журнал»,
1988, № 24
Юлия КИСИНА*

ПАМЯТИ МОДЕРНА

Приверженность к какому-либо архитектурному стилю внушает мне некоторый страх перед будущим, ибо античность предполагает некое целостное оскотление и внутреннюю стерилизацию, барокко же, напротив, своими пыльными вывертами и раковинами рождает дворцовый разврат, а классицизм заставляет следить за тем, чтобы пальчики не испачкались в чернилах. И тут же вы, услышав бесконечное тремоло в беседке ирисов и лилий, бесконечно волнуящее ваше воображение, в восторге воскликнете: «Модерн! Арт нуово! Югент-штил!» — и придумаете ему еще тысячу ласковых зыбких имен. Молодой стиль! Кувшинки тонкими ножками переплетаются с меандровыми зарослями, дидонисийские торжества бодро жонглируют козлиными ножками, да

так высоко, что задевают дирижабли, вальсирующие над марсовыми полями роликовых коньков.

Когда я говорю о модерне — я не говорю — я восторгаюсь и чувствую себя оскопленным конторским служащим, не понимающим, на что похожи бусы его счет, в то время как они похожи на стройные ряды женских грудей, готовых к ласке.

Для возлияний моего восторга построили множество алтарных мест: это вокзалы, парковые решетки, теплицы для зимних садов и т. д. Когда я вижу слоющиеся стекла с танцующими на них тритонами, сердце пляшет в моем организме, наподобие леденца в бонбоньерке. Я прихожу на Витебский вокзал, чтобы дать волю моему чувству: почти прозрачный дебаркадер со стеклянными двускатами будто выстроен не для поездов, а для экзотических птиц. Сверху же пыльное стекло покрыто крупным зернистым льдом, который образует особый рисунок, как если бы льдину внесли в дом, и она таяла посреди гостиной, все превращая в слезы... В слезы радости! А если бы вы видели пагодообразное небольшое сооружение — ныне не действующую машину для поднятия грузов, сплошь испещренную цветами и птицами, увенчанную целым озером мелких колес и веревок, вы воспели бы славу всем грузоподъемным машинам, ибо она напоминает огромный музыкальный автомат, на который можно водрузить металлический диск с цепками. Это жилище пичужек!

По боковым лестницам снуют революционные грубые тени, и ах в какой контраст это входит с дивной красотой змеиного стиля, который вобрал в себя все жеманство Азии и строгость ледяной европейской манеры. Зачем же тени эти отстреливаются и падают и тают вповалку с мешками — им не хватает воздуха, и они умирают и не видят, что воздух внутри этой божественной формы полон тысячей кислородных подушек. Ах, зачем же они умирают?!

Вон я вижу бледную девицу — она сидит на лест-

нице, как бы не замечая, что вокруг умирание всякой плоти, и читает книжку под названием «Урания». Урания, если вы помните, муза астрономии. Древние греки почитали астрономию искусством, а не наукой... но книга весьма бессмысленная — она описывает холодные миры и выдуманные движения небесных камней. Впрочем, она ничем не отличается от множества книг декаданса. Взять, к примеру, баллады Андрея Белого — изысканный новый романтизм; короли, горные замки, тролли, фавны, козлование и брачные венки. И тем не менее, какая сладость! Мастерство, сладость, красота! Они появляются тогда, когда совершенство мысли требует усложненности и изысканности форм. Когда формы узнают об этом, они с резвостью и трепетом выпрыгивают вверх и заполняют все, имеющееся для глаза пространство. Ведь и всякая литература модерна — лишь запись внутренне обозримых сфер, предназначенных скорее для услады глаза, чем для услады сердца.

Если же красота появляется как уход от тех или иных интенций в политизированном искусстве. Она рождается в ореоле глупости безвкусицы, тем она нам и ценна. Красота спасет мир: она уничтожит сложность невидимых структур, которые так давят молодые организмы, и поселит их во внешний пестрый и женственный мир, в «мир бабочек», в «мир кузнечиков». Почему я говорю о переселении в таинственный и мистический женственный мир? Да потому что прошла мужская параноидальная эпоха — начинается эпоха умеренного психоза и аккуратной шизофрении, эпоха разрозненности и коммерции, эпоха самостоятельного предметного мира, следовательно — эпоха женственная.

Теперь ни грубый соц-арт, ни минимал-арт, ни концептуализм — искусство нищих, где невозможность приобрести предмет или действие за деньги заставляет подменять этот предмет или действие специально придуманными интеллектуальными или нарочито тупыми смыслами и значками, когда искусство еще не вылупи-

лось из хаоса и не пришло к высшей пустоте, хотя оперирует порядками пустоты. Теперь же ничто не сможет заменить искусство коммерции. А искусство коммерции всегда состоит из предметов, из розовых одеялец и чистых рубашек.

II. ШИФРЫ РОКА

«Ур лайт»,

1988, № 4

Антон СЕНАТСКИЙ

РОК+РОК=«РОК»...

«Стой! Опасная зона: РАБОТА МОЗГА!»

Кто бы мне ответил, стоит ли мешать человеку, который, сидя у огня, прикуривает от спички? Тем более что неприятно и страшновато поднимать руку на фильм о едва ли не самом живом течении в нашей современной культуре — «непрофессиональном» (то есть «некоммерческом») роке. Почему неприятно? Потому что в документальном фильме «Рок», где каждый играет самого себя, звучат только голоса ленинградских музыкантов — таких, как Виктор Цой, Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук. Песни, монологи — и ни одного слова авторского комментария за кадром. За язык никого не тянут, а значит, все сказанное — это их правда, и невозможно возразить, не проголосовав одновременно против того, что они делают. А если еще учесть, что фильм наверняка будет атакован справа за само обращение к этой теме и ее трактовку, и будет встречен овацией слева по той же причине, и одновременно может быть использован как аргумент против рок-музыкантов, и как аргумент за... Естественно, появляется опасение — как бы не навредить. У съемочной группы такого опасе-

ния, похоже, не было. В результате получилось кино, где все увидят то, что хотят увидеть — в зависимости от точки зрения. Но многие ли заметят, что проблема поставлена с ног на голову и решается примерно в том же ключе, что и в кинофильме «Взломщик»?

Понятно, что не просто так в названии стоит короткое слово «рок», которое прочитывается как «судьба музыки и музыка судьбы». Причем судьбы, мягко говоря, нелегкой. До сих пор раздаются требования запретить музыку, которая стала духовной доминантой двух последних поколений. И название ее, родившееся в недостижимых для большинства из нас краях, приобрело благодаря игре слов чисто русский привкус.

Можно подписаться, не задумываясь (а задумываясь — тем более), под любой из произнесенных героями реплик. «Нас учили жить, лишь бы не попасть под топор»? Да. «В этом мире того, что хотелось бы нам — нет»? Действительно, нет. Певцы передают по эстафете эту тему, будто прикуривая один у другого.

Но вот что странно: отличительные сами по себе песни в фильме нейтрализованы, полупридушены тем, что их обрамляет, начинают значить не то, что значит вообще. Наверно, это можно назвать стрельбой из пушек по воробьям. Песни прилагаются как вещественное доказательство к рассказам музыкантов, вернее, даже не рассказам, а ответам на конкретные вопросы. Сами вопросы отброшены за ненужностью, и поэтому ответы выглядят как плод нелегких раздумий о своей судьбе. Представление об их судьбе складывается довольно безотрадное. Оно таким и остается, потому что из фильма невозможно понять, кому и зачем нужны их песни. Именно в песнях то действительно главное, что они говорят о себе, объяснение того, почему именно так живут музыканты и откуда берут свою музыку. Не с Запада же, в самом деле, в ущерб народному духу. Мы сами — народ, и это наша народная музыка. Но фильм

не об этом, а значит, шансов, что неподготовленный зритель что-то поймет, предельно мало.

Причем нельзя сказать, что музыка оставлена без внимания: интервалы между песнями минимальны, в лучших традициях развлекательных программ. Только не развлекают. Серьезный фильм. И слова все — слишком даже правильны, и оператор старается в полный рост — великолепными красками делает проблемное кино из нескольких ударных мотивов: плохая погода, сигаретный дым, урбанистические пейзажи. Длинные и повторы бьют в одну точку — создают унылость. Правда, в финале занавес, на котором нарисован хмурый город, приподымается, и на фоне раздольного расейского пленэра нам преподносится — вполне в духе перестройки — тезис о том, что наш, «новый мир мы будем строить сами». Больше всего концовка напоминает сказку о Буратино, где герои, изрядно поблуждав по Стране Дураков и темным подвалам, добиваются наконец-то до чего-то лучезарного. Найдутся, конечно, люди, которых такой хеппиэнд заставит прослезиться, но на самом-то деле конец пародия и преднамеренно неубедителен. Ибо работает на сверхзадачу, о которой следует сказать особо. Только прежде оговориться, что не имеет значения, хотели авторы сказать именно то, что сказали, или фильм получился таким сам по себе, без чьего-то злого умысла. Важен конечный результат.

Итак, основная мысль: рок-движение порождено застоем и косностью. Рок-музыканты с их подпольно-подвальной образом жизни стали такими потому, что были насильственно вытеснены из существующих социальных структур. За что? За то, что играли рок. А рок является следствием запретительных мер и т. д. Так замыкается круг, где следствие рождает причину. Гонимая музыка становится образом жизни, а образ жизни гонимого рождает соответствующую музыку. Поэтому не надо искать ни реальных причин борьбы с роком, ни

реального смысла его существования. Вместо этого можно обойтись набором декораций.

Наверное, не стоит требовать от кинематографа слишком многого... Как доказать, что не во внешнем главное, если можешь показать лишь то, что видишь сам — только внешнее?

Да, музыканты обитают черт знает где (между прочим, примерно в таких интерьерах проживает почти половина ленинградцев). И работают они бог знает кем, и выглядят так, что их милиция на улице за это задерживает (не нравятся). Да, чтобы доказать их нормальность, надо демонстрировать недоверчивому зрителю их детей (хотя это унижительно и доказывает их нормальность лишь в одном отношении — для кого-то, очевидно, очень важном. Во всяком случае, теперь академику Углову не удастся распространить на русский рок свой тезис о том, что во главе рок-групп неминуемо оказываются гомосексуалисты*.

Но ни здоровые дети, ни нездоровый, с точки зрения обывателя, образ жизни, ни все напасти, выпадающие на их голову, не объяснят, почему они играют рок. И сами они не объяснят. Например, Гребенщиков говорит в фильме, что ушел с головой в эту жизнь после того, как его вышибли с работы и из комсомола. Но вышибли-то его за то, что он пел и играл рок. Почему именно рок? Потому что, кроме рока, у нашего поколения в свое время не осталось ничего настоящего.

Здесь хочется уточнить. Эта музыка — не просто единственное, что у нас всегда оставалось, а единственное настоящее оружие. Оружие в борьбе за самих себя, за неприкосновенность собственной души, за то, чтобы не уподобиться всему тому, что окружало. Только не

---

* Тех, кого заинтересовала прелюбопытнейшая гипотеза т. Углова, отсылаю к публикации «Вы больны... роком?» («Смена», Ленинград, 1988, февраль).

надо упрощать. Речь идет не о пении песен протеста. Недовольство окружающим неизбежно выплескивается в песнях, но это никогда не было главным, самоцелью (авторы фильма, судя по подбору песен, убеждены в обратном).

Преследовали рок не за тексты, потому что слова — это следствие. Даже когда придирались к словам, их использовали только как повод. За что затыкали рот бессловесному джазу много лет назад? За внутреннюю свободу. За нее, а не за крамольные тексты и рок-музыкантов клеймили как «антисоветчиков», разгоняли концерты, запрещали писать о них в прессе. Социальный инстинкт подсказывал, что происходит покушение на устои.

Внутренняя свобода — это независимость от обстоятельств, возможность маневра и выбора образа действий при самых однозначных и безнадежных внешних условиях. Это нежелание мириться с недостойной человека неизбежностью, с навязанными правилами игры. Человек перестает быть винтиком механизма, перестает всего бояться. Только такой — свободный — человек может захотеть что-то изменить. Музыканты рока меняют в первую очередь тех, кто их слушает — освобождают (о чем те, возможно, и не догадываются). Это их работа. И не надо ужасаться тому, что один из них работает в кочегарке, а другой моет пол в кафе. Если бы они сидели в конторах или стояли у станков, это было бы, пожалуй, хуже. Меньше сил осталось бы на песни. Их главная и основная работа — то, что они поют и записывают свои песни на кассеты. Это их место в жизни, и не надо сочувствия — дай бог каждому такое место. Но поскольку в наш выморочный шоу-бизнес они до сих пор не вписывались, а государство их подвижничество не поддерживало, и меценатство у нас пока не развито, то надо и на пропитание зарабатывать, и обвинения в тунеядстве избегать. Так становятся кочегарами, операторами газокотельных, дворника-

ми. Сейчас ситуация как будто меняется, но есть и обратная сторона.

До сих пор именно очевидная неприемлемость рока с точки зрения официоза гарантировала честность до конца, отсутствие внутреннего редактора. Теперь границы допустимого расширились. А значит, вписаться в новые рамки гораздо легче, но все равно надо хоть чуть-чуть, но поступиться внутренней свободой. Это называется — компромисс...

Ограничение (самоограничение) внутренней свободы ведет к подмене реальности мифами. Вы замечали, что звуки ударов в кинофильмах всегда звонче и громче, чем на самом деле? Точно так же реальные конфликты подменяются эффектным боем с тенью, изобретением проблем типа «легко ли быть молодым». В фильме «Рок» мы встречаем знакомый уже нажим на внешние признаки явления. Так можно только напугать зрителя непривычной эстетикой рока. Какой смысл объяснять, что это праздник освобождения от повседневности, дающий силы не опускать руки в повседневности? Бесполезно, потому что в фильме маскарад воспринимается как порождение темного грязного коридора, как нечто неотъемлемое от него. Вместо выхода в коридоре — распахнутая дверь в туалет. Ведь это же кто-то специально открывал ее перед каждым дублем! В коридор загнаны и невообразимо одетые люди — это нам навязывают как символ.

Так же навязчив противопоставленный всему этому прозрачный, откуда-то из прошлого века проигрыш в песне Гребенщикова «Поколение дворников и сторожей». Песня о потерянном поколении, начисто отказавшемся участвовать в окружающем безобразии, самоустранившемся, в фильме переадресована самим рок-музыкантам, которые (единственные, может быть) вопреки всему делают то, что считают нужным. Ну, ребята, нельзя же все так буквально понимать! Превращать людей, теснейшим образом связанных со своим поколе-

нием, в изгоев только потому, что у них почти нет формальных связей с обществом.

Мы практически не видим на экране многотысячной аудитории тех, кто бывает на рок-концертах. Кому и зачем нужна такая музыка? Для кого она — наркотик, а для кого — кислород? Если бы вопрос стоял так, мог бы получиться действительно социальный, а не сенсационный фильм.

Один раз, правда, показан лес рук, вытянутых вверх на концерте, но, во-первых, руки — не лица, а во-вторых, этот эпизод поневоле перекликается с кадрами, где зал рукоплещет стоящему в президиуме Л. И. Брежневу и другим руководителям тех лет. Но 70-е годы прошли, а рок остался. И если на то пошло, надо давать современную кинохронику. Во всяком случае, откормленные лица комсомольских активистов ушедшего десятилетия не так нужны в фильме о роке, как лица зрителей на концерте.

Впрочем, разок показывают и это. Только концерт идет в колонии и лица соответственно — в новенькой униформе по случаю съемок, бритые наголо и довольно безучастные — на фоне герба СССР. Очень забавный эпизод, только неясно остается, к чему он, собственно? Гадать можно долго, но вряд ли стоит того.

Стоит пожалеть об искусственной изоляции героев фильма.

Одинок поднимается на свою мансардную голгофу Гребенщиков, у которого, между прочим, есть фраза: «Вокруг меня миллион голосов». Одинок ворочает уголь Цой, которому принадлежит фраза: «Я один, но это не значит, что я одинок». Если неодинок, то вдавлены в комнаты и коридоры остальные. На сцене они зловеще-одинок. Камера, вцепившись в лицо поющего, всегда выбирает такой ракурс, что отрицательные эмоции появляются даже у людей привычных. Остальным можно только посочувствовать. Фильм не оставляет им шанса проникнуться к этим замечательным людям чем-

то большим, нежели брезгливое сострадание. А кого-то, может, и холодком ужаса проберет — настолько непривлекательными сделаны наши герои.

Поэтому даже странно спрашивать: а куда делась атмосфера праздника, неотделимая от любого полноценного рок-концерта? Где то радостное ликование, без которого нет рока и которое дарят нам музыканты? Оно оказалось несовместимым с повествованием об их грустной судьбе, сведенной к формуле: «У нас нет надежды, но этот путь — наш». Чтобы не делать из этой фразы правильных, но односторонних выводов, не мешало бы перенести акцент на другую фразу — из песни Цоя: «Те, кому нечего ждать, отправляются в путь, — те, кто спасен, те, кто спасен». Неужели не понятно, что без праздника их путь бессмыслен и годится лишь для обличений системы, превратившей талантливых людей в неудачников? И не показывая праздника, который рок несет в себе, рассказывать о нем нелепо, потому что это значит — сознательно исключить из поля зрения самое главное.

И тем более нелепо утруждать себя доказательством того, что герои фильма — полноценные и достойные сочувствия граждане своей страны. Сочувствие запоздало лет на пять. Поэтому авторам фильма отказывают и чувство меры, и чувство юмора. Личная, выстраданная правда рок-музыкантов перестает быть правдой, потому что отсекается от дела, которое они делают. Они живут единственно возможной для них в существующих условиях жизнью, живут так, чтобы можно было петь, и заслуживают только восхищения, потому что нашли в себе силы переломить обстоятельства. Такими они и должны быть в фильме о русском роке, после которого не захочется жаловаться на рок, преследующий эту музыку.

ПАНК-РОК

«Лично я слышал от него лишь одну жалобу:

— Жаль, Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!

Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова:

«В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай».

А посмеявшись, сказал, со вздохом:

— Какая умница! Эх...»

М. Горький. «В. И. Ленин»

Эта история, сама по себе очень интересная и во многом показательная, не имеет ни малейшего отношения к тому, о чем я собрался говорить. А привел я ее для того, чтобы задать вопрос: имеют ли право все остальные десятки миллионов коммунистов называть себя таковыми? Для меня лично ответ ясен: конечно, имеют, почему бы и нет? Каждый человек волен называть себя так, как хочет. Другое дело, что смена кадров во многих случаях приводит к подмене смысла понятия вплоть до приобретения им прямо противоположного значения. Причем в таких случаях процесс подмены бывает, как правило, необратимым, и через некоторое время уже невозможно понять, как все это выглядело в оригинале.

Вот примерно это, по-моему, происходит (или уже произошло) с панк-роком. Я давно пытаюсь смириться с тем, что слово «панк» просто поменяло значение, но тем не менее когда я слышу это слово из уст советского человека, я почти всегда внутренне вздрагиваю, не говоря уже о том, что словосочетание «панк-металл» для меня звучит почти как Ван-Гоген.

У меня не такие обширные познания в этой области, но все же, мне кажется, что если я этого не сделаю, то, может быть, и никто не сделает, поэтому я хочу постараться объяснить, что такое панк-рок в его первоначальном смысле; по крайней мере, как я его ощущаю. Наверное, одних моих ощущений для этого мало, но, с другой стороны, любое искусство в большей степени связано с ощущениями, а не с идеями и техническими средствами их воплощения.

Кроме того, даже на Западе сами музыканты, как правило, весьма скептически относились к тому, что писали про них журналисты, а для рядового англичанина любой обдолбанный (или необдолбанный) малый с серьгой и «ирокезом» — тоже «панк».

Сам термин «панк-рок» получил широкое распространение в 1976—1977 годах, но первый «настоящий коммунист» вылез на сцену в Детройте намного раньше. Это был Игги Поп, которого тогда называли: Iggi Stoogis (по документам Jeans Jeavel Olsterburg). Этой версии придерживаюсь не только я, поэтому тут можно сослаться на классику:

«Как исполнитель Игги выдал полный набор различных сценических крайностей: он блевал на сцене, бывал избит и т. д. — и вообще измерил глубины порочности, заработав для «Stoogis» беспрецедентную дурную славу.

В 1969 году их вместе с «МС5» подобрала фирма. Ушедший из «Welwet underground» Джон Кейл в том же году спродюсировал их первый альбом. Вещь за вещь избитый, кое-как сыгранный на трех аккордах рок-н-ролл — это было квинтэссенцией панк-рока за 7 лет до его времени... В 1970 году появился «Fun House», который энтузиасты характеризовали как следующий сумеречный шедевр «Stoogis».

После этого все стало разваливаться, и в конце концов группа распалась из-за проблем с наркотиками и общего ошизения (их полномочия на панк ни в чем не были вторыми)».

Естественно, что позднее, когда пошла волна панк-рока, почти никому не известную группу «Stoogis» начали активно переиздавать, хотя, если сейчас дать послушать первый «Stoogis» нашим «Fun House», нашим музыкантам или любителям рок-музыки, то большинство из них наверняка не поймет, что это такое, и даже не подумает, что это каким-то образом связано с панк-роком, потому что по форме эти альбомы достаточно сильно отличаются от того панка, к которому все привыкли, и скорее имеют что-то общее с «Doogs» и «Rolling Stones» (после смерти Моррисона Игги Попу даже предлагали занять его место в «Doogs», но Игги Поп отказался).

Я уже как-то распространялся на тему о том, что, когда человеку не больно, он при всем желании не сможет сделать ничего такого, про что через много лет будут вспоминать и говорить, что это «искусство». «Искусство» — это всегда болезнь души, которую автор в том или ином виде пытается выразить. Но болит, естественно, у всех по-разному. Мне хочется написать, что панк — это крик души, но это неточно, потому что и музыка «Doogs», и башлачевские стихи, и многое другое — это тоже крик души, но за этим криком еще стоит какой-то бог; человеку очень плохо, но бог его еще не покинул, и он еще может говорить, писать и т. д. А на какой-то стадии, как мне кажется, он уже должен отрываться и терять способность как-то обставлять свои слова и телодвижения. И в этот момент он перестает писать, рисовать и т. д. Например, Саша Башлачев в последнее время практически перестал писать стихи и даже старые песни пел через силу. Я думаю, что если бы он жил один и не нуждался в деньгах, то он бы вообще замолчал.

Но если в такую ситуацию попадает человек достаточно сильный, то у него остается способность кричать. И вот этот крик «оторвавшегося» человека — это панк-рок. Конечно, это не совсем так, и я не то, чтобы утри-

рую, но довожу до предела. Естественно, доходя до этого предела, человек просто умирает, поэтому панк-рока в чистом виде не существует, а существует только более-менее близкое приближение к нему.

Кто-то из наших художников-авангардистов сказал, что после своего самого безобразного концерта панк, для того чтобы остаться панком, следующую акцию должен уже проводить с использованием огнестрельного оружия. На самом деле это принципиально неверно (с моей точки зрения). Следующий шаг панка — это шаг в пустоту, это его смерть.

Игги Поп, может быть, был ближе всех к этому шагу. Я не думаю, что он сознательно рассчитывал на то, что его кровь хорошо сворачивается, когда резал себе вены прямо на сцене. А единственную картину в этом стиле, наверное, создал тот художник, который прыгнул с небоскреба на чистый лист.

Я что-то нагнал черноты и никак не могу из нее выбраться, хотя уже пора.

На самом-то деле для того, чтобы играть панк-рок, не обязательно дойти до такой клинической стадии. Я думаю, что, например, Джонни Роттен просто понял все это и сознательно выдал такой как бы «крик души в чистом виде». Недаром же он говорил: «Я думаю, что как актер я намного лучше, чем Дэвид Боуи или Стинг». Да и сам Игги Поп тоже выражался вполне членораздельно, и не зря Дэвид Боуи впоследствии так активно пользовался текстами своего безумного друга.

Но «чужая душа — потемки», и вполне может быть, что все это как-то не так. Например, слушая «Clash», я думаю, что они-то были довольно далеки от того самого предела, но достаточно хорошо «экстраполировали» к нему самих себя. Кроме того, в случае с «Clash», может быть, уже произошло смещение понятия «панк», потому что в том, что они играют, слишком много иронии и абсолютно трезвого ума. А с другой стороны, кто-то из них, отвечая на вопрос, почему у него не хватает

зубов, рассказал историю, суть которой состоит примерно в следующем: он идет и видит каких-то людей, рожи которых ему очень не нравятся; он, естественно, немедленно им об этом сообщает, а они, тоже естественно, пользуясь своим численным превосходством, учат его уму-разуму. Можно, конечно, сказать, что надо меньше выделяться, но, что ни говори, а человек, способный подавить в себе страх, — это большая редкость.

К середине 70-х годов рок-музыка, которая сама по себе тоже родилась как «крик души», уже в значительной степени обуржуазилась. И технический уровень аппаратуры, и класс игры настолько выросли, что сама форма получила достаточно большую ценность независимо от содержания. А появление такого могучего коммерческого направления, как «диско», вообще довело эту картину до логического конца. (Хотя стиль не бывает плохим или хорошим, и я подымаю руку не на сам стиль «диско», а на связанную с ним волну «коммерции».) И мне кажется, что в этой ситуации многие ждали чего-то, что должно было если не смыть, то хотя бы оттеснить на второй план всю эту красоту. Поэтому, может быть, «Sex Pistols» появились как раз вовремя.

Я помню, как я впервые услышал «Never mind the bollocks here's there Sex Pistols». До меня сама пластинка дошла несколько позже, чем всякие сведения и слухи о панк-роке; и так как в то время я в основном слушал «Genesis», Шульца, «King Qinston», «Wan der graff Generaitor» и т. д., то у меня к панк-року было явно выраженное предубеждение, как к чему-то заведомо урловому. Так что пластинку я брал просто для информации. И когда Роттен вдруг заорал: «I don't wonner holiday in the sun...» — я не знаю уж, как сказать, то ли обалдел, то ли расцвел, то ли распрямился, по крайней мере, мне почему-то сразу стало ясно, что все эти бредни про урловость — чушь собачья и что это именно то, чего я жду. На самом деле

нас тогда было трое, и подобное ощущение было у всех троих. Это был один из тех немногих случаев, когда, услышав нечто совершенно новое, я сразу почувствовал, что это такое.

Характерно то, что в урловости и бездуховности панк упрекали в основном те, кто играл и слушал более-менее «накатанную» музыку, и, естественно, таких было подавляющее большинство; но практически вся «авангардная» публика приняла его сразу и безоговорочно (Брайен Ино, Дэвид Боуи, Питер Габриэль, Роберт Фрэд, Клауз Шульце, Питер Хаммилл, Джон Андерсон и т. д.). Вообще, отношение музыканта к панк-року весьма наглядно демонстрирует и его подход к тому, что он сам делает. Например, для меня было достаточно неожиданно, что ярым поклонником панка оказался Нейл Янг. При всем моем хорошем отношении к нему, мне всегда казалось, что он спит на ходу, а тут вдруг он выпустил пластинку «Rusp never sleeps», посвященную Роттену, основная идея которой состояла в том, что лучше сгореть, чем покрыться ржавчиной.

Когда человек приближается к пределу, ему уже нечего терять, поэтому он не заботится о соблюдении приличий и вообще о каких-либо внешних проявлениях. Кроме того, у него практически нет инстинкта самосохранения, поэтому там, где другой испугается и уйдет в кусты, панк поперет на рожон, как это в свое время делал Игги Поп или тот малый из «Clash». Поэтому внешне он очень похож на хулигана (у слова «punk» есть несколько значений: шпана, хулиган; сопляк, молокосос; что-либо ненужное, никчемное), хотя никаких непосредственно хулиганских намерений у него нет.

Если бы в «Sex Pistols» был один Роттен, то это не был бы «Sex Pistols». Тот «Sex Pistols», который прогремел на весь мир, это в значительной степени миф, созданный Малькольмом Маклареном. Макларен оказался гениальным менеджером, и то, что ему в свое время не удалось сделать с «New-York dolls», он исклю-

чительно лихо довел до конца вместе с «Sex Pistols». Макларен прекрасно просек психологию обывателя и сделал все, чтобы о группе заговорили не несколько сотен безумных почитателей, как это было со «Stoogis», а десятки миллионов людей по всему миру, причем в кратчайшие сроки. Я думаю, что вообще волна панк-рока не поднялась бы с такой силой, если бы к этому не приложил руку Макларен. (В рок-энциклопедии написано: «The Pistols/Mc'Laren» открыли дверь, а «The Damned», «Clash» и все остальные хлынули в нее. Макларен даже получил «титул» «Punks Eminence Grise» — примерно «его панк-величество поросенок» (вернее, «шотландский поросенок»).

Но для того чтобы все это сделать, он совершил подлог и превратил роттеновский «крик души» в огромных размеров скандал. В одном из «Урлайтов» был помещен отрывок из статьи в «Soups», посвященный разборкам Роттена с Маклареном, который достаточно наглядно демонстрирует отношение Роттена к тому имиджу, который создал для «Sex Pistols» их менеджер. После своего разрыва с группой Роттен, уже снова ставший Джоном Лайдоном, долго и упорно отмывался от следов этого имиджа, хотя, конечно, он оказался впряженным в эту телегу не случайно и на определенном этапе изрядно подыгрывал Макларену. Да и Сид Бушес, являвший собой наглядный образец панка как образа жизни (а как потом оказалось, и смерти тоже), был другом Роттена, и Роттен сам привел его в «Sex Pistols».

В результате, с одной стороны, многие действительно поняли, что для того, чтобы играть музыку, вовсе не обязательно (а иногда даже и вредно) быть «героическим инструменталистом», и появилось немало хороших групп, а с другой стороны, на свет этого скандала слетелась такая масса совершенно иного рода публики, что подмена понятия началась прямо тут же, «не отходя от кассы».

А сам панк-рок вспыхнул как спичка и сгорел.

«За панк принималось все, что обычно считалось неумелым, дилетантским, запретным, антисоциальным, антагонистическим или явно подрывным.

К концу 77-го года крупнейшие фирмы уже записали все, что можно, а сцену затопили шумные, вульгарные группы из «примазавшихся». Многие начали отказываться от ярлыка «панк», предпочитая более широкий термин «новая волна»; идеалы были раздавлены или забыты, и каждый эксплуатировал их в своих интересах. Уход Роттена из «Sex Pistols» обозначил конец».

И я даже не могу сказать, что я об этом жалею, потому что долго жить на грани невозможно, и слава богу, что практически все лучшие люди, которые этим занимались, не умерли, а нашли для себя какой-то другой выход.

Игги Поп после большого перерыва начал делать то, что скорее всего не следует называть панк-роком. Когда я смотрел один из его концертов, мне показалось, что он, заранее рассчитав свои силы, в определенный момент начинает сам себя заводить и строго к концу концерта полностью выкладывается. Панк не стал бы рассчитывать, да и заводить себя ему не надо, он и так готовый; но один человек, которому я вполне доверяю, сказал, что из всего того, что он видел (а видел он довольно много), это, наверное, единственный случай, когда можно сказать, что это — на сто процентов рок-музыка. И может быть, так и есть, по крайней мере, я с великим почтением отношусь ко всему, что сделал Игги Поп.

Джон Лайдон, закончив свой эксперимент с «криком души в чистом виде», стал исключительно настойчиво заниматься музыкальной обработкой этого крика, и я уверен, что и в этом деле он оказался одним из первых. Когда кого-то из «Cap» (по-моему, это был Holger Шукау) спросили, есть ли какие-нибудь сравнимые с «Cap» группы, продолжающие их традиции, он в первую очередь назвал «Public Image Limited». Брайен Ино говорил: «Я пытался сохранить энергию для создания

панк-музыки, но вскоре понял, что по части новых идей она слабовата. Зачем тратить силы на дикие выходки на маленькой сцене в каком-нибудь подвальчике? Что такого случится, если панк умрет?»

Я думаю, что в свое время Ино действительно был очень близок к тому, чтобы «оторваться», и на некоторых его ранних вещах (например, «Blank Frank») это достаточно явно слышно. Может быть, вся идея с «Ambiend Musik» (обволакивающей музыкой) была, в первую очередь, средством увести самого себя оттуда. Кто-то мне говорил, что «Ambiend Musik» применяли в качестве метода лечения, и я не удивлюсь, если это действительно так, но это уже к делу не относится.

Если в Англии «открыли дверь» Макларен и «Sex Pistols», то у нас это, безусловно, сделал Свинья. Он стал нашим первым признанным и любимым «панком», хотя сам хорошо понимал, что то, чем он занимается, достаточно сильно отличается от «оригинала»:

— Вот вы играете панк-рок...

— Анархический рок. Панк-рок там, а здесь мы только отталкиваемся от СЕКС ПИСТОЛЗ.

Тем не менее слово «панк» прилепилось к нему намертво, хотя, я считаю, что он стал родоначальником своего направления, которое он сам же и определил как «анархический рок». Свинья, в общем-то, еще стоял одной ногой в панк-роке, по крайней мере, в отличие от своих достаточно многочисленных последователей, он прекрасно чувствовал, что это такое. А у тех, кто шел следом за ним, на этот счет уже, как правило, в голове была полнейшая каша.

«Бытие определяет сознание», а наше «бытие» изрядно отличается от «бытия» Игги Попа, Роттена и Макларена. Натуральный панк в основном пугал классическое жизненное болото, но он не давал «Торжественного обещания пионера Советского Союза» и не сдавал историю КПСС. А у советского человека есть (вряд ли стоит

переходить на прошедшее время — «не говори гоп, пока не перестроишься») намного более достойный объект: тоталитарное государство — «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Я не могу сказать, что я — воинственный человек, скорее уж наоборот, но у меня у самого есть ощущение того, что я сильно задолжал за свой красный галстук, за свое пионерское детство и комсомольскую юность, и, пока не поздно, надо расплачиваться.

И наши «анархисты» тоже по-своему расплачиваются. Поэтому даже «Clash», одна из самых политически активных панк-групп, по своей социально-политической возбужденности не идет ни в какое сравнение с большинством наших «бойцов». Они взяли от панка грязный, пугающий имидж (и, наверное, правильно сделали), но, откуда он взялся, их в основном не волнует, да и не должно волновать — у них своя жизнь, свои проблемы и свои задачи. Панк идет сам по себе и не выбирает какого-то конкретного направления, просто он не вписывается в общую картину, и тем, кто встречается на его пути, кажется, что он идет против. Если «анархисту» разрешить делать все, что он хочет, и перестать обращать на него внимание, то он будет смешон. А панк — он сам по себе панк, он кричит не для того, чтобы на него реагировали, а потому что ему больно.

(Правда, по крайней мере, одна панк-группа в Советском Союзе все же есть. Это новосибирский «БОМЖ». И мне хочется надеяться, что кто-нибудь постарается записать их на ленту, пока все это не пропало с концами.)

На самом деле я ничего не имею против анархического рока. Вероятность того, что он в ближайшее время окажется в смешном положении, весьма невелика. Дай бог, чтобы я ошибался. Хотя даже и в случае относительной победы демократии наш хорошо отдрессированный обыватель, увидев чертика, не догадается оставить его в покое, а непременно позвонит в милицию или по-

старается еще как-нибудь его ушутить. Так что Рикошет может спокойно метать свои понты, а Мефодий — смело надуть презервативы.

Шутки — шутками, а между тем они делают важное и нужное дело: способствуют излечению советского народа от многолетнего массового психоза, так что в нашей стране анархический рок, пожалуй что, намного нужнее и уместнее, чем милый моему сердцу панк.

Вот таким вот неожиданным для самого себя выводом я и закончу все это дело.

III. ЗНАК АНТИУТОПИИ

*«Екатеринбург»,
1989, № 2*

РАСПАД СТРУКТУР (АНТИУТОПИЯ)

Приказ № 1

Настоящим извещаем о том, что власть капиталистов и помещиков, жидов и масонов, политиканов и капитанов-исправников и вообще какая бы то ни было власть свергнута.

Отныне вся власть в городе принадлежит Комитету Ублюдков.

Гражданскому населению вменяется в обязанность сдать под страхом суровых наказаний в 24 часа властям все огнестрельное оружие, колющие и режущие предметы, цепи от унитазов и велосипедов, полотенца, всю муку, ядохимикаты, птичий помет, и далее впредь до особого распоряжения.

Комитет Ублюдков

Приказ № 2

Нами, Комитетом Ублюдков, внимательно изучается возможность создания Временного коалиционного пра-

вительства, в состав которого должны войти такие популярные общественные деятели, как генерал Милитарюк, панк Говнюк, любер Фанатюк, рокер Металлюк, доктор Шизюк. Возглавит правительство фельдмаршал в отставке Пивоваров Федор Карпович.

Целью общества в ближайшее время и в необозримом будущем является тотальное искоренение врагов народа и истребление самой памяти о них, снесение их домов на слом и конфискация их скарба.

Контроль за исполнением настоящего приказа возлагается на всю общественность г. Блюева.

Комитет Ублюдков

— Правительство! Приказы пишут. Никто их не выполняет, эти приказы. Фельдмаршал Пивоваров! Сукин сын, муку ему отдай, птичий помет. А я бы по-другому сделал: поймали гада с цепями, в коже, с бляхами и значками — в машину его, в военкомат и военный билет на стол! Пусть поживет, сволочь, без военного билета, будет тогда знать, на что руку поднял. То-то же. А то мне власть: Говнюк, Пивоваров... Пустая бочка этот Пивоваров.

Приказ № 3

Настоящим объявляем упраздненными следующие общественные институты: начальные и средние школы, высшие учебные заведения — основной источник невежества, все промышленные предприятия, как источник наживы капиталистов, конструкторские бюро, продовольственные магазины, как рассадник воровства, все государственные учреждения, как источник коррупции, бани, как источник бытового сифилиса, банки и деньги, левозкстремистскую группу «Смерть всему живому», милицию, оперативные отряды, армию, телевидение, прессу, а также, возможно, всех людей как носителей

всего зла вообще, и далее впредь до особого распоряжения.

Во всех подразделениях в обязательном порядке ввести изучение следующих предметов:

«Сравнительный анализ философских концепций Чжуан-цзы, Николая Кузанского, Кьеркегора и Гуссерля». Ответственным назначить фельдмаршала в отставке Пивоварова Федора Карповича.

«Краткое введение в курс гражданской обороны». Ответственным назначить Летова Игоря Федоровича.

«Некоторые этические и эстетические аспекты концептуального искусства». Ответственным назначить ***.

*** впоследствии репрессировать за это.

Контроль за выполнением настоящего приказа возлагается на старший медперсонал и общество юных натуралистов.

Комитет Ублюдков

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

Срыть и сровнять с землей Дом культуры им. Молотова. Забетонировать площадку. На месте ее установить отечественный аналог монумента идеям чучхе в Стамбуле с той лишь разницей, что в отличие от монумента в алжирской столице, возвышающегося на 2000 метров над уровнем моря, отечественный аналог должен уходить на то же расстояние в глубь земли.

Оборудовать овощехранилище и подземные переходы для обеспечения свободного доступа гражданам к этому шедевру монументализма и монстрообразности.

Ф/м в отставке Пивоваров Ф. К.

— Слушай-ка! За кем это бегут?

— Опять металлиста поймали.

— Побежали снова. В другую сторону. Так и бегают здесь целый день. Взад-вперед. Взад-вперед. Туда-сюда, туда-сюда. Врагов народа ловят. Ублюдки приказали. Вон прохожие-то шарахаются. Как кого поймают,

так сразу же на фонарь. И дело! А ты не воруй! Вон, видишь, сколько их там уже, болезных, на фонарях-то болтается. Куда только санитарная инспекция смотрит? Зараза же.

— А давеча Ивановну-то тоже вздернули. 102 года старухе, муку в погребе прятала. Зачем ей в 102 года мука? Люберы вздернули. Она бедная аж сознание потеряла.

— Уважаемые господа! Я капитан-исправник Крокодилов. Раньше мне доводилось служить под началом генерала Изуверова. Замечательный был человек. Всегда отдавал четкие, ясные приказы: обыскать, свинтить, расстрелять. А я их по мере сил выполнял. Не могли бы вы разъяснить мне смысл некоторых ваших приказов и вытекающих из них моих обязанностей?

— Вот, что Крокодилов! Твой генерал Изуверов давным-давно упразднен, да и ты вместе с ним. Проваливай-ка отсюда и не путайся под ногами. У нас без тебя дел невпроворот. Собаки взбесились, поросенок третий день в хлеву не кормлен стоит. Давай-давай! А то налетит тут сейчас всякая публика как стая шакалов, уже припомнят тебе, какие ты там приказы при прежнем режиме выполнял.

Из писем трудящихся

Уважаемые господа Ублюдки! Мой муж, гр. Крестовоздвиженский Роберт Гаврилович, болен тремя видами венерических заболеваний. Он заражает невинных граждан, в том числе женщин, детей и стариков, ибо предела его развратности нет. Прошу Вас разобраться и принять меры, вплоть до исключения его из всех списков.

Господа! Что же происходит? С содроганием и ужасом смотрю я в завтрашний день. При попустительстве властей в лице управдома гр. Кретинина Соссия Варлаамовича мой сосед по лестничной клетке гр. Гонорре-ев Игорь Самсонович разводит у себя в квартире клопов

и тараканов и терроризирует соседей, угрожая направить при помощи биополя этих тварей в соседние квартиры. Наше соседство ему, видите ли, не нравится. Говорит: «Хочу жить в бункере, как Гитлер, с клопами и тараканами. С ними хоть поговорить можно, а с вас что взять?» Прошу посыпать гр. Гонорреева и его квартиру дустом.

Ублюдки!

Почему уже в десятый раз снижается цена на мыло? И кто вообще регулирует цены на дефицитные продукты питания? Прошу призвать виновных к ответу. Пусть сами это мыло жрут!

Из оперативных сводок

В народе обнаруживается большая смута. Судя по высказываниям людей, их доводит до отчаяния и грехопадения непоследовательная политика правительства Пивоварова.

Вчера группа из 100 человек (в основном жертвы происшедших недавно событий) шла по направлению к Комитету Ублюдков. Их задержали. Оказалось, что они хотели вручить лично Ублюдкам петицию с требованиями «прекратить произвол и безобразия».

Сегодня с такими лозунгами на улицы города вышли уже десятки тысяч человек.

Пивоваров: Господа! Я решил на чрезвычайную меру. Дайте мне все атрибуты власти: пурпурную тогу, венец Пилата или корону царя Алексея Михайловича, чтобы я во всем величии предстал перед народом. Я лично им все объясню.

Говнюк (панк): Кто тебя слушать-то будет, старый ишак? Не ходи ты к этому народу. Ты хоть и скотина изрядная, но не хочу я, чтобы тебя на части разорвали.

Фанатюк (любер): Вон, кричат: «Дайте нам Ублюд-

ков! Хотим видеть Ублюдков!» Я лично готов своей грудью, навстречу врагам...

Металлюк (рокер): Заткнись, дурак! Нужно выиграть время. Ввести народ в заблуждение. Показать им кого-нибудь, выдать за Ублюдка и отдать на растерзание. Глядишь, толпа и схлынет.

Шизюк (врач-психиатр): А у меня и есть такой на примете.

Милитарюк (генерал): Господа, нас спасет зеркало! Огромное бронированное зеркало. Ублюдки им нужны? Так пусть и смотрят на ублюдков! Пусть завывают сколько душе угодно, излагают им свои болести и претензии. Пусть бьются головой о пустоту.

Пусть ублюдки смотрят на Ублюдков!

*«Социд»,
1988, № 3*

ИЗ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ШУРЫГИНА

1. Как-то мы поехали на моторке с моим другом инспектором рыбнадзора. В зарослях мы приглушили мотор. Вдруг над рекой раздался глухой надтреснутый грохот. Взревев, наша лодка помчалась к середине реки, откуда послышался гром. Не проехали мы и километра, как увидели качающуюся на волнах лодку. До берега было не близко. «Вот он!» — злорадно прокричал инспектор. Подъехав вплотную, нам представилась такая картина. Спутанный сетью, на дне барки лежал огромный лещ — метра полтора, а рядом неприметный бородатый мужичок в серой телогрейке. На лице у него зияла кровавая трещина: от левого уха к правому виску через переносицу.

— Что это с ним? — поинтересовался я.

— Не выдержал. Роба от счастья треснула. Вишь лещище-то какой!..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*«Третья модернизация»,
1987, № 2*

МАРИЯ

Я шагаю по трупам, сказала Мария
И захлопнула зеркальце. Ножницы в пальцах
Подавили зевок и захлопнулись. Ниже
Распахнулись двери и кто-то вышел
В пальто нараспашку, с зонтом под мышкой.
И Мария сказала, не будь мальчишкой!
Я меняю унылую физиономию
На лицо оптимиста не без расчета.
Пусть никто не узнает, даже ты, Мария,
Во мне неудавшегося звездочета.
Как опавшие листья по квартире,
Нет меня покорнее для тебя, Мария,
Нет меня нежнее. На длинной шее
Огоньки граната — кровь со слезами.
Что твои прародители сделали с нами.
И со мной. Я не умер еще, Мария!
Я покину салон, не простившись с тобою,
И уже никогда не умру за веру
На твоей территории. Я не первый
И не последний из тех, кого ты
Любишь, но как, Мария,
Беспечально жить с тобой лицемером,
Прикасаюсь к ручке твоей губами,
Подносить тебе завтраки, петь сонеты,
Принимать от тебя золотые советы.
Я шагаю по трупам, сказала Мария
Так, как будто шагает к свету.

ЭМИЛИЯ

* * *

Только кажется, что с каждым часом трудней
Подпевать оптимистам в нестройном их хоре,
И невидимо то, что должно быть видней,
В организм проникает в виде калорий.
Веселящая тяжесть, как первый симптом
Беспокойного сна, рассеет внимание
И последняя мысль, как комета хвостом,
Разорвет покрывало и растает в сознании.
Пробужденье безрадостным будет, и звон
Нескончаемых ссор и поблекших дискуссий
Растревожит, как липовый камертон,
Не настроит, а только легонько укусит.
Приседая лениво под общую песнь,
Обнимая вселенную самозабвенно,
Что ты чувствуешь, если сегодня ты весь
Как твоя голубая вскрытая вена!

ЭМИЛИЯ

*«Социд»,
1989, № 3*

* * *

Я тебе расскажу,
Какая сейчас погода,
Я тебя попрошу
Спеть лучшую песню года.

Я тебе объясню,
Как намочить асфальт.
Я ненавижу весну,
Но я достал автомат.

Я тебе расскажу,
Какую гашетку нажать,
Я тебя попрошу
Меня уважать!

Я тебе объясню,
Чем намочить асфальт,
Я не помню весну,
Но я зарядил автомат!

Х. О. Панкующая 17.20.

ТАНЕЦ В СТИЛЕ КУЛАК

Открыв глаза и стиснув кулак,
На носках повернувшись вбок!
Вслух напеваешь неправильный такт,
Дублируя звук движением ног, —
Эти движенья из танца Кулак:
Его станцует каждый дурак, —
Главное — ладонь завернуть в кулак!
Головой, конечно, отмечаем такт.
Новый танец русских людей,
Танец тяжелых детей,
Танец хрящевых узлов,
Танец глаз и кулаков.
Танец этот лучше слов
Расскажет про любовь!
Танец в стиле Кулак
В ритме слова «НИШЧАК!»

Дискотека Алексей. Москва — Люберцы

ФИГУЛЬДЕНЫ

Там, где площадь плещется
На своих волнах,

Деньги тихо блещутся
Как в кошмарных снах...

Доллары и гульденy,
Даже есть рубли,
Даже есть фигульденy,
Только нет любви...

Только нет товарищей,
Только нет друзей,
Есть одни фигульденy,
Даже нет рублей...

Иоан Фон Дрюфель-Штюльтнер

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	3
Введение. <i>К. Г. Мяло</i>	4
САМИЗДАТ О САМИЗДАТЕ	17
В МИРЕ НЕФОРМАЛОВ	
I. Пером хрониста	30
II. Разговор диссидента с неформалом	50
III. Панорама	62
ОПЫТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	
I. О прошлом и будущем социализма	84
II. Малоизвестные страницы истории	124
III. Федерация на распутье	149
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ТРАДИЦИЯ	
I. Закладка храма	175
II. Храм и мир	197
«ПРИ СВЕТЕ ЗЕЛЕННЫХ СВЕЧЕЙ...»	
I. Реставрация времени	222
II. Реставрация пространства	239
ПОД ЗНАКОМ «РАСПАДА СТРУКТУР»	
I. Игра и мистерия	259
II. Шифры рока	274
III. Знак антиутопии	292
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	298

По страницам самиздата / Сост. К. Г. Мяло
П 41 и др.; Предисловие Мяло К. Г. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 300[4] с. — (Свободная трибуна).

ISBN 5-235-01204-6

Что такое самиздат? Какие этапы прошел он в своем развитии, о чем писал раньше и о чем пишет сейчас? Об этом и многом другом рассказывает эта книга — опыт первой, далеко еще не полной антологии самиздатовской периодики. Жизнь неформалов, их мнения и суждения по вопросам политики, религии, социологии, экологии, их эстетические пристрастия и их футурология — все это представлено в сборнике, который, к сожалению, не может отобразить всю пестроту и разнообразие неформальных изданий, но позволит ввести читателя в их мир. Книга рассчитана на массового читателя.

П 4702010206—129 КБ—041—030—89
078(02)—90

ББК 94.3

ИБ № 6797

ПО СТРАНИЦАМ САМИЗДАТА

Заведующий редакцией С. Дмитриев

Редактор М. Ганичева

Художник В. Саунов

Художественный редактор С. Курбатов

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры И. Ларина, Е. Дмитриева

Сдано в набор 06.10.89. Подписано в печать 28.02.90. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Условн. кр.-отт. 13,65. Учетно-изд. л. 13,3. Тираж 100 000 экз. Цена 1 рубль. Изд. № 2389. Заказ 0—234.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-01204-6

1 р.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ